

ODDELENIE MANAŽMENTU CHEMICKÝCH A POTRAVINÁRSKYCH TECHNOLOGIÍ
DEPARTMENT OF MANAGEMENT OF CHEMICAL AND FOOD TECHNOLOGIES
ÚSTAV MANAŽMENTU SLOVENSKEJ TECHNICKEJ UNIVERZITY V BRATISLAVE
INSTITUTE OF MANAGEMENT OF SLOVAK UNIVERSITY OF TECHNOLOGY IN
BRATISLAVA

MANEKO

2/2019 ROČNÍK XI

MANažment a EKOnomika podniku
JOURNAL OF CORPORATE MANAGEMENT AND ECONOMICS

Redakčná rada

Predseda: Doc. Ing. Irina Bondareva, CSc., Slovak University of Technology in Bratislava, SK

Podpredseda: Prof. Elena Shibanova-Roenko, Ph.d. in econ.

Členovia:

Prof. Ing. Július Alexy, CSc., University of Economics in Bratislava, Bratislava, SK

Prof. Ekaterina Antipova, PhD., Belarusian State University, Minsk, BY

Doc. Ing. Aleš Hes, PhD., Czech University of Life Sciences Prague, Prague, CZ

Prof. Andrej Kalganov, DrSc., Lomonosov Moscow State University, Moscow, RU

Prof. Ing. Hana Lošťáková, Ph.D., University of Pardubice, Pardubice, CZ

Assoc. Prof. Dr. Jogaila Mačerinskas, Vilnius University, Vilnius, LT

Doc. Ing. Renáta Myšková, PhD., University of Pardubice, Pardubice, CZ

Prof. Robert Nizhegorodtsev, DrSc., Russian Academy of Sciences, Moscow, RU

Prof. Gulnara Nyusupova, PhD., Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, KZ

Doc. Zora Petraková, PhD., Slovak University of Technology in Bratislava, Bratislava, SK

Ing. Jana Plchová, PhD., Slovak University of Technology in Bratislava, SK

Prof. Anatolij Porokhovskiy, DrSc., Lomonosov Moscow State University, Moscow, RU

Prof. Viktor Riazanov, DrSc., Saint Petersburg State University, St. Petersburg, RU

Doc. Ing. Daniela Špírková, PhD., Slovak University of Technology in Bratislava, Bratislava, SK

Doc. Ing. Monika Zatrochová, PhD., Slovak University of Technology in Bratislava, Bratislava, SK

Vedecká rada

Predseda: Doc. Ing. Jana Kajanová, PhD., Comenius University in Bratislava, Bratislava, SK

Členovia:

Prof. Ing. Edita Hekelová, PhD., Slovak University of Technology in Bratislava, Bratislava, SK

Ing. Slávka Šagátová, PhD., University of Economics in Bratislava, Bratislava, SK

Doc. Ing. Katarína Teplická, PhD., Technical University of Košice, SK

Zodpovedný redaktor: Ing. Jana Plchová, PhD.

Grafická a redakčná úprava: Ing. Petra Valiauga

Správca webovej stránky časopisu: Ing. Juraj Tomlain, PhD.

V časopise sa uplatňuje systém anonymného recenzovania (peer-review) pre overenie vedeckej kvalifikácie článkov, každý príspevok je posudzovaný dvoma nezávislými recenzentmi.

Príspevky boli schválené na publikovanie Vedeckou radou časopisu.

Číslo 2/2019 bolo redakčne spracované v mesiacoch máj –jún 2019

Adresa redakcie: OMCHaPT ÚM STU
Vazovova 5
812 43 Bratislava
e-mail: jana.plchova@stuba.sk

Časopis MANEKO vychádza v spolupráci so Slovenskou spoločnosťou priemyselnej chémie FCHPT STU v Bratislave pri ZSVTS (Zväz slovenských vedecko-technických spoločností)

OBSAH

Анатолий Андреев

ВЕЛИКАЯ ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ СКВОЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ПРИЗМУ.....123

Natalia Bannikova, Olga Kusakina

PROBLEMS OF FORMATION OF HUMAN CAPITAL IN AGRICULTURE OF RUSSIAN FEDERATION UNDER CONDITIONS OF DIGITALIZATION.....131

Chaldaeva L. A.

HISTORICAL LESSONS OF REFORM AND MODERN IMPROVEMENT OF THE ECONOMIC SYSTEM OF RUSSIA: FROM 1947 TO 2017.....140

Лариса Чалдаева, Арсений Данилин

СОВРЕМЕННАЯ НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ.....157

Dadaev Ya. E., Bekmurzaev I. D., Khazhmuradova S.D.

DIGITAL ECONOMY: TRENDS AND PROSPECTS FOR ADVANCED DEVELOPMENT.....168

Daniel Kný, Dana Junková

LIDSKÝ KAPITÁL JAKO FAKTOR EVROPSKÉ INTEGRACE.....183

Комилджон Раунов

ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР БЛАГОПРИЯТНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ.....197

Елена Шибанова-Роевко

КРЕАТИВНЫЙ ПОДХОД – НЕОБХОДИМАЯ ОПОРА В ФУНДАМЕНТЕ КРИЗИС-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ.....205

Николай Шобонов

ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕЛЬСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ СЕЛЬСКОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И УСТОЙЧИВОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ.....227

Lukáš Veteška

VPLYV INTELIGENTNÉHO PRIEMYSLU NA TRH PRÁCE A VZDELÁVANIE.....238

**ВЕЛИКАЯ ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ:
ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ
СКВОЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ПРИЗМУ**

**THE GREAT DIGITAL REVOLUTION: HUMANITARIAN ASPECT
THROUGH THE ECONOMIC LENS**

Анатолий Андреев

Abstract. *Man's mastery of the world is his ability to receive and manage information. The interpretation of the modern economic man as an employee of the future digital world is of great interest from scientists, researchers and practitioners. The issues of formation of a fundamentally different landscape of labor markets, goods, educational services, scientific, technical and technological potential of digitalization and related robotization, aspects of artificial intelligence are subjected to the greatest analysis. At the same time, the civilizational image of the world, which the leaders of the digital revolution and their active followers are going to build, does not cause heated discussions. The author proposes a focus on three conceptual futuristic projects of digitalization – Chinese (sociocentrism), Western (individualism) and Russian (personcentrism).*

The purpose of article consists in the analysis of humanitarian bases of formation of new qualities of the modern economic person.

Methodology/methods. As methods used epistemology, hypothetical analysis, systemology, reasoning as a way of problem analysis

The scientific purpose of article is in understanding the likely humanitarian consequences of digital transformation in the economy.

Findings. *The Chinese project of digitalization of the economy, based on the sociocentrism of the Confucian person, offers a firm hand to guide the person in everything, but at the same time to leave the society of people on the positions of self-regulation. The West, drawing on the ideas of individualism, similar offers to engage his ego, as "not focused" on an in-depth knowledge of yourself. Russian personocentric project, according to the author, is truly universal, equally important for all, because it allows you to direct the existing potential of man to the knowledge of himself and the knowledge of the world. Modern Western and Chinese models of digitalization undoubtedly and uncompromisingly dominate. In terms of prognosis, we should expect serious confrontations in technical and ideological relations on the issues of the digital world order.*

Conclusions. *In the humanitarian aspects, Russia throughout its history is prepared for active economic digitalization, including 70-year-old socialist achievements, which should not be written off in a hurry. The modern Russian Federation as a state has the necessary conditions for the implementation of its pilot digital projects.*

Keywords: *digital economy, China, West, Russia, futurological concepts, humanitarian aspects*

JEL classification: *A13; B50; F01; M14; O10*

ВВЕДЕНИЕ

Едва ли сегодня найдутся ответственные специалисты-профессионалы, сомневающиеся в том, что завтра мир будет развиваться с помощью цифровых технологий. При этом почти все ученые, исследователи, практики интересуются научно-техничко-технологическим потенциалом цифровизации и взаимосвязанных с ней роботизацией, аспектами искусственного интеллекта, формированием принципиально иного ландшафта рынков труда, товаров, образовательных услуг и тому подобное. Но цивилизационный облик мира, который собираются строить лидеры цифровой революции и их активные последователи на указанной базе, парадоксальным образом не вызывает бурных дискуссий. Де-факто в сегодняшнем настоящем человек стоит перед выбором своего будущего и, причем, в чем-то более существенном, чем технические и технологические проблемы цифровизации экономики.

В этой связи возникает вопрос: в каких координатах – произвольных или более-менее объективных – происходит трактовка человека как работника будущего цифрового мира?

Здесь сразу уместно напомнить, что объективность познавательных координат предполагает следующее: известно, что человек является существом биологическим, социальным, идеологическим, поэтому если характеризовать природу человека одним словом, можно сказать, что все люди – существа информационные¹. Что бы мы ни говорили о человеке и о его достижениях в любых сферах жизнедеятельности, как Homo Sapiens он в принципе не может обойтись без двух базовых категорий: 1) информация; и 2) управление информацией. Освоение мира человеком – это его умение получать информацию и управлять ею.

Далее, с большой долей уверенности, можно утверждать, что человечество обладает двумя типами управления информацией – бессознательным и сознательным². Это принципиально важно для понимания природы цифровой картины мира как информационной картины и, следовательно, для понимания предназначения экономического человека в цифровом формате.

Добавим еще немного интриги в экономизм цифровизации в виде очередного вопроса: чем руководствуется человек, когда принимает экономические решения: эмоциями или рассудком?

«Человек эмоциональный» (назовем его индивид) выстраивает свои отношения с миром бессознательно (при этом рациональное начало, опирающееся на интеллект, может внешне доминировать), но не факт и степень участия интеллекта в процессе освоения мира делает человека существом сознательным (разумным).

«Человек разумный» (назовем его личность) начинается там, где возникает сознательное управление информацией, имеющей отношение к человеческому измерению – сознательному и бессознательному. С информационной точки зрения, личность понимается как тип управления информацией, где приоритет в выстраивании информационной картины мира отдается сознанию или, как говорят экономисты, рациональности экономического поведения.

¹ Под воспринимаемой человеком информацией мы будем понимать любое сообщение, поступившее из внешнего мира. Своими органами чувств человек воспринимает информацию и далее «адресует» ее сознанию. Вне сознания, включая его психическую составляющую, понятия «информация», «управление информацией» для человека не существуют, поскольку *это* никак не материализуется.

² Автор говорит о сознании и психике не в узком, медицинском, смысле. Речь идет о двух типах управления информацией (в том числе социально-экономической), противоречиво функционирующих на совокупной базе сознательного и бессознательного. Эффективность экономического человека как существа информационного, прежде всего, заключается в эффективном управлении двумя типами информации, которые дополняют и обогащают друг друга. Очевидно, что сам процесс информационного развития (прогресс) поддается регуляции, и речь не идет о тотальном контроле, но о стратегическом управлении.

1. МАСШТАБ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ С ПОЗИЦИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА: ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Цивилизационный масштаб цифровых вызовов глобальному экономическому миру должен вызвать немалый интерес к версиям футурологических концепций. Ведь их колоссальная битва уже началась, разворачиваясь, по сути, на наших глазах. У грядущей цифровой эпохи уже сейчас просматриваются жесткие параметры: освобождение людей от рутинного труда, и это колоссальный по своим последствиям социальный перелом. Автор статьи предлагает сосредоточиться на трех концептуальных футурологических проектах цифровизации – китайском, западном и российском.

1.1 КИТАЙСКАЯ ЦИФРОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ КАК ПРОЕКЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО

Итак, что предлагает «цифровому миру» Китайская Народная Республика, обладающая второй экономикой в мире по объемам производства и первой по темпам роста?

Существуют авторитетные и знаковые мнения, например, создатель *Алибабы* и один из богатейших людей планеты Джек Ма делится своим видением цифрового мира будущего: «Многие говорят о том, что новые технологии вытеснят людей. Думаю, здесь не нужно так беспокоиться. Эта проблема разрешится сама собой со временем» (Юдкевич, 2017). Однако автор статьи уверен, что ни о саморегуляции социума, ни о стихийно-бифуркационном эволюционном регулировании в словах Джека Ма речь не идет. Просматривается классическое конфуцианское представление об исправлении нравов на базе возникающих новых – цифровых – возможностей. И на деле все будет под контролем: и сетевая активность граждан Поднебесной, и их лояльность китайским брендам и, главное, руководящей линии китайских лидеров.

Чтобы по достоинству оценить китайское предложение будущему экономическому миру, необходимо иметь в виду следующее: цифровизация высвобождает людей от нетворческой работы, рутинного труда «ради хлеба», то есть от работы, которую способен и будет выполнять искусственный интеллект под управлением «цифры» (роботы, приспособления-автоматы, удаленные электронные IT-устройства и тому подобное). И в этом видится главная в виду своей неизбежности проблема развития будущего по-китайски – чем занять гигантское количество нигде не работающих, ничем не занятых людей. Ведь высвобождение из рутины механической работы порождает не проблему досуга; она порождает проблему новой трактовки возможностей человека.

Чтобы занять свободное время свободного человека, надо предложить новое видение человека по типу «скажи мне, как ты понимаешь человека, и я скажу, чем его занять».

Футурологическая версия экономического мироздания от восточного человека Джека Ма есть не что иное, как исполненный идеологический трюк: ничтоже сумняшися и уверенно он придал универсальность и всеобщность конфуцианской трактовке *Homo Economicus* и *Homo Sociologicus* (трактовке *неуниверсальной* и, по мнению автора статьи, *неубедительной* в научном срезе).

Для освещения гуманитарных сторон цифровой экономики сформулируем вопрос с учетом сложной человеческой природы: с какой точки зрения человек смотрит на свою хозяйственную/экономическую деятельность, на себя как работника и профессионала, на общие/экономические проблемы цифровизации? С позиций индивида или личности? Цифровая картина мира выстраивается в соответствии с выявлением личностных

возможностей экономического человека, то есть «скажи мне, насколько человек разумен (в какой степени он является личностью), и я скажу, зачем ему необходима «цифра».

С авторской точки зрения, ответственное отношение к информационным возможностям экономического человека начинается с разумного отношения к себе, а именно: с культивирования в себе личности.

По мнению автора статьи, китайская футурологическая концепция предлагает делать ставку на тип управления информацией, который, как видим выше, отнесен к бессознательному. Китай по-прежнему исторически делает ставку на силу социоцентризма конфуцианского человека, но это – вчерашний день (наверное, даже для Китая), просто в новой, супертехнологичной, оболочке.

Как России относится к предлагаемому восточному варианту глобализма с улучшенными нравами? Если конкурировать с восточным соседом и партнером по его, «конфуцианским правилам», то Россия и экономически, и культурологически встает не в ранжир лидеров, но в длинный список региональных держав, для которых сотрудничество с крупнейшей экономикой мира станет очередным и уже всем известным сценарием гонки за лидером.

Итак, в восточной цифровой концепции количество по-прежнему ставится выше качества. И это означает: концептуально Китаю нечего предложить цифровому мирозданию, и социоцентризм как идеология прогресса выведет человеческую цивилизацию на очередной пик только тех достижений, которые уже довели ее до кризисного состояния по многим позициям жизнедеятельности.

1.2 ЗАПАДНАЯ ЦИФРОВАЯ МОДЕЛЬ БУДУЩЕГО

Рассматривая западную цифровую модель экономического будущего, однозначно выделим, что как проект она антикультурна по своей сути, причем западные концептологи и идеологи откровенно не заняты даже малейшим прикрытием такого факта. Запад открыто делает ставку на силу, на природное (витальное) эгоистическое начало в человеке, на индивидуализм как разновидность силовой регуляции (Зотин, А., n.d.).

В рамках предлагаемой западной модели экономического будущего в виде так называемого суперкапитализма цифровой мир будет принадлежать тому, у кого в руках сосредоточится максимум капитала, в том числе и в его виртуальной форме. Поскольку трудовых доходов выплачивать человеку труда в *безлюдном* производстве капиталистами не предполагается, то высвобождающимся работникам предлагается переобучение, переезд на новые места трудоустройства, самозанятость, более ранний выход на пенсию, сокращенная рабочая неделя и рабочий день, социальные пособия и прочее-прочее.

Вчитайтесь внимательнее в приведенный перечень капиталистических «забот». Суперкапитализм органично вбирает в себя черты рабовладельческого строя либо феодального крепостного права в виде создания слоя «новых крепостных», о которых в том числе писал немецкий социальный философ, выдающийся представитель Франкфуртской школы Юрген Хабермас (Шибанова-Роенко, Е.А., 2013): в свободном «рабстве» состоит суть индивидуалистической западной модели цифрового будущего экономического мира.

1.3 РОССИЙСКОЕ ВИДЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Стратегически российские концептологи предлагают иное представление о цифровом будущем и экономики, и в целом обустройства человеком своей жизнедеятельности: цифровая революция видится своего рода локомотивом, который может увлечь за собой уже

состоявшуюся информационную революцию. Это означает, что цифровая революция нужна не сама по себе, и уж тем более не для «исправления нравов с использованием интернета», но для развития нового мышления – основы основ прогрессивного типа экономического развития (по Шумпетеру). И далее, на новой познавательной основе, актуализируется потенциал человеческого капитала и превентивное высвобождение человеческих ресурсов. Суть предложений России: Великая цифровая революция дает человеку Великий шанс – мыслить по-новому. И ставка на количество, которое не переходит в качество, это – ставка не на прыжок в цифровой мир, а позиция стагнации.

Но для качественного прыжка российскому обществу нужна личность/персона и персонцентризм как идеологическая основа российского проекта. В этом случае Россия может стать *мировой* цифровой державой (и экономически, и культурологически); Китай же вполне вероятно ожидает превращение в регион с самобытным тоталитаризмом. К тому же на сегодняшний день КНР даже не входит в список активных последователей цифровой экономики, в отличие от 39 места РФ в этом списке, по заключению Boston Consulting Group.

Освобождение от механической работы не решает проблему раскрытия творческого потенциала и создания разумных потребностей человека, но порождает проблему досуга, представляющую интерес для индивида. Тем самым, личностный рост из вечно второстепенного не переходит в основной первостепенный разряд для человека³.

2. ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИО-, ИНДИВИДО- И ПЕРСОНОЦЕНТРИЗМА КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ «ЦИФРЫ»

Итак, мы имеем три базовых информационных модели, которые предлагаются человечеству в качестве футурологических цифровых проектов: (а) социцентризм, (б) индивидцентризм и (с) персонцентризм:

(а) мера всех вещей – социальная лояльность и значимость; отсюда ключевой постулат в трактовке человека: индивид есть существо социо-биологическое;

(б) мерой выступают деньги – экономический продукт, ставший цивилизационным; культурологически деньги есть культ силы; ключевой постулат: человек (индивид) есть существо био-социальное;

(с) мера всех вещей – личность; человек есть существо информационное, и приоритет в управлении информационным комплексом оставлен за разумом; ключевой постулат: человек есть существо био-социо-духовное, то есть нравственное.

В целом, гуманитарных этико-философских препятствий для развития искусственного интеллекта и, соответственно, для развития цифровой экономики не существует. В этой связи особо подчеркнем: речь идет о человеке разумном как социальном ориентире, и конвергенцию или адгеренцию указанных концепций надо изучать и анализировать как возможные варианты единения⁴. В этом и состоит гуманитарный парадокс как ключ к развитию цифрового мироздания. Но если понимать, что цифровое развитие экономики – это зона интересов личности, то все встает на свои законные гуманитарные места.

В процессе поиска простого, яркого и одновременно убедительного примера из сферы «человеческого измерения», иллюстрации «идеологем» цифровой экономики (социо-, индивидо- и персонцентризма), автор статьи обратился ... к русской литературе, и конкретно

³ Важно: речь не идет о создании нового человека, и с этими авантюриными утопиями автор статьи как ученый и исследователь себя не ассоциирует. Речь идет о создании новых потребностей, которые рождаются новым качеством мышления.

⁴ Например, с этой целью можно разграничить два подхода к изучению человека: аксиологическую антропологию (персонцентризм) и эмпирическую идеологию индивидцентризма.

к пушкинскому «Евгению Онегину», признанному во всем мире в качестве «энциклопедии жизни духа», то есть зафиксированного пути восхождения человека от индивида к личности.

Если отойти от художественной ценности стихов гениального русского поэта А.С. Пушкина, в выбранном автором источнике повествуется, как мы помним, о некоем совсем молодом человеке, который оказался в драматической ситуации «горя от ума». Кредо основного фигуранта, хотя и тяготящегося бесцельным существованием, было жестким и принципиальным: «Кто жил и мыслил, тот не может в душе *не презирать людей*».

Как видим, ситуация в полной мере экзистенциальная и универсальная.

С социально-экономической точки зрения главный персонаж вполне успешен, то есть богат, образован, умен, физически здоров. Но автор статьи, представивший подробно в §1.1 идеологию западного индивидуализма и китайского (восточного) социализма, заложенных в основание цифровизации экономики, интересуется в главном пушкинском герое иным, а именно: чем были заняты ум и душа Онегина, который нигде не работал и ничем не был занят.

... «Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга,
Без службы, без жены, без дел,
Ничем заняться не умел»...

Перед нами – проблема модели грядущей цифровизации, состоящая в следующем: чем занять высвобождаемого работника и успешного профессионала своего дела, допустим, ставшего в виду роботизации ненужным рынку труда. Вдобавок: чем богаче одарен человек, тем больше у него шансов оказаться в идеальном капкане досуга и одновременно ловушке праздности. Здесь напомним, что Восток в лице Джека Ма предлагает твердой рукой направлять человека во всем, но при этом общество людей оставить на позициях саморегулирования. Запад аналогично предлагает заниматься своим эго, также «не отвлекаясь» на углубленное познание себя.

Гений А.С. Пушкина вывел героя своего произведения на путь поиска смысла жизни, реализовав его в сфере высших гуманитарных ценностей – истины, добра, свободы, достоинства. При этом человек способен занять себя сам, ибо он – личность, обладающая сознательно наделенными способностями.

Бессознательные потребности конфуцианского (восточного) и западного человека, сформированные с помощью определенных информационных технологий, обрекают человека на жизнь под гласным девизом «стремись к покою и наслаждению» и негласным девизом – «служи силе, подталкивай падающего, побеждай всегда», то есть в конечном итоге «забудь о стратегическом предназначении человека в управлении информацией».

В образовательном смысле ориентация на личность – это вклад в подготовку завтрашних специалистов-профессионалов в сфере искусственного интеллекта, ибо люди с развитым мышлением, умеющие оперировать массивами информации и вычленяющие скрытые закономерности, будут определять дальнейшее развитие цифровой экономики с горизонтом 50-100 лет. Разум будет определять развитие цифровизации, и никак не наоборот.

Сформированные разумом потребности материализуются в хозяйственную (экономическую) деятельность, которая никому не угрожает свободным «рабством». Как раз способность видения личности как совокупности разумных потребностей не несет в себе гуманитарные истоки восточного социализма и западного индивидуализма, в отличие от российского персонизма.

Автор считает необходимым, справедливости ради, коснуться недостатков российского гуманитарно-экономического проекта (персонизма). В частности, *высвобождение*

гигантского количества людей от нетворческой работы, которую способен выполнять искусственный интеллект, порождает проблему избавления человека от необходимости «прятаться» за работу и при этом «прятаться» от себя. В формате персонцентризма человек будет поставлен перед вынужденной необходимостью вновь познавать себя, то есть проблема существования и выживания человека выходит на уровень поиска смыслов. К подобному познанию как каждодневному упорному труду над собой, конечно, готов не каждый человек и, тем более, не каждый работник. Индивид, информационная основа которого состоит в интеллекте, и личность, основа которой в разуме, при их соотношении создают, по своей философской сути, формулу комплекса неполноценности, и вряд ли придется ожидать объективное отношение к этому срезу персонцентризма.

Подчеркнем, что персонцентризм предполагает социально-экономическую модель, противоположную западному суперкапитализму и конфуцианскому (восточному) коммунизму. Вероятно, такое соотношение футурологических цифровых концепций в преждевремененно, но, как говорится, его следует «держать в уме».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятие «цифровая эпоха», которое становится шире и глубже, уже давно не является синонимом понятий «технологический прорыв» или «смена технологических укладов» и стало даже больше, чем понятие «цифровая революция». Российский вариант подхода к цифровизации экономики с опорой на персонцентризм, являясь и экономическим проектом, и культурным, в случае успешной реализации может стать серьезным вызовом процессу глобализации в целом (Андреев, А.Н., 2016). О больших вызовах, формирующихся под влиянием цифровой экономики, также немало говорится. Но при этом почти не говорится, что в гуманитарных аспектах Россия *всей* своей историей подготовлена к экономической цифровизации, включая 70-летние социалистические достижения, которые не стоит торопиться списывать.

Автор статьи убежден, что современная Российская Федерация как государство обладает необходимыми условиями для реализации своих пилотных цифровых проектов. Под необходимыми условиями автор имеет в виду не только материальные, научно-образовательные и человеческие ресурсы, но и моральный климат в обществе, волевой тонус лидеров, понимание ими вектора и задач, стоящих перед страной, а также общий настрой среди специалистов, экспертов и профессионалов-практиков на восприятие нового технологического уклада.

Чрезвычайно важным становится учет фактора времени, и стратегия по типу «дождаться, пока проблема созреет» недальновидна. Для России она не подходит никоим образом; ориентация РФ в своих цифровых проектах на экономический прыжок в цифровой мир не является риторической вводной частью, а несет в себе указания на необходимость активным образом способствовать ускоренному «цифровому» созреванию российской экономики в нужном направлении и переводу его в плоскость практических решений.

С учетом временного дефицита цифровые проекты с основой на соционцентризм и индивидоцентризм однозначно направлены на безусловное и бескомпромиссное доминирование. В прогнозном отношении следует ожидать серьезных противостояний в техническом и идеологическом отношениях. Средствами разрешения конфликтов в соционцентрической модели обычно являются мягкая сила, принуждение, весьма напоминающее «гуманную войну», но не исключающее применение силы в грубой форме; индивидоцентрическая модель предполагает прямые военные действия.

Персонцентрический проект, по мнению автора статьи, является подлинно универсальным, в равной степени важным для всех, поскольку позволяет направить имеющийся потенциал человека на познание себя и познание мира. С позиций

персоноцентризма задача видится не в том, чтобы сделать производство безлюдным, а в том, чтобы «безлюдное производство» стало условием личного роста. Персоноцентризм потенциально исключает конфронтацию и силовое разрешение конфликтов, ориентируясь на принцип справедливости. Ведь социальная справедливость реализуема только через личность. Позиции же индивида сегодня, безусловно, доминируют, поэтому внешне российская цифровая концепция не воспринимается пока как заслуживающая открытого и пристального всеобщего изучения и внимания. Однако этому придет свой срок, ибо современному массовому человеку с его культом неразумного потребления нет места в прямом и переносном смысле в цифровой эпохе и эпохе искусственного интеллекта.

Автор статьи считает возможным добавить, что изучение ключевых для россиян произведений русской литературы и русского языка должно стать приоритетным, ибо в них имеются средства и приемы развития мышления и, следовательно, способ приобщения к высшим культурным ценностям, таких как: истина, добро, свобода, счастье, личность.

Гуманитарно-образованные специалисты в любой сфере сугубо хозяйственной деятельности будут под иным ценностным углом зрения видеть перспективы применения и информационные возможности цифровизации; а экономический эффект будет гарантирован надпрофессиональными компетенциями широко образованного специалиста.

ЛИТЕРАТУРА

- Юдкевич И., (2017). «Цифирь решает все!!»: Россия между Сциллой и Харибдой новой технократии. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/2338881.html>
- Зотин А., (n.d.) Рабовладельческий строй. Как мы будем жить при суперкапитализме. – URL: <https://news.mail.ru/economics/31540676/?frommail=10>
- Андреев А. Н., (2016). Русский культурный проект как вызов процессу глобализации. // Белая Вежа. -2016. - № 10 (37). - с. 89-97.
- Шибанова-Роечко Е.А., (2013). Общественное пространственное управление и кризис как его номинация // География мирового хозяйства: регионализм в условиях глобализации: материалы IV Международной научно-практической конференции: в 3 ч. / отв. ред. В.Н. Холина. Москва, 24-25 октября 2013 г.– Москва: РУДН, 2013. – с. 375-389. ISBN 978-5-209-05361-3 (ч.1)

Author:

Ph.d., Andreev A.N., professor,
K.G. Razumovsky Moscow State University of technologies and
management
(the First Cossack University), Moscow, Russia;
Tel.: +7 967 115 17 17 (Moscow, Russia)
anandreev58@mail.ru

PROBLEMS OF FORMATION OF HUMAN CAPITAL IN AGRICULTURE OF RUSSIAN FEDERATION UNDER CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Natalia Bannikova, Olga Kusakina

Abstract. *The intensity of the digitalization process, which has a significant impact on the quality of human capital, has significant differences not only between countries, but also between industries and territories. The indicators that characterize this process include, above all, the International Index of the Digital Economy and Society I-DESI and the availability of information and communication technology (ICT) specialists. The interaction of digital space with reality concerns, first of all, agriculture - the base industry for any state. As shown in the study, the development of agriculture in Russia, adequate to contemporary challenges, is hampered by the reduced susceptibility of the industry to innovation and the shortage of ICT professionals with digital competencies. For such a large country as Russia, the threat of low attractiveness of life in the countryside and limited opportunities for professional growth against the background of an undeveloped system of digitization of agriculture remain. In 2018, a departmental project "Digital Agriculture", developed by the Ministry of Agriculture of the Russian Federation, was adopted and is currently being implemented in the Russian Federation.*

The purpose of article is to study the specifics of the agrarian sector of the Russian economy, taking into account the requirements of its development in digital format.

Methodology/methods. In the process of research, they were used as methods of analysis and synthesis, typologization, statistical review, statistical method, methods of grouping and comparing, information review, methods of graphical visualization of the processed statistical results.

The scientific purpose of article is to focus on the need for additional research in the area of the formation of human capital in rural areas of Russia, taking into account the sectoral aspect of agriculture.

Findings. *The lag of agriculture as a branch of the economy in Russia is due to such main reasons as: a) the reduced innovative susceptibility of the agrosphere; b) the dependence of the specialists required by the digital economy on the working conditions, lifestyle, level and quality of life in the countryside. The transition to robotic systems for the maintenance of animals and plants is not seen as a near-term outlook, including because of the difficult financial situation of the Russian agriculture. Formation of human capital in rural areas of Russia, taking into account the sectoral aspect, requires additional research, among the main areas of which are the following: strengthening the interaction of educational institutions with the real sector of the agrarian economy; the role of the state in various forms and ways to support the industry; actualization of rural development in areas of digitalization.*

Conclusions. *The demand for digital labor competencies from agricultural production in Russia is not high enough due to the technological features of the industry. The development of these competencies is also hampered by the socio-economic situation in the agrarian sector of the Russian economy. The planned measures to support digitalization in the agrarian sector of the Russian economy do not correspond to the rapid development of the digital economy on a global scale.*

Keywords: *human capital, agriculture, development, Russia, backlog, reasons, departmental project*

JEL classification: *J24; O13; O15; O21;*

INTRODUCTION

Recently the problem of formation of the human capital in the conditions of rapid development of digital economy is one of the most discussed. At the same time most often the attention of scientists is concentrated on questions of creation of potential of digital economics, new requirements to an education system, forming the human capital, including in the different industries. Penetration of technologies of new generation into agricultural activity is estimated by experts as a prompt trend. In particular, it is noted that “implementation of the latest technologies in agro-industrial complex is capable to increase substantially efficiency and productivity of agricultural enterprises due to reduction by enough length of a chain of cost of products and solutions of other, earlier unresolved tasks” (Tuskov et al., 2018).

In the context of the international comparisons it should be noted that process of digitalization of economies of the different countries goes unevenly what confirms the International index of digital economy and society I-DESI⁵. The average value of this index on EU countries - 28 is 0.54, and only the third part of the countries which are not entering the EU has value below of an average (Russia heads this group with index 0.47). The different level of development of digital economy can lead to strengthening of disproportions of both technological, and social and economic development of the countries.

In numerous publications demand for new quality of the human capital in the context of abilities, skills and competences is considered, first of all, from such types of activity as: electronic trading, electronic marketing and banking, other types of electronic services. At the same time to interaction of digital (virtual) space with traditional, i.e. real, the economy pays much less attention. Of course, it is necessary to give the report that “the person will not refuse traditional economy: it is necessary to grow up and produce food, to build houses and other objects, to transport freights, to treat sick people, to raise and train children. Due to growth of capacities of processors, activization of Internet technologies, distribution of mobile services and devices, integration of users into life of social networks of people faster, quite comfortable and not less guaranteed access to listed” (Shibanova-Roenko, 2018).

The intensity of the process of digitalization having a considerable impact on quality of the human capital has essential differences not only between the countries, but also between the industries and territories.

First of all, security with experts in the field of the information and communication technologies (ICT) belongs to indicators which characterize the specified process. The analysis of differentiation of this indicator and its reasons and also possible directions of improvement of a situation, is carried out on the basis of studying of technological, social conditions of formation of the human capital, the directions of the state support. For the purpose of identification of top trends, prospects and restrictions in the system of training for digital agricultural industry of the Russian Federation by researchers from the Stavropol state agricultural university (Stavropol, Russia) used results of expert poll of top management of 54 agrarian higher education institutions of Russia and indicators and level of readiness of education for development of "digital" competences are established (Bobryshev et al., 2018).

⁵ I-DESI indicator – International Digital Economy and Society Index – was calculated by General management of communication networks, content and technologies of the European Commission (European Commission Directorate General for Communications Networks, Content and Technology) over the countries which are not entering the EU according to methodology of the European Index of digital economy and society (Digital Economy and Society Index, DESI).

1. PROBLEMS OF PROCESS OF DIGITALIZATION IN AGRICULTURAL INDUSTRY OF THE RUSSIAN FEDERATION

As it was already noted by authors, the International index of digital economy and society I-DESI – an important modern indicator. The main components of the I-DESI index are communication, the human capital, using of the Internet, implementation of digital technologies in business and digital services for the population which reflect cumulative process of digitalization of economics of the different countries (figure 1).

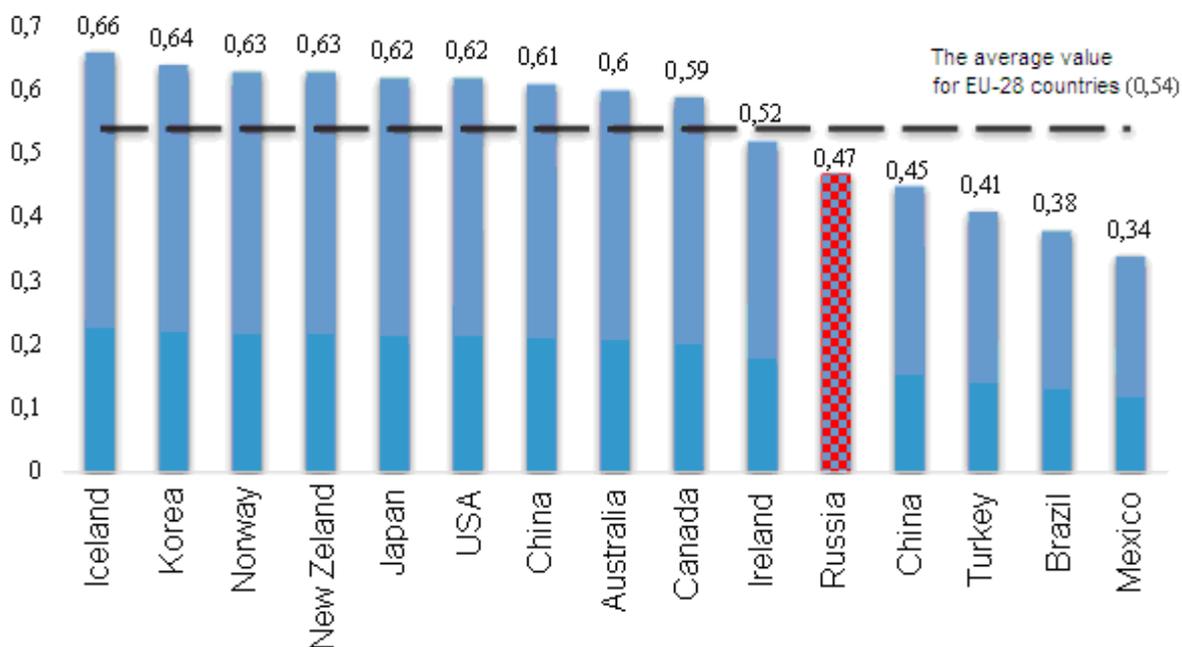

Figure 1: International digital economics and society index (2016)

Source: Indicators of the digital economy, 2018

In particular, it should be noted an essential gap on value of the Index of digital economy and society between Iceland (0.66) winning first place in the presented selection of the countries and Mexico (0.34) closing it. On the basis of the submitted analysis it is necessary to assume that the different level of development of digital economy can lead to strengthening of disproportions of both technological, and social and economic development of the countries that will lead to significant lag in processes of formation of the human capital in those from them of which slow process of digitalization is characteristic.

Interaction of digital space with reality concerns first of all agricultural industry – the industry, basic for any state, which positions concerning other industries and spheres of action are characterized by such indicator as presence of experts of ICT (figure 2). In Russia more than 30% of all experts of ICT are concentrated in the sphere of information and communication that quite objectively as digital technologies are a basis of this type of activity. The agricultural industry of the Russian Federation belongs to the industries where there is an insignificant share of specialists of ICT (0.3-0.5%).

Lag of agricultural industry in Russia, according to us, is defined by two main reasons: the agrosphere lowered by susceptibility to innovations and dependence of experts on working conditions, life, level and quality of life. The second reason forms deficiency of the professionals of ICT having digital competences.

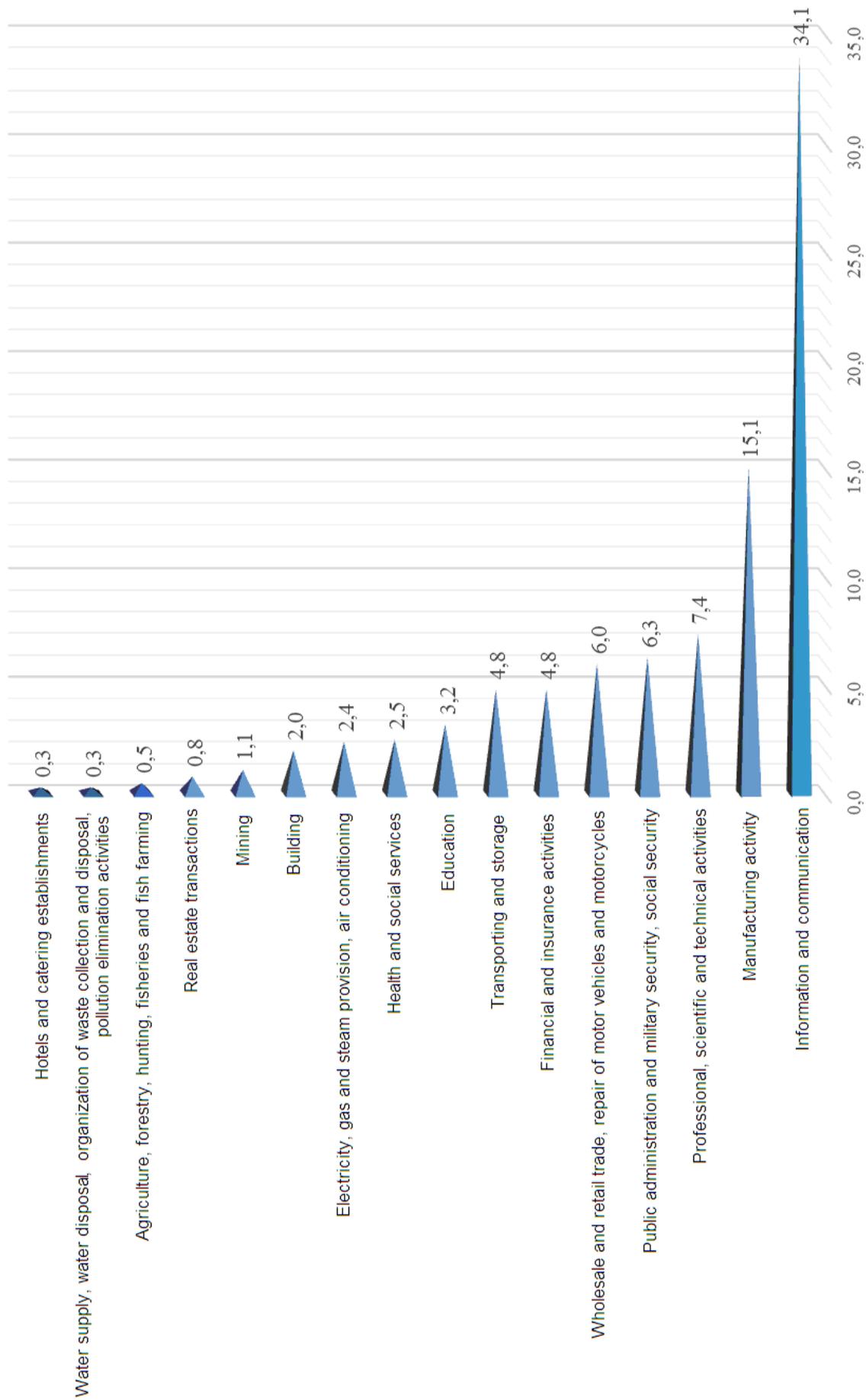

Figure 2: Share of ICT professionals by economic activity in 2017 (% of total)

Source: Digital economy indicators, 2018

1.1 LOW DEMAND OF DIGITAL TECHNOLOGIES AGRARIAN SECTOR OF RUSSIA

First of all, it is specifics of the most agrarian sphere which traditionally differ in the lowered susceptibility to innovations. Here processes of digitalization are shown, generally in formation and processing of the big data arrays received from various sensors installed on the equipment and live organisms from satellites and other external systems. With their help productions are optimized taking into account a condition of a certain animal or plants on the concrete site of the field expected a condition of the external environment, climate changes, etc.

At the same time implementation of processes still demands expenses of the live and substantiated work in traditional forms, despite “advancement” of the separate enterprises. And transition to the robotic systems of service of animals and plants is not considered as the near-term outlook and, first of all, because of a difficult financial condition of the industry. So, following the results of 2017, about 20% of agricultural organizations of the Russian Federation are unprofitable with the sum of a loss of 59 billion rubles.

The major industries determining the level of food security of the state and a condition of rural territories are the dairy cattle breeding and vegetable growing. In the Russian Federation in them the high labor input remains, and, still, considerable part of products is made by small producers – country and personal subsidiary farms: in dairy cattle breeding of 49.7%, in vegetable growing of - 78.8%. At the same time, as the Russian statistics testifies, the specific weight of the agrarian microenterprises with access the Internet made only 44.2% (The Concept, 2018).

Thus, the demand of digital technologies for the Russian agrarian sphere is insufficiently high, and educational institutions of the Russian Federation are fully not ready to formation of new competences of experts of agricultural production. Results of expert survey of the top management of 54 agrarian higher education institutions of Russia conducted by the Stavropol state agricultural university (Stavropol, Russia) demonstrate to it. More than 50% of respondents believe that the system of training needs improvement (figure 3).

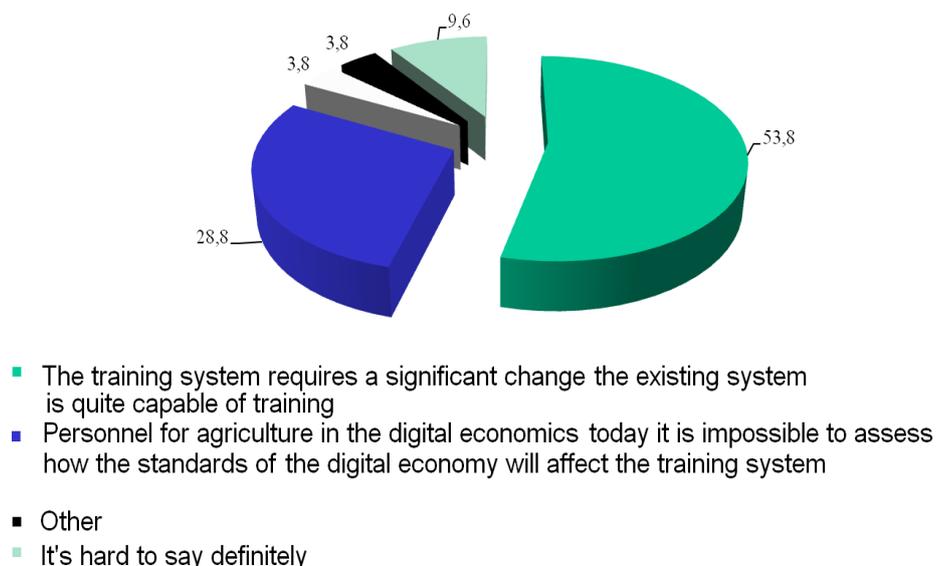

Figure 3: Assessment of training opportunities for digital agriculture in Russia on digital and advanced production technologies, robotic systems, (%)

Source: Bobryshev et al., 2018

Also the lack of the accurate order from the industry is demonstrated by distribution of answers by criterion of ranging of the competences necessary for experts of the agrarian sector in the conditions of digital transformation of economy: distribution of answers demonstrates that accurate priorities are not revealed (figure 4).

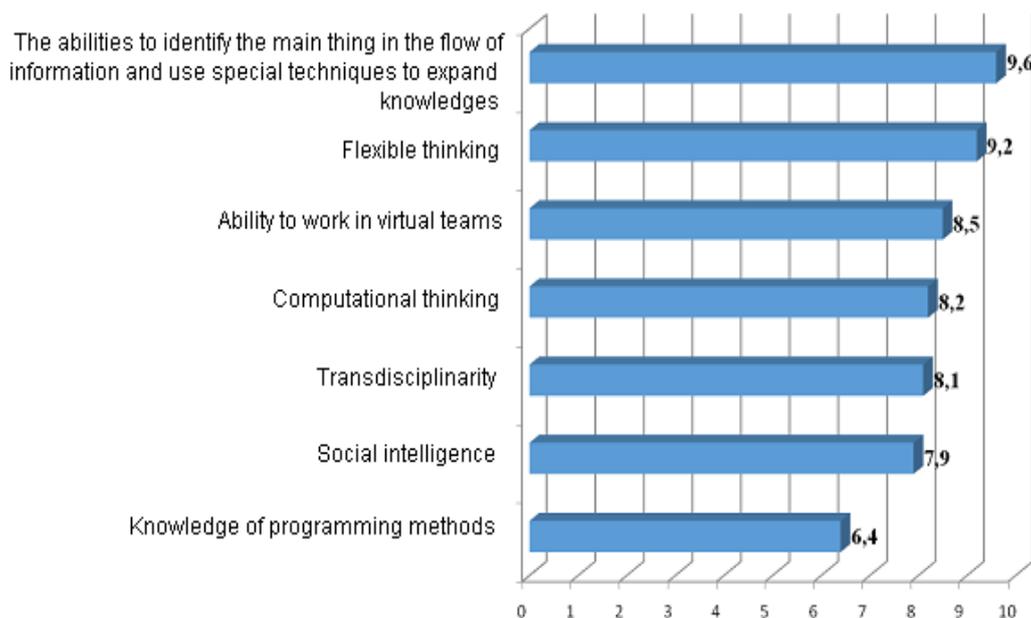

Figure 4: Ranking of competencies required by specialists in the agricultural sector in the conditions of digital transformation of the economy (average score)

Source: Bobryshev et al., 2018

1.2 SOCIAL REASONS AND CONSEQUENCES OF INSUFFICIENT SKILL LEVEL OF HUMAN RESOURCES

The Russian authors of a research allocated one more, the second, the reason of insufficient presence of experts of ICT and other professionals having digital competences which follows from dependence on conditions of their work, life, level and quality of life.

Level and quality of life in the village characterizes an indicator of the average monthly nominal charged wage of workers: in agricultural organizations of the Russian Federation for 2017 it made 64%. Thus, for such large country as Russia, remains threat of low appeal of life in the village, and limited opportunities of professional growth against the background of the undeveloped system of digitalization of agricultural industry move forward in the category of an additional factor of lag of the industry. According to authors, in total it will promote further social and professional polarization of the Russian society (figure 5).

Let's add that the identical thesis is present at the report of the Russian Government Analytical Centre "About human development in the Russian Federation": "The unevenness of digitalization of economy in regional, branch and professional aspects creates essential social and economic risks" (The Report, 2018).

A number of the Russian scientists (Volodin et al., 2018) see an exit in creation of the large housing and infrastructure centers of city type where people will work in agricultural industry with a shift method. In modern conditions of sanctions against Russia and food embargo the increasing attention is paid to a strategic importance of agro-industrial complex of economy. The position takes place that in the conditions of global challenges the agricultural

industry is not so important for development of the Russian Federation by the industry. It is obvious to authors of a research that formation of the human capital of rural territories of Russia taking into account branch aspect demands additional researches among which main directions the following seems:

- strengthening of interaction of educational institutions with the real sector of agrarian economy;
- a role of the state in various forms and ways of support of the industry;
- updating of development of rural territories in the directions of digitalization.

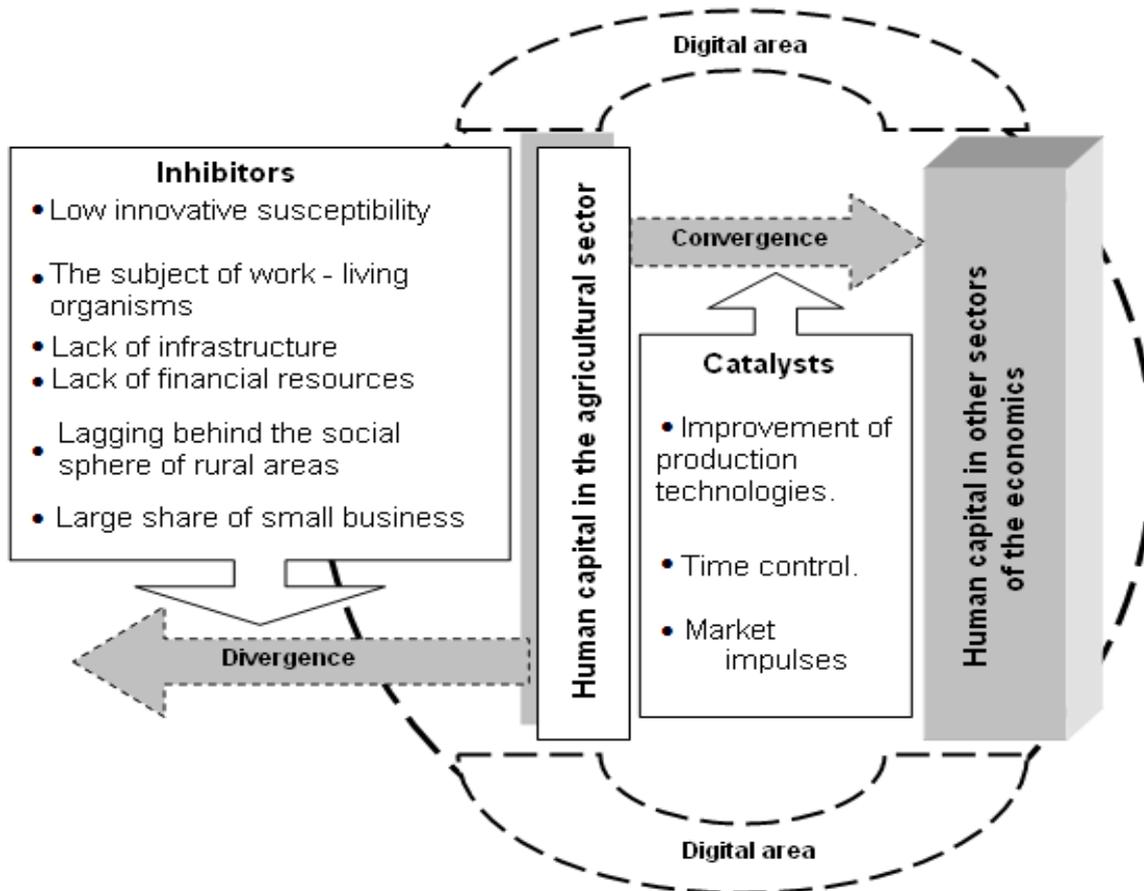

Figure 5: Trends in the development of human capital in the agricultural sector in the digital economy

Source: Compiled by the authors

2. STATE SUPPORT OF DIGITALIZATION OF AGRICULTURAL INDUSTRY

In 2018 in the Russian Federation it is accepted and now the departmental project “Digital Agricultural Industry” developed by the Ministry of Agriculture of the Russian Federation is implemented (The Concept, 2018).

A number of the directions of the state support of development of the agricultural sector of economy of Russia is provided in it. In particular, creation of an information and analytical system of agricultural industry as the bank of information integrated with information systems the Ministry of Agriculture of the Russian Federation, Federal Service of statistics of Russia, the Federal Customs Service of the Russian Federation, RusHydrometeo, etc. is provided. Out of doubt, it is an important step in the direction of development of digitalization of agricultural industry. However the purpose of creation of such databank, according to authors, is too narrow because in the departmental project it is designated as “intellectual sectoral planning by the principle of cultivation of the most profitable cultures taking into account a transport shoulder to the place of processing or consumption” (The Concept, 2018).

One more direction – modeling of export streams of agricultural raw materials in real time, coordination of expected harvests with the rolling stock of PJSC Russian Railways for jointing of “bottlenecks” taking into account restrictions of commodity and cargo knots, does not concern directly agricultural producers, and corresponds to the intermediaries who are engaged in agricultural export.

In the Russian departmental project there are also such directions as:

- scaling of domestic complex digital agrodecisions for the enterprises of agro-industrial complex (“The smart farm”, “The smart field”, “The smart greenhouse”, etc.);
- an intellectual system on receiving the state support (electronic identification of farmers, packaged solutions for agrobusiness on receiving a subsidy, registration of the credit and insurance).

Nevertheless, the author's analysis shows that the departmental project “Digital Agricultural Industry” developed by the Ministry of Agriculture of the Russian Federation not fully solves the problems existing in this area. In the project it is specified that it is directed to introduction “digital technologies and platform decisions for ensuring technological break in agro-industrial complex and achievements of a gain in productivity of work on “digital” agricultural enterprises twice by 2021” (The Concept, 2018), i.e. it is meant that those enterprises which do not get to category of “digital” are not target audience of the project.

CONCLUSION

The demand of digital competences of human resources from agricultural production in Russia is insufficiently high owing to technological features of the industry. Development of these competences is also interfered by the social and economic situation which developed in the agrarian sector of economy of the Russian Federation.

In general underestimation of a humanitarian component of digitalization can become an essential deterrent of its realization across the nation of the country. It fully concerns rural territories of Russia where possibilities of development of the human capital are limited.

On the basis of the received conclusions and results of the conducted research, authors came to synthetic generalization of a situation on problems of formation of the human capital in agricultural industry of the Russian Federation: the planned measures for support of

digitalization in the agrarian sphere of economy are insufficient against the background of rapid development of digital economy on a global scale.

REFERENCES

- Bobryshev A.N., Khokhlova E.V., Ivashova V. A. & Fedisko O.N., (2018). Training for agricultural industry in the conditions of digital transformation of economy: trends, prospects and restrictions//Problems and the prospects of development of agro-industrial production / Under the editorship of L.B. Vinnichuk & A.A. Galiullin. – Penza: Penza state agricultural university, 2018. Page 83-97.
- Vladimirova Ts.D. (2018). Development of the theory of the human capital of the organization in digital economy//the Russian business. 2018. Volume 19. No. 9. Page 2671-2690.
- Volodin V. M., Pitaykina I. A. & Vlazneva S.A., (2018). Influence of digital economy on transformation of the human capital//Economic sciences. 2018. No. 6 (163). Page 44-48.
- The report on human development in Russia for 2018, (2018). [Electronic resource]. – Access mode: <http://ac.gov.ru/events/019698.html>
- Indicators of digital economy, (2018). Statistical collection. National research university "Higher School of Economics". – M: LLC Vergè-RA, 2018. Page 24-53.
- Concept of "Scientific and technological development of digital agricultural industry "Digital agricultural industry" (2018). [Electronic resource]. – Access mode: http://www.viapi.ru/download/2018/Цифровое_rural_хозяйство.pdf
- Tuskov A.A., Grosheva E.S. & Rybalkina Z.M., (2018). BIG DATA technology as instrument of increase in efficiency of agricultural enterprises // The Drukerovsky Messenger. 2018. No. 3. Page 153-162.
- Shibanova-Roenko E.A., (2018). Subjects of digitalization: modern representation and assessment of prospects of digital economy (crisis - the focused survey analysis) // The Drukerovsky Messenger. 2018. No. 3. Page 54. DOI: 10.17213/2312-6469-2018-3-43-59

Authors:

Ph.d., Bannikova N.V., professor,
Stavropol State Agrarian University,
Stavropol, Russia;
Tel.: +7 (962) 400-98-45 (Russia)
nbannikova@mail.ru

Ph.d., Kusakina O. N., professor,
Stavropol State Agrarian University,
Stavropol, Russia;
Tel.: +7 (903) 419-47-76 (Russia)
kusolga@list.ru

HISTORICAL LESSONS OF REFORM AND MODERN IMPROVEMENT OF THE ECONOMIC SYSTEM OF RUSSIA: FROM 1947 TO 2017

ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ: ОТ 1947 ДО 2017

Chaldaeva L.A.

Abstract. *In the history of modern Russia there is a historical fact, undeservedly “forgotten” by many Russians and especially economists, which testifies to the important role of monetary reform in the USSR in 1947 – in the restoration of the national economy and improving the living standards of the population after the hardest military tests of the Second world war. Arguments about the lessons of the past reform from the standpoint of modernity indicate the successful implementation of large-scale tasks: the restoration of the national economy and improving the living standard of the population; reducing the amount of cash supply; implementation of radical changes in the industrial and agricultural sectors of the economy; improvement of the financial and economic sphere; improvement of the economic and social life of the country. Now in the material and intangible spheres of life of Russian society and the Russian economy is active digitalization of the economy. Digital trends, as a cumulative result of the previous development of science, technology and technology, provide the basis for forecasts of economic development of the country. When implementing the principles of the digital economy on a national scale, it is necessary to focus regulatory attention on the strategic objectification of IT-programming, followed by tactical and operational implementation of its results in the real conditions of production and non-production activities. The introduction of “figures” in economic processes acquires the status of an emergency hazard event, because it occurs in real production conditions, requires additional resources and is carried out in the absence of guarantees for the full prevention of risk situations.*

The purpose of article consists in ascertaining the facts of the rapid positive growth of the Russian economy in the past history, in assessing the current prospects of digitalization of the Russian economy, its risks and pressing problems, conditions and principles of risk management.

Methodology/methods. The methodology of the research is based on dialectical analysis, tipologization, systematization, methods of terminology, prolegomena as a method of formal logic, historical review, brief statistical information as an argument.

The scientific purpose of article consists of a set of two objectives: 1) to demonstrate the internal capabilities of the peoples of Russia and the unprecedented lessons of the past available in its history; 2) to fill the gaps in the author's theoretical foundations of the digital economy.

Findings. The index of physical volume of GDP of the Russian Federation in the II quarter of 2018 compared to the same period a year earlier amounted to 102.5%. A similar situation develops in 2019. the author's approach allows to assess the state of the economy functioning under the active or indirect influence of risks.

Conclusions. The inability of Russia to timely and effective implementation of projects of digitalization of its economy in some foreign media is proclaimed as a priori. According to such analysts, this will inevitably lead the Russian Federation to the “roadside” of world progress. However, after the largest war in the history of mankind, the Soviet Union, which is both physically and economically in ruins, as the country showed the world numerous examples of truly national activity, and as the state for an unprecedented short period “set a record” for significant economic growth, thanks to the most efficient operational distribution of economic resources. In particular, with 26.9 million officially dead citizens and 60-70% of workers, engineers and technicians lost in military operations, by the autumn of 1945 the volume of agricultural production amounted to 60% of the pre-war level, and in 1948 the restoration of a significant number of sectors of the agricultural sector was achieved.

Keywords: economic history, Russia, modernity, digital economy, problems, risks

JEL classification: D81; E27; E65; E66; G17; N44

INTRODUCTION

The fundamental foundations of the functioning and development of the economy of each country in the world are constantly, in real time, influenced by many factors, both contributing to the stimulation of progress and its stagnation. The future is laid and formed in the past and cannot be thought of outside of the experience in the form of evaluation of negative consequences and reception of positive decisions and cause-and-effect relationships.

In this regard, in the history of modern Russia, there are two undoubted historical facts: the first, widely known, States that the exceptional scale, depth and duration of the destabilizing effect on the economy of the Soviet Union in the middle of the twentieth century had the Second world war; the second fact, undeservedly “forgotten” by many Russians and especially economists, indicates the crucial role of post-war reform in the USSR in 1947 – in the restoration of the national economy and improve living standards of the population after severe military tests.

The thesis about the reception of historical lessons the author of the article put in the basis of the research continuum – from the reform-1947, starting with this historical “point”, to structural changes in the economy of modern Russia-2017.

After the largest war in the history of mankind, the Soviet Union, which is both physically and economically in ruins, as the country showed the world numerous examples of truly national activity, and as the state for an unprecedented short period “set a record” for significant economic growth, thanks to the most efficient operational distribution of economic resources.

Techniques and methods of post-war reform of the USSR, often called the “monetary reform of 1947”, led to significant progressive changes in the entire economy: the revival of industry and agriculture, the abolition of the card system of food distribution, successful and advanced for the time monetary type of suppression of inflation, improving living standards, the development of science, education, culture.

It is time to recall the unprecedented lessons of the past in the history of Russia and the internal capabilities of its peoples. The main reason-the purpose is that the author considers the need to pay close attention to a certain concept taking place in foreign media, according to which the inability of Russia to timely and effective implementation of projects of digitalization of its economy is proclaimed as a priori and inevitably leading the RF to the sidelines of world progress.

1. THE LESSONS OF THE PAST REFORM FROM THE STANDPOINT OF TODAY. PROLEGOMENA

So. As a result of the reform of 1947 in the Soviet Union in the sphere of monetary circulation there was a decrease in the cash supply from 43.6 to 14 billion rubles [Popov], with the remainder in the use of the population of about 4 billion rubles (Danilov & Pyzhikov, 2001), which allowed to significantly reduce the money supply in circulation.

The most important changes occurred in the agriculture of the USSR, whose infrastructure in the European part of the country – the main granary (30% of GDP) and the most populated area (42% of the population) – was destroyed and almost completely destroyed¹.

¹ By 1941 territory of the USSR amounted to 22.1 million km², population 194.1 million people. Average industrial output in the Soviet Union for three years before the war up 13%, defense by 39%. On production of mechanical engineering, oil and coal production, production of tractors, electricity, iron, steel and cement of the USSR was among the leading countries in the world. Source: https://w.histrf.ru/articles/article/show/vielikaia_otiechestvennaia_voina

With 26.9 million officially dead citizens and 60-70% of workers, engineers and technicians lost in the war by the autumn of 1945, the volume of agricultural production amounted to 60% of the pre-war level, and in 1948 a significant number of sectors of the agricultural sector were restored. The goal in the form of the formation of material and technical base of the agricultural sector of the Russian economy has been effectively achieved. In the end, successful reforms in the field of agriculture created social and economic conditions that contributed to the abolition of the card system of distribution of industrial goods and most importantly – food².

Due to the significant and beneficial consequences of the reform-1947, there have been positive changes in the field of science, culture, education. For example, since 1952, compulsory 7-year secondary education was introduced, evening schools for young people were opened everywhere, mass recruitment to graduate school took place in universities. The USSR Academy of arts and USSR Academy of Sciences were established. Regular television broadcasts were launched throughout the country, quickly becoming a major news channel, along with radio and other media.

Time has shown that along with the obvious positive impact of post-war reform on the socio-economic and socio-political life of the USSR, there were negative elements and consequences. In the financial and economic context, the 1947 reform was in fact of a confiscation nature, the impact of which was felt to some extent by all natural and legal persons. In the field of legislation, the legal acts for encroachment on collective farm and state property have taken a severe form. Acute post-reform impact of impact on the interests of the peasants: there was a requirement to practice a minimum of workdays; less important for the villagers natural (non-monetary) form of remuneration; reduced area of individual plots; increased tax for the maintenance of private livestock. In addition, rural residents were deprived of their identity cards, which significantly restricted their movement within the territory of their country.

As it turned out, the achievements of that long time and now deserve not only Russian but also foreign attention. Experts of the German newspaper *FrankfurterAllgemeineZeitung* reported that, according to the National Bureau of statistics of Germany, the performance of the Russian manufacturing sectors of the economy in the second quarter of 2018 showed an increase of 2.5% compared to the previous period (Der Uberblick, 2017). Further, the experts noted the continuity of the previous rapid achievements in relation to the current growth of the Russian economy, despite the large-scale sanctions against Russia, the decline in world oil prices.

Analysts believe that Russia will receive full economic independence from other countries, and industry and agriculture will recover in full, provided that the dependence on American payment systems, namely the dollar (Novikova, n.d.). It is also noted that the index of physical volume of GDP in the second quarter of 2018 compared to the same period a year earlier amounted to 102.5%, the acceleration of gross domestic product growth is likely in the third quarter (Svazovsky, n.d.). The situation is similar in 2019.

Today, in the financial and economic sector of the Russian economy, in the material and non-material spheres of life of Russian society as a whole, the digitalization of the economy is taking an increasingly active position. Being, in its essence, the cumulative result of all the previous development of modern science, technology and technology, digital trends make it

² In fairness, we note that the post-war consumption rates established by the card system, largely operated for quite a long time and were completely abolished only in 1958. Source: [RGAE. F. 4372. Op. 64. D. 436. L. 162-163]. For individual products of animal origin (oil, egg) and some products from cereals and vegetables (e.g. sugar) norms, although they were revised upwards, but still operated until 1963. Source: [RGAE. F. 7971. Op. 1. D. 3024. L. 166].

possible to accurately predict the milestones and directions of socio-economic development of the country.

2. THE DIGITAL ECONOMY: THE NATURE, NECESSITY, PLANS OF THE INCARNATION

The digital economy is a method of production and service delivery, in which the exchange of information and execution of management decisions is carried out by means of telecommunications and electronic computer equipment, equipped with special software and algorithmic software.

Therefore, when implementing the principles of digitalization of the national economy, it is necessary to focus regulatory attention not only on the tactical aspects and methods of programming, but also on its strategic objectification, followed by tactical and operational implementation of the results of this process in the real conditions of production and non-production areas. In this regard, both the customer of the software product and its developers become full partners in the creation and implementation of new technologies, projective mechanisms and tools of the digital economy with all the difficulties and problems.

It is obvious that to understand the current situation in the full-scale implementation of the “figures” in the overdue transformation of the economic system of the Russian Federation requires a systematic approach, which involves a consistent solution of the following tasks:

1. Development of technical specifications under the supervision of specialists, whose duties are to compile a list of used in the modeling process of the initial data, as well as the formation of requirements for the quality and reliability of information corresponding to the technical task and the timing of its execution.
2. Preparation of the technical project of the software corresponding to the technical task and allowing to solve tasks.
3. Performing beta testing as a primary control of the software functionality; the goal is to determine the appropriateness of the chosen direction in solving the problem and its performance.
4. Testing of the finished software product with an assessment of its manufacturability, detection of hidden errors and errors and – if they are detected – the elimination of the complexity or the choice of another way to solve the problem.
5. Result: trial operation of the software, its correction, identification of errors with subsequent control testing, positive results as a basis for permission to complete the project and its implementation.

This process of creating and implementing new IT and service software does not end, and it continues in the conditions of the real production process, which entails a consistent software update. Therefore, the budget of the economic entity should include the costs of its modernization.

Thus, the implementation of projects of digitalization of economic relations and economic processes acquires the status of an emergency hazard event, because it takes place in the real conditions of the production process, requires additional resources and is carried out in the absence of guarantees for the full prevention of risk situations.

3. RISKS AND CHALLENGES OF DIGITALIZATION

Techniques and methods of risk management, as well as risk management are included in the program to ensure the stability of the economic entity. Its structural, organizational, managerial arrangement and type of economic activity play the role of a stabilizer in maintaining sustainable development, being the purpose of scientific research and practical implementation

of the results. The author is convinced that it is initially impractical and inefficient to engage in this search, ignoring the basic concepts and focusing exclusively on risk management. After all, it is the fundamental approaches that strategically contribute to the consistent sustainability of economic growth and economic development.

It is important to pay attention to the attributive structural elements that form the economic system, especially the essential and fair financial segment of the economy. The approach allows to assess the state of the economy functioning under the active or indirect influence of risks³. This is dictated, first of all, by the development trends within the modern financial space.

One of these trends is the complication of internal mechanisms of interaction directly in the economic space due to the increasing influence and integration of individual structural elements. It follows from this that economic entities that have economic relations, for example, in the financial market, inevitably face real threats and, despite the extreme importance of the financial components of the economic system, are still faced with the fact of interdependence from the state of related sectors of the economy. Therefore, the risk situation forms the need to assess the factors of instability that can have a significant impact on the stability of the organization – both in General and on its financial part, primarily responding to emerging negatives.

Thus, following the described approach, it is necessary to define the concept of “risk management system”, which is a set of elements that are interrelated with each other, forming a stable integrity and unity, and the elements of the risk management system are the object of management (control and managed subsystems).

In addition, we highlight the conditions that help to reveal the essence of the risk management system through the unity of all elements and used to solve the overall problem of sustainable operation and development. These include:

1. The balance between the elements of the system, which means that there is a certain balance in its structure.
2. The relationship of elements, which means the following relationship between them – changing one of them involves certain changes in the other.
3. Dynamic, as a result of which the system is constantly experiencing quantitative and qualitative changes.
4. Unlimited – means that the system can constantly absorb more and more elements in accordance with changing circumstances.
5. Manageability – provides for the operation of the system in accordance with a given program to achieve this goal.
6. Orderliness – is characterized as a result of dynamic interaction of all elements of the risk management system.
7. The unity of the structural elements of the risk management system contributes not only to the formation of the system itself, but also to the realization of its potential.

Thus, the author of the study identified and formulated the characteristic theoretical characteristics of the risk management system, each of which to some extent reveals not only the descriptive but also the substantive essence of a number of economic categories. Their total set is defined as “risk management system”.

The features and distinctive features of this system allow to Supplement its characteristics as the increase in efficiency is updated, which may be due to the need to ensure the operational sustainability of economic entities, the implementation of the mission of the tactical indicator assigned to the risk management system, and compliance with the strategic

³ For more information, see the author's research on the stated topic in the source: Chaldayeva, 2017.

functionality of the national crisis management system, including preventive and proactive country risk management in modern conditions of “digital” challenges and the vital need to meet them.

4. ASPECTS OF SUSTAINABLE FUNCTIONING OF THE ECONOMIC SYSTEM, INCLUDING THE PARAMOUNT NEED TO INTEGRATE FINANCIAL INSTABILITY

Characteristics of the specific properties of the risk management system and identification of their categorical nature allow us to study structural changes in the framework of the dynamics of the system and on this basis to develop areas of improvement.

In order to determine the place and role of the risk management system in ensuring the financial stability of an economic entity, the author uses one of the most common ways to reveal the essence of financial stability through its opposite – financial instability.

For example, in the interpretation of the American economist F. Mishkin (Frederic S. Mishkin), financial instability occurs only when “shocks to the financial system interact with information flows in such a way that the financial system can no longer perform its function of allocating resources in favor of those who are able to invest them productively” (Mishkin, 1999). The formulated approach is not fully justified and correct, because each time describing the current situation, it is necessary to list the factors of internal and external imbalances that hinder the sustainable functioning of the financial system.

Improvement of the concept of F. Mishkin and approaches to sustainability management are presented in the works of G. Shinazi, advisor to the IMF Finance Department, who emphasizes the need to consider financial sustainability in an integrated manner – as a program covering the following components in their multiple relationships and interactions: institutions, infrastructure, risks and management system (Schinasi, 2004). The IMF expert suggests paying special attention to such an important aspect in risk management as market relations. The argument is that, firstly, in the interaction of the participants, the recommendation meets its conditions arising in the process of concluding financial transactions, pricing of financial assets; secondly, in Shinazi's interpretation, financial stability, which depends on the state of the risk management system as a whole, is closely related to monetary stability and the ability of the currency system to effectively perform its inherent functions. Thirdly, he notes that the proposed concept implies not only the stability of the system to the impact of the crisis, but also its ability to self-regulate, including the prevention of escalation of adverse processes.

In the totality of the circumstances are important and valuable conditions of implementation of recommendations G. Shinasi instrumental in the practice of risk management. Also, in the opinion of the author, he contributed to the theoretical basis of financial systems stability management, especially the banking risk management system.

Another condition for ensuring financial stability are, from the point of view of G. Shinasi, disposition, adverse and inappropriate as processes that may damage the actual functioning of the organization. In this case, the current situation should be considered in the macroeconomic aspect, since a significant surge in the volatility of the prices of a financial asset and the more so the threat of bankruptcy of even a single financial institution can seriously destabilize the stability of the system as a whole [Schinasi].

This approach is also important for applied research, the purpose of which is not only the assessment of financial stability, but also compliance with the conditions of its provision. The author of the article in other studies found (Chaldayeva, 2012): if the management of this process is dynamically changing, the determination of the degree of stability by comparing its

indicators with clearly established “norms” is not possible. Another: it is reasonable to establish such thresholds, beyond which there is a zone potentially dangerous to stability.

As an intermediate result, highlight that the concept of G. Shinasi allows us to formulate a number of conclusions that have important practical significance to improve the functioning of the risk management system.

On the other hand, the risk management system, according to the author, can not be evaluated by any single indicator, and therefore should be taken into account not only the need to use some optimal combination of them, but also to consider the feasibility of determining the proportion of each of them, depending on the degree of impact on the stability of the organization.

In addition, changes in financial stability are difficult to predict and only to a certain extent manageable and controllable. I

It follows that (a) one part of the threats to financial stability can and should be prevented, (b) the negative effects of the other part of the threats reduced to a certain minimum (for example, to the so-called “corridor”), (c) a third of the threats remaining in any case outside the possibilities of influence, will have to accept and manage them.

CONCLUSION

A variety of risks and their situations raise the question about the necessity of development and implementation of special programs as sequential actions for the prevention of risks, their blocking and risk management in the public and business sectors.

The monetary reform carried out in the USSR in 1947 laid the continuous basis for the progressive development of the economic base of statehood at intervals of 70 years. And the digital format of the modern economy, as a natural continuation of the development of the economic base of Russia, not only has an active impact on all spheres of life of Russian society, but also perceives the past successful experience of the historical development of the country and its peoples.

Despite the fact that the reform carried out in the USSR in 1947 was of a long-term and largely confiscatory nature, its final result was an acceleration of the growth of the gross domestic product of the SU and ensuring the progressive development of vital areas of the state economy. Successfully implemented areas of country reform allowed to solve a lot of large-scale tasks that faced the destroyed economy, such as: 1) the restoration of the national economy and improving the standard of living of the population; 2) reducing the amount of cash supply; 3) implementation of radical changes in the industrial and agricultural sectors of the economy; 4) improvement of the financial and economic sphere; 5) improvement of economic and political life of the country.

Speaking about the past experience, the author has repeatedly stressed that a serious prerequisite for the monetary reform of the USSR in 1947 was the urgent need to restore the country's economy after the hardest in the history of the Second world war. At the same time, within the framework of forecasting the development of the situation in the range of a hundred years, it should be noted that the possibility of receiving positive methods and aspects of reforming the Soviet Union in 1947 in reforming the economy of modern Russia is quite likely. We should add that the following scenarios are entitled to exist: short-term (5-10 years), medium-term (until 2050) and long-term (until the end of the XXI c.), when there may be a need for monetary reform.

The fact of positive growth of the Russian economy is stated by the world statistical and rating agencies. Therefore, in the short term, the probability of monetary reform is estimated as

low, although there is a certain degree of dependence of the financial system on foreign currency (dollar), but the critical situation is estimated by the author as unformed.

The medium-term Outlook for the state of the economy of the industrial and production complex of the country and the monetary and financial system of the Russian Federation is also characterized as a critically unformed reality with the incentive to apply monetary reform for the purpose of improving the economy in General and the financial sector in particular. However, it is already necessary to take into account the digitalization of the world economy, the emergence of cryptocurrencies, urgent and ongoing attempts to abandon the dollar as the world currency. Therefore, the probability of financial reform in the medium term can be estimated as quite high.

Analyzing the long-term prospects, the author says: the characteristic features and parameters of the economic systems of global and regional players of the XX century, the further, the more significantly different from the XXI century – and the state of the economy, its material and technical base and actively reconstructing the positions of social and political formation. Resource mobilization and the management of productive forces are also actively changing, and it is even likely that other features will acquire ownership of the means of production.

In this regard, the fact of transformation through reform not only has not exhausted its capabilities, but also corresponds to the global challenges, challenges and ways of implementation for the purposes of the digital economy.

REFERENCES

- Danilov A. & Pyzhikov A., (2001). The Birth of a superpower. The USSR in the first postwar years. M, 2001.
- Novikova I., (n.d.). Editorial review // Federal news Agency: [official website]. – URL: <http://raifan.ru>
- Popov V. P. (2000). Economic policy of the Soviet state. 1946-1953. – Tambov, 2000.
- Svasovski S., (n.d.). Editorial overview. News / Newspaper.ru [site]. – URL: <http://smi2.ru>
- Chaldayeva L. A., (2017). Risks of modern entrepreneurship: characteristic features and practice of effective management: Monograph. – Moscow: Publishing and trading Corp. “Dashkov and K^o”, 2017. – 466 p.
- Chaldayeva L. A., (2012). Stability of the organization as a result of effective monitoring of financial risks. Bulletin of the MGTA. Issue. No. 3. – M.: MGTA Publishing house, 2012. P. 60-72.
- Der Uberblick, (2017). FrankfurterAllgemeine // Zeitung. (Accessed 13 2017 2017).
- Mishkin F., (1999). Global financial instability: framework, events, problems // Journal of economic prospects. 1999. No. 13.
- Schinasi G., (2004). Definition of financial stability // IMF WP working paper/04/187 / IMF, 2004.

ВВЕДЕНИЕ

Фундаментальные основы функционирования и развития экономики каждой страны мира постоянно, в режиме реального времени испытывают влияние множества факторов, как способствующих стимулированию прогресса, так и его застою. Будущее закладывается и формируется в прошлом и не мыслится вне извлечения опыта в виде оценки негативных последствий и рецепции положительных решений и причинно-следственных связей.

В этом отношении в истории современной России существует два несомненных исторических факта: первый, широко известный, гласит, что исключительное по масштабам, глубине и длительности дестабилизирующее воздействие на экономику Советского Союза в середине XX века оказала Вторая мировая война; второй факт, незаслуженно «забытый» многими россиянами и тем более экономистами, свидетельствует о важнейшей роли послевоенной реформы в СССР 1947 года – в деле восстановления народного хозяйства страны и повышения жизненного уровня населения после тяжелейших военных испытаний.

Тезис о рецепции исторических уроков автор статьи поставил в основу исследовательского континуума – от реформирования-1947, начав его с указанной исторической «точки», до структурных изменений в экономике современной России-2017.

После крупнейшей в истории человечества войны Советский Союз, находящийся и физически, и экономически в руинах, как страна показал всему миру многочисленные примеры поистине всенародной активности, а как государство за небывало короткий период «установил рекорд» по значительному экономическому росту, благодаря максимально эффективному оперативному распределению экономических ресурсов.

Приемы и методы послевоенного реформирования СССР, называемого чаще «денежной реформой 1947 года», привели к существенным прогрессивным изменениям во всей экономике страны: возрождению промышленности и сельского хозяйства, к отмене карточной системы распределения продовольствия, успешному и передовому для того времени монетарному типу подавления инфляции, повышению жизненного уровня населения, развитию науки, образования, культуры.

Пришла пора напомнить о беспрецедентных уроках прошлого, имеющих в истории России, и внутренних возможностях ее народов. Основной причиной-целью является то, что автор статьи считает необходимостью обращения пристального внимания к некоей концепции, имеющей место в иностранных средствах массовой информации, согласно которой неспособность России к своевременной и эффективной реализации проектов цифровизации своей экономики провозглашается как априорная и неизбежно ведущая Российскую Федерацию к «обочине столбовой дороги» мирового прогресса.

1. УРОКИ ПРОШЛОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ С ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ. ПРОЛЕГОМЕНЫ

Итак. В результате реформирования 1947 года в Советском Союзе в сфере денежного обращения произошло уменьшение наличной денежной массы с 43,6 до 14 млрд.руб. [Попов], с остатком в пользовании населения около 4 млрд. руб. [Данилов, Пыжиков], что позволило существенно снизить денежную массу в обращении.

Важнейшие изменения произошли в сельском хозяйстве СССР, инфраструктура которого в европейской части страны – основной житнице (30% ВВП) и наиболее

заселенной территории (42% населения) – была разрушена и уничтожена почти полностью⁴. При 26,9 млн. официально погибших граждан и 60-70% утраченных военными действиями рабочих, инженеров и техников объем произведенной сельскохозяйственной продукции уже к осени 1945 года составил 60% от довоенного уровня, а в 1948 году было достигнуто восстановление значительного ряда отраслей аграрного сектора. Цель в виде формирования материально-технической базы аграрного сектора российской экономики во многом была эффективно достигнута. В конечном итоге успешного реформирования в области сельского хозяйства были созданы социальные и экономические условия, способствовавшие отмене карточной системы распределения промышленных товаров и главное – продовольствия⁵.

Благодаря существенным и благотворным последствиям реформы-1947, произошли положительные сдвиги в области науки, культуры, просвещения. Например, с 1952 года было введено обязательное семилетнее среднее образование, повсеместно открыты вечерние школы молодежи, в вузах прошел массовый набор в аспирантуру. Была образована Академия художеств СССР и Академия наук СССР. По всей стране было запущено регулярное телевидение, причем быстро получившее статус важнейшего информационного канала наряду с радиовещанием и другими средствами массовой информации.

Время показало, что наряду с очевидным положительным влиянием послевоенной реформы на социально-экономическую и общественно-политическую жизнь СССР, имели место отрицательные элементы и последствия. В финансово-экономическом контексте реформа-1947 фактически носила конфискационный характер, воздействие которого испытали в той или иной мере все физические и юридические лица. В области законодательства суровую форму приобрели нормативно-правовые акты за посягательство на колхозную и государственную собственность. Крайне остро пореформенное воздействие сказалось на интересах крестьян: был установлен обязательный к отработке минимум трудодней; уменьшилась важная для селян натуральная (неденежная) форма оплаты труда; сокращены площади индивидуальных наделов; повышен налог на содержание личного скота. Вдобавок сельские жители были лишены паспортов – удостоверений своей личности, что существенно ограничило их перемещения по территории своей страны.

Как оказалось, достижения того давнего времени и в настоящее время заслуживают не только российского, но и иностранного внимания. Экспертами немецкого издания *FrankfurterAllgemeineZeitung* сообщается, что, согласно информации Национального бюро статистики ФРГ, показатели российских производственных секторов экономики во втором квартале 2018 года демонстрировали рост на 2,5% относительно показателей предыдущего периода [*Der Uberblick*]. Далее экспертами констатирована преимущество прежних стремительных достижений по отношению к

⁴ К 1941 году территория СССР составляла 22,1 млн.км², население 194,1 млн.чел. Среднегодовой выпуск промышленной продукции в Советском Союзе за три предвоенных года вырос на 13%, оборонной – на 39%. По выпуску продукции машиностроения, добыче нефти и угля, производству тракторов, электроэнергии, чугуна, стали и цемента СССР вошел в число ведущих стран мира. Источник: https://w.histrf.ru/articles/article/show/vielikaia_otiechestvennaia_voina

⁵ Справедливости ради отметим, что послевоенные нормы потребления, установленные карточной системой, в значительной части действовали довольно длительное время и полностью были отменены лишь в 1958 году. Источник: [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 64. Д. 436. Л. 162-163]. На отдельную продукцию животного происхождения (масло, яйцо) и некоторую продукцию из зерновых и овощных культур (например, сахар) нормы, хотя и были пересмотрены в сторону увеличения, но все-таки действовали вплоть до 1963 года. Источник: [РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 3024. Л. 166].

сегодняшнему росту российской экономики, несмотря на масштабные санкции по отношению к РФ, снижение мировых цен на нефть.

Аналитики полагают, что Россия получит полную экономическую независимость от других стран, а промышленность и сельское хозяйство восстановятся в полном объеме при условии снижения зависимости от американских платежных систем, а именно от доллара [Новикова]. Также отмечается, что индекс физического объема ВВП во втором квартале 2018 года относительно аналогичного периода годом ранее составил 102,5%, ускорение роста валового внутреннего продукта вполне вероятно в третьем квартале [Свазовский]. Аналогичная ситуация складывается и в 2019 году.

Сегодня в финансово-экономическом секторе российской экономики, в материальной и нематериальной сферах жизнедеятельности российского общества в целом все более активные позиции занимает цифровизация экономики. Являясь, по своей сути, совокупным результатом всего предыдущего развития современной науки, техники и технологий, цифровые тренды дают возможность с высокой точностью прогнозировать вехи и направления общественно-экономического развития страны.

2. ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: СУЩНОСТЬ, НЕОБХОДИМОСТЬ, ПЛАНЫ ВОПЛОЩЕНИЯ

Цифровая экономика представляет собой такой способ процесса производства продукции и оказания услуг, при котором обмен информацией и исполнения управленческих решений осуществляется с помощью телекоммуникационной и электронно-вычислительной техники, оснащенной специальным программно-алгоритмическим обеспечением.

Следовательно, при внедрении принципов цифровизации национальной экономики необходимо сосредоточить регуляторное внимание на стратегическую объективизацию подходов, аспектов и приемов процесса IT-программирования с последующей тактической и оперативной реализацией его результатов в реальных условиях производственной и непроизводственной сферах. В подобном отношении и заказчик программного продукта, и его разработчики становятся полноправными партнерами создания и внедрения новых технологий, проективных механизмов и инструментов цифровой экономики со всеми трудностями и проблемами.

Очевидно, что для понимания сложившейся ситуации в полномасштабном внедрении «цифры» в назревшие трансформации экономической системы РФ необходим системный подход, который предполагает последовательное решение следующих задач:

1. Разработка технического задания под контролем специалистов, обязанности которых сводятся к составлению перечня используемых в моделируемом процессе исходных данных, а также формирование требований к качеству и достоверности информации, соответствующей техническому заданию и срокам его исполнения.

2. Подготовка технического проекта программного обеспечения, соответствующего техническому заданию и позволяющего решить поставленные задачи.

3. Выполнение бета-тестирования как первичного контроля функциональности программного обеспечения; цель – определение целесообразности избранного направления в решении поставленной задачи и его работоспособности.

4. Испытание готового программного продукта с оценкой его технологичности, выявления скрытых ошибок и погрешностей и – при их выявлении – устранение возникших сложности либо избрание иного пути решения поставленной задачи.

5. Итог: опытная эксплуатация программного обеспечения, его корректировка, выявление погрешностей с последующим контрольным тестированием, положительные результаты как основание для разрешения на завершение проекта и его внедрение.

Этим процесс создания и внедрения новых IT-технологий и сервис-обеспечения не заканчивается, и он продолжается в условиях реального производственного процесса, что влечет последовательное обновление программного обеспечения. Поэтому в бюджете хозяйствующего субъекта должны быть предусмотрены расходы на его модернизацию.

Таким образом, внедрение проектов цифровизации экономических отношений и экономических решений приобретает статус мероприятий чрезвычайной опасности, т.к. это происходит в условиях реальных производственных процессов, требует дополнительных ресурсов, порой значительных по объему, и осуществляется в условиях отсутствия гарантий в части полноценного предупреждения рисков ситуаций.

3. РИСКИ И ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Приемы и способы управления рисковыми ситуациями, а также противодействие рискам включаются в программу обеспечения стабильности жизнедеятельности хозяйствующего субъекта. Его структурное, организационное, управленческое обустройство и вид экономической деятельности исполняют роль стабилизатора в поддержании устойчивого развития, являясь целью научного поиска и практического внедрения итогов. Автор убежден, что изначально нецелесообразно и неэффективно заниматься данным поиском, игнорируя базовые концепции и сосредоточившись исключительно на управлении рисками⁶. Ведь именно основополагающие подходы стратегически способствуют последовательному обеспечению устойчивости экономического роста и экономического развития.

Важно обратить внимание на атрибутивные структурные элементы, т.е. образующие экономическую систему, особенно существенные и справедливые для финансового сегмента экономики. Подход позволяет оценить состояние экономики, функционирующей под активным или опосредованным влиянием рисков. Это продиктовано, в первую очередь, современными тенденциями развития в рамках финансиализации бизнес-пространства.

Одной из таких тенденций непосредственно в экономическом пространстве является усложнение внутренних механизмов взаимодействия за счет усиливающегося влияния и интеграции отдельных структурных элементов. Из этого следует, что хозяйствующие субъекты, имеющие экономические отношения, допустим, на финансовом рынке, неизбежно сталкиваются с реальными угрозами и, несмотря на чрезвычайную важность финансовых компонентов экономической системы, все равно находятся перед фактом взаимозависимости от состояния смежных отраслей экономики. Поэтому рискованная ситуация формирует потребность в оценке факторов неустойчивости, способных оказать существенное воздействие на устойчивость организации – как в целом, так и на ее финансовую часть, в первую очередь реагирующую на возникающие негативы.

Таким образом, следуя описываемому подходу, необходимо определиться с понятием «система управления рисками», которая представляет собой совокупность элементов, находящихся во взаимосвязях друг с другом, образующих устойчивую

⁶ Подробнее см. исследования автора статьи по заявленной теме в источнике: [Чалдаева, 2017].

целостность и единство, а сами элементы системы управления рисками являются объектом управления (управляющей и управляемой подсистем).

Дополнительно выделим условия, помогающие раскрытию сущности системы управления рисками через единство всех элементов и используемые для решения общей задачи устойчивого функционирования и развития. К ним относятся:

1. Сбалансированность между элементами системы, что означает наличие определенного равновесия в ее структуре.

2. Взаимосвязь элементов, под которой подразумевается следующее соотношение между ними – изменение одного из них предполагает определенные изменения в другом.

3. Динамичность, вследствие которой система постоянно испытывает количественные и качественные изменения.

4. Неограниченность – означает, что система может постоянно вбирать в себя все новые и новые элементы в соответствии с изменяющимися обстоятельствами.

5. Управляемость – предусматривает обеспечение функционирования системы в соответствии с заданной программой для достижения поставленной цели.

6. Упорядоченность – характеризуется как результат динамического взаимодействия всех элементов системы управления рисками.

7. Единство структурных элементов системы управления рисками – способствует не только формированию самой системы, но и реализации ее потенциальных возможностей.

Итак, автором исследования выявлены и сформулированы характерные теоретические характеристики системы управления рисками, каждая из которых в той или иной степени раскрывает не только описательную, но и содержательную сущность ряда экономических категорий. Их общая совокупность и определяется как «система управления рисками».

Особенности и отличительные черты данной системы позволяют дополнять ее характеристики по мере актуализации повышения эффективности, что может быть связано с необходимостью оперативного обеспечения устойчивости деятельности хозяйствующих субъектов, реализацией миссии тактического индикатора, возложенной на систему управления рисками, и соблюдением стратегической функциональности национальной системы антикризисного управления, включая превентивное и антиципативное страновое управление рисками в современных условиях «цифровых» вызовов и жизненной необходимости им соответствовать.

4. АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ, ВКЛЮЧАЯ ПЕРВОСТЕПЕННУЮ НЕОБХОДИМОСТЬ УЧЕТА ЕЕ ФИНАНСОВОЙ НЕУСТОЙЧИВОСТИ

Характеристика конкретных свойств системы управления рисками и выявление их категориальной сущности позволяют исследовать структурные преобразования в рамках динамики развития системы и на этой основе выработать направления совершенствования.

С целью определения места и роли системы управления рисками в обеспечении финансовой устойчивости хозяйствующего субъекта автор исследования использует один из наиболее распространенных способов, позволяющий раскрыть сущность финансовой устойчивости через его противоположность – финансовую неустойчивость.

Так, в интерпретации американского экономиста Ф. Мишкина (Frederic S. Mishkin) финансовая неустойчивость имеет место только тогда, «когда потрясения финансовой системы взаимодействуют с информационными потоками таким образом, что финансовая система не может больше исполнять свою функцию по распределению ресурсов в пользу тех, кто способен в них продуктивно инвестировать» [Mishkin]. Сформулированный подход представляется не вполне обоснованным и корректным, ибо каждый раз, характеризуя сложившуюся ситуацию, необходимо перечислять факторы внутренних и внешних дисбалансов, которые мешают устойчивому функционированию финансовой системы.

Совершенствование концепции Ф. Мишкина и подходы к управлению устойчивостью представлены в трудах Г. Шинази, советника финансового департамента МВФ, который подчеркивает необходимость рассмотрения финансовую устойчивость комплексно – в качестве программы, охватывающей следующие компоненты в их множественных взаимосвязях и взаимодействиях: институты, инфраструктура, риски и система управления [Schinasi]. Эксперт МВФ предлагает обратить особое внимание на такой важный контекст в управлении рисками, как рыночные отношения. Аргументация состоит в том, что, во-первых, при взаимодействии участников рекомендация отвечает его условиям, возникающим в процессе заключения финансовых сделок, ценообразования финансовых активов. Во-вторых, в интерпретации Г. Шинази финансовая устойчивость, которая зависит от состояния системы управления рисками в целом, тесно связана с монетарной стабильностью и способностью валютной системы по эффективному выполнению свойственных ей функций. В-третьих, исследователь отмечает, что предложенная концепция подразумевает не только устойчивость системы к влиянию состоявшихся кризисных явлений, но ее способность к саморегулированию, включая предотвращение эскалации неблагоприятных процессов.

Еще одним условием обеспечения финансовой устойчивости, с точки зрения Г. Шинази, является дислокация неблагоприятных и несоответствующих состоянию процессов, которые могут нанести ущерб реальному функционированию организации. В этом случае сложившуюся ситуацию необходимо рассматривать в макроэкономическом аспекте, т.к. осязаемый всплеск волатильности цен какого-либо финансового актива и тем более угроза банкротства даже в отдельно взятом представителе финансового института может серьезно дестабилизировать устойчивость системы в целом [Schinasi].

В практике инструментального управления рисками изложенные условия представляются важными и ценными обстоятельствами воплощения рекомендаций Г. Шинази. Конечно, описанный подход особенно важен для прикладных исследований, целью которых является не только оценка финансовой устойчивости, но и соблюдение условий ее обеспечения. Однако, по мнению автора статьи, концепция Г. Шинази позволяет сформулировать ряд выводов, которые имеют не только первоочередное практическое значение для совершенствования функционирования системы управления рисками, но и несут в себе значительный вклад в теоретическую базу управления устойчивостью финансовых систем, особенно банковского системы управления рисками. Автором статьи в иных исследованиях установлено [Чалдаева, 2012]: если управление данным процессом имеет динамически изменяющийся характер, то определение степени устойчивости путем сопоставления ее показателей с однозначно установленными «нормами» не представляется возможным. Еще: обоснованным является установление таких пороговых значений, за пределами которых лежит зона, потенциально опасная для стабильности.

С другой стороны, система управления рисками не может быть оценена с помощью какого-либо одного или единого показателя, а значит, следует принимать во

внимание не только необходимость применения некоей оптимальной их совокупности, но и учитывать целесообразность определения удельного веса каждого из них, в зависимости от степени воздействия на устойчивость организации.

Кроме того, изменения в финансовой устойчивости относятся к группе сложно прогнозируемых и лишь до определенной степени поддающихся управлению и контролю.

Из этого следует, что (а) одну часть угроз финансовой устойчивости можно и нужно предотвращать, (б) негативные эффекты от другой части угроз свести к некоему минимуму (например, к так называемому «жоридору»), (с) третью часть угроз, остающихся в любом случае за пределами возможностей влияния, придется принять и управлять ими.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разнообразие рисков и формируемых ими ситуаций ставят вопрос о необходимости разработок и внедрения специальных программ как последовательных действий по предупреждению рисков, их блокированию и управлению рисками в государственной и бизнес-сферах деятельности.

Денежная реформа, осуществленная в СССР в 1947 году, по мнению автора статьи, заложила континуальную основу поступательного развития экономической базы российской государственности интервалом в 70 лет и значительно более. Цифровой формат современной экономики, являясь естественным продолжением развития экономической базы России, не только оказывает активное влияние на все сферы жизнедеятельности российского общества, но и воспринимает прошлый удачный опыт исторического развития страны и ее народов.

Несмотря на то, что проведенная в СССР в 1947 году реформа носила долгосрочный и во многом конфискационный характер, в конечном ее результате было достигнуто стремительное обеспечение поступательного развития жизненно важных направлений функционирования экономики государства и ускорение роста валового внутреннего продукта Советского Союза. Успешно реализованные направления странового реформирования позволили решить немалые масштабные задачи, которые стояли перед разрушенной экономикой, как-то: 1) восстановление народного хозяйства и повышение жизненного уровня населения; 2) снижение величины наличной денежной массы; 3) реализация радикальных изменений в промышленном и аграрном секторах экономики; 4) совершенствование финансово-экономической сферы; 5) оздоровление социально-экономической и общественно-политической жизни страны.

Говоря о прошлом опыте, автором статьи уже не раз подчеркивалось, что серьезной предпосылкой денежной реформы СССР 1947 года явилась насущная необходимость восстановления экономики страны после тяжелейшей в истории Второй мировой войны. Вместе с тем в рамках прогнозирования развития ситуации в интервале ста лет следует отметить, что возможность рецепции положительных приемов и аспектов реформирования Советского Союза 1947 года в трансформации экономики современной России вполне вероятна. Добавим, что имеют право на существование следующие сценарии формирования ситуации: краткосрочный (5-10 лет), среднесрочный (до 2050 года) и долгосрочный сценарий (до конца XXI века), когда может возникнуть необходимость в денежной реформе.

Факт положительного роста экономики РФ констатируется мировыми статистическими и рейтинговыми агентствами. Следовательно, в *краткосрочной перспективе* вероятность денежной реформы оценивается как низкая, хотя и отмечается

в определенной степени зависимость финансовой системы от иностранной валюты (доллара), но критическая ситуация оценивается автором статьи как несформированная.

Среднесрочная перспектива состояния экономики промышленно-производственного комплекса страны и денежно-финансовой системы РФ также характеризуется в целом как критически несформированная реальность с побуждением применения денежной реформы для целей оздоровления экономики в целом и финансовой сферы в частности. Однако здесь уже необходимо принимать во внимание цифровизацию мировой экономики, появление криптовалют, настоятельные и непрекращающиеся попытки отказа от доллара как мировой расчетной валюты. Поэтому вероятность финансовой реформы в среднесрочной перспективе можно оценивать как достаточно высокую.

Анализируя *долгосрочные перспективы*, автор статьи констатирует: характерные признаки и параметры экономических систем глобальных и региональных игроков XX века чем далее, тем более существенно отличаются от XXI века – и по состоянию экономики, ее материально-технической базе, и по активно перестраивающимся позициям общественной и политической формации. Мобилизация ресурсов и управление производительными силами также активно претерпевает изменения, и даже вполне вероятно, что иные черты приобретет собственность на средства производства.

В указанной связи факт преобразований через реформирование не только не исчерпал своих возможностей, но и соответствует глобальным вызовам по отношению к управлению изменениями, а также задачам и способам реализации для целей цифровой экономики.

ЛИТЕРАТУРА

- Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.
- Новикова И. Редакционный обзор // Федеральное агентство новостей: [официальный сайт]. – URL: <http://raifan.ru>
- Попов В. П. Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг. – Тамбов, 2000.
- Свазовский С. Редакционный обзор. Новости / Газета.ru [сайт]. – URL: <http://smi2.ru>
- Чалдаева Л.А. Риски современного предпринимательства: характерные особенности и практика эффективного управления. Развитие предпринимательства и бизнеса в современных условиях: методология и организация: Монография / Под общей редакцией ректора Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, д.э.н., профессора М.А. Эскиндарова. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2017. – 466 с.
- Чалдаева Л.А. Устойчивость организации как следствие эффективного мониторинга финансовыми рисками. Вестник МГТА. Вып. № 3. М.: Изд-во МГТА, 2012. С. 60-72.
- Der UberblickFrankfurterAllgemeine // Zeitung. (Дата обращения 13 августа 2017 года).
- Mishkin F. Global Financial Instability: Framework, Events, Issues // Journal of Economic Perspectives. 1999. №13.
- Schinasi G. Defining Financial Stability // IMF Working Paper WP/04/187 / International Monetary Fund, 2004.

Author:

Ph.d., Chaldaeve L.A., professor,
Financial University under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia;
Tel.: +7(495)757-83-19 (Moscow, Russia)
chaldaeve45@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

MODERN TAXATION SYSTEM OF RUSSIA: PROBLEMS AND DECISIONS

Лариса Чалдаева, Арсений Данилин

Abstract. In the Russian Federation, since 1990th, there takes place reforming of economy taking into account features of the market relations. Becomes obvious: taxation is one of the most important state instruments of regulation of nonideal market economy. For example, the situation which developed with irrational differentiation of income or low profitability of the separate branches of economy can be solved by fiscal methods. In this regard – on the basis of the existing definitions and concepts – it would be more expedient to use the checked economic receptions and methods applied in world practice and taking into account concrete features of this or that country. Following an author's hypothesis, fiscal methods allow to focus initial income, both the companies, and households, on service to the purposes of national economy. Thereby the state can stimulate small business, allocate subsidies, develop the agrarian sector, redistributing financial flows.

The purpose of article consists in assessment of an economic situation and also the modern taxation system and decisions connected with change of conditions of taxation. The certain experience in this regard is got by authors as a result of studying and the analysis of the Russian and foreign practice of functioning of the taxation system and individual researches which found reflection in this article. As a result the plan of a possible solution of the problem of social inequality in Russia was offered.

Methodology/methods. In the course of the research system approach, space-time approach, a fiscal tipologization, the statistical review, the short situational review are used.

The scientific purpose of article consists in definition of a role and the place of the main tools of the solution of the arising problems at improvement of receptions and rules of fiscal regulation.

Findings. In the presented material of a research such types of tax as are subjected to the analysis: income tax, value added tax and profits tax of the organizations. It is known that each of the specified types of tax has the essential elements defining the assessment guidelines. It is a taxable basis, the tax rates, a penalty fee, conditions of tax payment and other. Any discrepancy between rules of application can lead to a number of negative consequences. An important problem is definition of the tax rate established for subjects of managing. Naturally established tax burden in relation to economic entities leads to finding by economy of the status balanced, lawful and adequately structured.

Conclusions. In present conditions in the Russian Federation the government budget is rather balanced on a current rate of an income tax. The final amount of tax on added value is compensated by consumers of these goods. The essence of tax rate increase on the income of natural persons is more favorable outcome for economy of Russia, than tax rate increase on added value. The decision on use of fiscal methods for relative unification of state regulation of differentiation of income can be rather effective. Income tax rate is equal in the Russian Federation to 20%, and it is quite reasonable level in comparison with international experience of application, and at the same time it does not constrain an entrepreneurial activity and gives the chance to develop the business. Speaking about duty remission on profit, researchers unanimously note, this measure allows national economy to support the low-profitable enterprises.

Keywords: revenue, taxes, redistribution, international experience, Russia, inequality

JEL classification: C80; H21; H30; H61; G38

ВВЕДЕНИЕ

В Российской Федерации, начиная с 1990-х гг., проходит реформирование экономики с учетом особенностей рыночных отношений. Становится очевидным: налогообложение является одним из важнейших государственных инструментов регулирования неидеальной рыночной экономики. К примеру, ситуация, сложившаяся с нерациональной дифференциацией доходов или низкой рентабельностью отдельных отраслей экономики, может быть решена фискальными методами. В этом отношении – на базе существующих определений и понятий – было бы целесообразнее использовать проверенные экономические приемы и методы, применяемые в мировой практике и с учетом конкретных особенностей той или иной страны.

Следуя авторской гипотезе, фискальные методы позволяют ориентировать первоначальный доход, как компаний, так и домохозяйств, на служение целям национальной экономики (Чалдаева & Данилин, 2017). Тем самым государство может стимулировать малое предпринимательство, выделять субсидии, развивать аграрный сектор, перераспределяя финансовые потоки из высокодоходных нефтегазовых отраслей.

Поддержать данное предложение авторов статьи возможно результатами аналитических исследований следующих видов налогов: на доходы физических лиц, добавленную стоимость и налога на прибыль.

Известно, что каждый из указанных видов налогов имеет свои существенные элементы, определяющие правила налогообложения. Это – налогооблагаемая база, налоговые ставки, пеня, условия уплаты налогов и иное. Любое несоответствие между правилами применения может привести к целому ряду негативных последствий. В частности, низкие штрафные санкции, налагаемые на физических и юридических лиц, а также игнорирование своевременного исполнения обязанностей, может сказаться на формировании злонамеренной и даже кризисной ситуаций. Как их следствие, возможна последующая эскалация кризиса, вплоть до уклонения от уплаты налогов, ведь предприятие в возможности задержки налоговых платежей ошибочно воспринимает это как своеобразный кредит с низкой процентной ставкой.

Еще одна важная проблема состоит в определении налоговой ставки, которая может быть установлена для субъектов хозяйствования. Высокие налоговые ставки могут привести к банкротству предприятий и некорректному их уходу с легального рынка и переходу к различным и по сей день возможным теневым оборотам деятельности. С другой стороны, низкие налоговые ставки таят в себе угрозу провоцирования дефицита бюджетов разных уровней – федерального, муниципального.

Итак, очевидно: закономерно установленное налоговое бремя по отношению к хозяйствующим субъектам ведет к обретению экономикой статуса сбалансированной, законной и адекватно структурированной.

1. НАЛОГ НА ДОХОДЫ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ, МИРОВОЙ ОПЫТ, РОССИЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

В первую очередь вышеперечисленные рассуждения относятся к налогу на доходы физических лиц (НДФЛ). Это – сумма, которую в обязательном порядке выплачивает каждое физическое лицо, имеющее определенный доход за определенный период времени (месяц, год), в соответствии с действующими налоговыми нормами и правилами.

В историческом аспекте в 90-х гг. прошлого столетия в Российской Федерации существовал прогрессивный налог. Это означает, что ставка налога была изменчивой и зависела от размера личного дохода. Однако уже в 2001 году налоговое законодательство было изменено, и налог на доходы физических лиц (НДФЛ) был установлен как пропорциональный налог с фиксированной ставкой 13% для резидентов.

В настоящее время 13% – это общая налоговая ставка НДФЛ в России. Заработная плата, ежегодные премии, дивиденды, полученные от российских компаний, облагаются налогом по ставке 13%.

Однако, ставки налогообложения 9%, 15%, 30%, 35% также используются для НДФЛ. Так самая высокая ставка 35% применяется для налогообложения доходов от азартных игр и других специфических доходов. Ставка 30% – для вычета доходов, полученных по результатам от спекулятивных операций с ценными бумагами на фондовых биржах. Более того, 30-процентная ставка регулирует доходы нерезидентов, соответствуя налоговой ставке 13% для резидентов, но в тоже время для нерезидентов предусмотрены некоторые исключения. Например, доход высококвалифицированных нерезидентов облагается налогом только 13% НДФЛ, а налоговая ставка 15% применяется к доходам нерезидентов, полученным в виде дивидендов от российских акционерных обществ. В этом отношении также очевидно и то, что подоходным налогом, облагаются доходы физических лиц в любой стране, но имеют разную ставку, хотя и считается основным налогом для физических лиц (НК РФ, ч.1, 2018).

Таблица1: Мировой рейтинг налога на доходы физических лиц

№	Страна	Ставка налога, %
1	Аруба	58,95
2	Швеция	57,00
3	Дания	55,41
4	Финляндия	52,35
5	Нидерланды	52,00
6	Япония	50,84
7	Австрия	50,00
8	Бельгия	50,00
9	Израиль	50,00
10	Словения	50,00
...
97	Россия	13,00

Источник: the Forbes rating

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что топ-10 стран мира с высокими ставками по налогу на доходы физических лиц (НДФЛ) в несколько раз выше российской. Самая высокая налоговая ставка – 58,95% – принадлежит Арубе. Эта страна расположена в Карибском регионе и является одной из наиболее развитых стран в этом регионе: ВВП на душу населения составляет \$25324. Это более, чем в два раза выше аналогичных налогов, действующих в соседних странах, таких как: Ямайка, Гаити и др. «Специализация» Арубе: туризм, переработка нефтепродуктов и предоставление услуг оффшорным компаниям.

Еще отметим по Арубе, что 58,95% как ставка налога на доходы физических лиц применяется не ко всем гражданам страны, а только к самой богатой ее части, и лишь когда какое-либо лицо достигает определенного государством уровня своего дохода, то оно обязано от этого уровня дохода выплатить государству 58,95%. Таким образом, налог носит прогрессивный характер, что дает возможность иметь ряд положительных тенденций от его внедрения, применения и последующего распределения.

Следующие три страны с высоким уровнем налоговых ставок, представленных в табл. 1, находятся в Северной Европе: это Швеция, Дания, Финляндия.

Известно, что данные страны считаются государствами с высоким уровнем жизни, хотя климат их суров, численность населения низка. В то же время наличие сбалансированной структуры перераспределения финансов, которое охватывает все сферы экономики, доходы физических и юридических лиц, позволило поэтапно сформироваться экономике в высокоразвитом сегменте. Однако, подоходный налог на доходы населения в указанных трех странах аналогичен налогу на доходы физических лиц в такой стране, как Аруба.

Таким образом, в топ-10 стран мира ставка налога на доходы физических лиц составляет не менее 50%, и в этом отношении, несомненно, целесообразно подразделять ставку налога, исходя из суммы совокупного дохода.

Ставка налога на доходы физических лиц в России существенно ниже в сравнении с топ-10 стран мира: она занимает 97-е место в мировом рейтинге, но это не означает, что российское правительство должно повысить ставку налога на доходы физических лиц. В нынешних условиях государственный бюджет достаточно сбалансирован, в том числе и по действующей ставке. Хотя выступления на специализированных конференциях и научные издания, исходя из современного состояния экономики, содержат немалое число мнений и пожеланий о том, что необходимо провести «внутреннюю» реформу налога на доходы физических лиц: предложения в основном соотносятся с реализацией прогрессивного варианта ставки налога, т.е. путем повышения налоговой ставки для лиц с доходами, относящихся к самой богатой группе и освобождения от налогов лиц самой низкой группы доходов, а также ожиданием роста общего объема налоговых поступлений в бюджет страны (Модернизация экономики, etc., n.d.).

2. НАЛОГ НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ VS НАЛОГ НА ДОХОДЫ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДОХОДОВ

Далее, в логике исследования, необходимо рассмотреть и охарактеризовать налог на добавленную стоимость (НДС).

Этот налог взимается с товаров, изготовленных предприятиями.

Важная и своевременная ремарка: конечная сумма этого налога возмещается потребителями данных товаров.

В общем случае потребителями являются физические лица или конечные потребители, поскольку не используют приобретенные товары для перепродажи и получения дополнительного дохода, а только потребляют их.

Говоря в отношении товарных компаний, имеющих намерение перепродать товар, им необходимы специальные документы, которые позволяют вычесть определенную сумму из этого налога и обосновать сумму налога на добавленную

стоимость (НДС) на разнице между ценой покупки и ценой продажи товара (НК РФ, ч.2, 2018).

Правило исчисления налога придано название «добавленной стоимости» к соответствующему налогу.

Очевидно, представив физических лиц как конечных потребителей, необходимо также обратить внимание и на предприятия в качестве конечных потребителей. Судите сами. Существуют предприятия, которые приобретают основные средства и сырье, производят продукцию для внутренних и внешних рынков. Согласно налоговым правилам применения, налоги на добавленную стоимость с экспортируемой продукции не взимаются. Однако первоначальные затраты, связанные с приобретением запасов и основных средств, содержат сумму налога на добавленную стоимость. Еще одним случаем, когда юридическое лицо может рассматриваться как конечный потребитель, является приобретение товаров для поддержания производственной деятельности данного предприятия или пользование консультационными услугами с целью повышения эффективности деятельности. В этом случае большая часть этих расходов не будет учитываться в налоговом учете, что это означает: налоговый вычет не допускается.

Как и для рассмотренных ранее налогов на доходы физических лиц (НДФЛ), сведения о налоге на добавленную стоимость (НДС), показанные ниже, были подобраны в отношении стран мирового сообщества (см. табл. 2).

Данные в табл. 2 свидетельствуют, что рейтинговый приоритет принадлежит Венгрии с налоговой ставкой 27%. Следующие пять стран: Бразилия, Хорватия, Дания, Норвегия и Швеция – имеют равную ставку 25%. Очевидно, что в этом рейтинге опять лидирующие позиции занимает Северная Европа.

Таблица 2: Мировой рейтинг налога на добавленную стоимость

№	Страна	ставка, %
1	Венгрия	27,00
4	Бразилия	25,00
4	Хорватия	25,00
3	Дания	25,00
5	Норвегия	25,00
6	Швеция	25,00
7	Финляндия	24,00
8	Греция	24,00
9	Исландия	24,00
10	Ирландия	23,00
...
59	Россия	18,00

Источник: the Forbes rating

Налоговая ставка в Российской Федерации составляет 18%. Конечно, она ниже, чем в топ-10 стран, но авторы берутся утверждать, что налог на добавленную стоимость необходимо повышать. При сопоставлении других ставок налогов, существующих в России (одна из них уже рассматривалась выше), мы непременно пойдем, что 18-

процентная ставка налога на добавленную стоимость (НДС) не является низкой. Однако уже с 2019 года Правительство России увеличило ставку – с 18% до 20%: цель состоит в повышении уровня бюджетных поступлений в их доходную часть.

В комментариях по поводу повышения ставки налога на добавленную стоимость научная общественность оценила его как неубедительное в части того, что повышение ставки планируется в виде одноразового действия и имеет отношение только к предприятиям, а не к физическим лицам (Модернизация экономики, etc., n.d.). В то же время очевидно, что в конечном итоге общий налог на добавленную стоимость все же будет возмещен как раз частными лицами, и на это авторы указывали выше. Более того, на взгляд авторов исследования, такой фискальный шаг неизбежно приведет к одновременному с повышением ставки росту инфляции, которая, следовательно, будет выше 2%. Связи с фактом нестабильной экономической среды, искусственно повышенных цен очевидна, но производители, вероятнее всего, объяснят рост цен повышением ставки налога. Подобные объяснения всегда риторически звучат правдиво, и в итоге будут приняты общественностью и обывателями, неискушенными в экономических механизмах и налоговых правилах.

Считаем далее необходимым прояснить следующий важный элемент, соотносимый с налоговой системой: в случае повышения подоходного налога с населения, оно не сопряжено с каким-либо инфляционным риском.

Инфляция возникает тогда, когда совокупный спрос превышает совокупное предложение, но основной доход облагается налогом на доходы физических лиц (НДФЛ). Поэтому домохозяйства уменьшили часть своего дохода, и это означает, что совокупный спрос снижается соответственно увеличению суммы поступившего в бюджет налога. Несомненно, могут увеличиться государственные расходы и различные социальные трансферты. Тем не менее, рост ставки налога на доходы физических лиц (НДФЛ) определенно не спровоцирует риск инфляции.

Итак. Делаем промежуточные выводы по заявленной проблематике статьи: сущность повышения ставки налога на доходы физических лиц (НДФЛ) является более благоприятным исходом для экономики России, чем повышение ставки налога на добавленную стоимость (НДС). Решение об использовании фискальных методов для относительной унификации государственного регулирования дифференциации доходов может быть достаточно эффективным (Чалдаева, 2017).

3. НАЛОГ НА ПРИБЫЛЬ КАК МЕРА ПОДДЕРЖКИ НИЗКОРЕНТАБЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Из других видов налогов, которые следует непременно рассмотреть, это – налог на прибыль и, прежде всего, представим ставку налога на прибыль по странам мира.

Таблица 3: Страновые показатели по налогу на прибыль

Страна	Ставка налога, %
ОАЭ	55,00
США	27,00
Аргентина	30,00
Замбия	35,00
Мальта	35,00
Судан	35,00
Индия	35,00
Россия	20,00

Источник: the KPMG corporate tax data

Данные табл. 3 демонстрируют самую высокую ставку налога на прибыль, которая в размере 55% принадлежит ОАЭ, а это свидетельствует о том, вести там какой-либо бизнес практически невозможно, так как любая компания, пытающаяся это сделать, должна платить больше половины своей прибыли. Тем не менее, будучи страной-экспортером нефти и газа, в ОАЭ весьма специфично продвигаются к процветанию. Да, нефтегазовые отрасли являются чрезвычайно прибыльными, т.к. затраты на добычу нефти и газа в этой стране низки, например, в сравнении с существующими в России, Великобритании и даже с целыми регионами мира. В последние годы в ОАЭ активизировалось создание «умных городов» и «умных» городских агломераций; проводятся масштабные исследования в части завоевания важных страновых позиций по BigData. Таким образом, сложившаяся ситуация позволяет ОАЭ сохранять ставку налога на прибыль в размере 55%, обеспечивая наполнение бюджета для поддержки деловой активности в своей стране.

США демонстрируют ставку налога на (корпоративную) прибыль в размере 27%, как и в 2018 году. Однако в 2017 году налог составил 40%.

Что касается Аргентины, то она провела реформу, направленную на снижение ставки налога на прибыль с 35% до 30%.

Такие страны, как: Замбия, Мальта, Судан и Индия – имеют ставку налога на прибыль в размере 35%. Почти рутинный и к тому же немалый размер ставки налога, но, как известно, указанные страны развиваются, имея немалые проблемы с деловой средой, причем в большей степени как раз из-за деформаций в налоговой системе в виде установленных высоких ставок налога на прибыль в указанных странах.

В Российской Федерации, основного объекта авторского внимания, ставка налога на прибыль равна 20%. Это – вполне разумная ставка налога, которая не сдерживает предпринимательскую деятельность и дает возможность развивать свой бизнес.

Сумма средств в виде налога на прибыль поступает как в федеральный, так и региональный бюджеты. В частности, налоговым законодательством установлена доля от 2% до 18%, при этом 2% от взимаемого 20-процентного налога направляется в федеральный бюджет, а остальные 18% – в бюджет субъекта Российской Федерации. Это правило было временно изменено в 2017 году и применимо до конца 2020 года. Изменение устанавливает 3-процентную налоговую часть, подлежащую уплате в федеральный бюджет, а остальные 17% – в региональный бюджет. Данное правило перераспределения налоговых потоков может быть эффективно использовано при необходимости увеличения федерального бюджета, а именно: доли, окупаемой за счет налога на прибыль (НК РФ, ч.1, 2018).

При этом процедура перераспределения должна основываться на данных о дефиците федерального бюджета и количестве социально значимых проектов, которые реализуются за счет регионального и федерального бюджета.

Данная ситуация может быть связана как с низкодоходными, так и с высокодоходными предприятиями. Первая категория нуждается в поддержке государства, так как бездействие государственных организаций однозначно приводит к тому, что одна категория предприятий становится процветающей, а другая – банкротом.

Налоговый кодекс Российской Федерации устанавливает минимальную ставку налога на прибыль в размере 12,5%, которая должна быть передана субъектам Российской Федерации; максимальная же ставка регионального налога составляет 17%. Разница в 4,5% является, по мнению авторов, существенной выгодой для низкорентабельных предприятий, когда их региональные власти предоставляют «скидку» по налогу на прибыль. Однако в федеральном бюджете нет никаких преференций, и остальные 3% от 20-процентного налога должны быть уплачены в любой ситуации.

4. К ВОПРОСУ О НЕРАВЕНСТВЕ ДОХОДОВ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Наиболее применимыми и популярными коэффициентами, позволяющими оценить неравенство доходов домохозяйств, являются коэффициент Джини и коэффициент R/P 10%.

Оба коэффициента имеют одинаковую цель – выявить неравенство доходов.

Так, коэффициент R/P 10% показывает радикальную дифференциацию между доходами самых богатых, которые составляют 10% части всего общества и доходами 10% беднейшей его части. Тем не менее, R/P коэффициент не учитывает значительный объем доходов, связанный с 80-процентным диапазоном населения между самыми богатыми и самыми бедными.

В то же время коэффициент Джини оценивает общий доход домохозяйств и общую дифференциацию доходов в определенной стране или обществе.

В виду базирования коэффициента Джини на кривой Лоренца (см. рис.1), эта модель состоит из линии равенства, собственно кривой Лоренца и двух осей, которые называются совокупной долей лиц с самым низким и самым высоким доходом (ось X) и совокупной долей заработанного дохода (ось Y). Коэффициент Джини рассчитывается как значение площади, образованной линией равенства и кривой Лоренца, разделенной на соответствующую площадь, образованную правым треугольником. Очевидно, этот коэффициент колеблется от 0 до 1. Значение ноль показывает абсолютное равенство, единица соответствует противоположной ситуации - абсолютному неравенству.

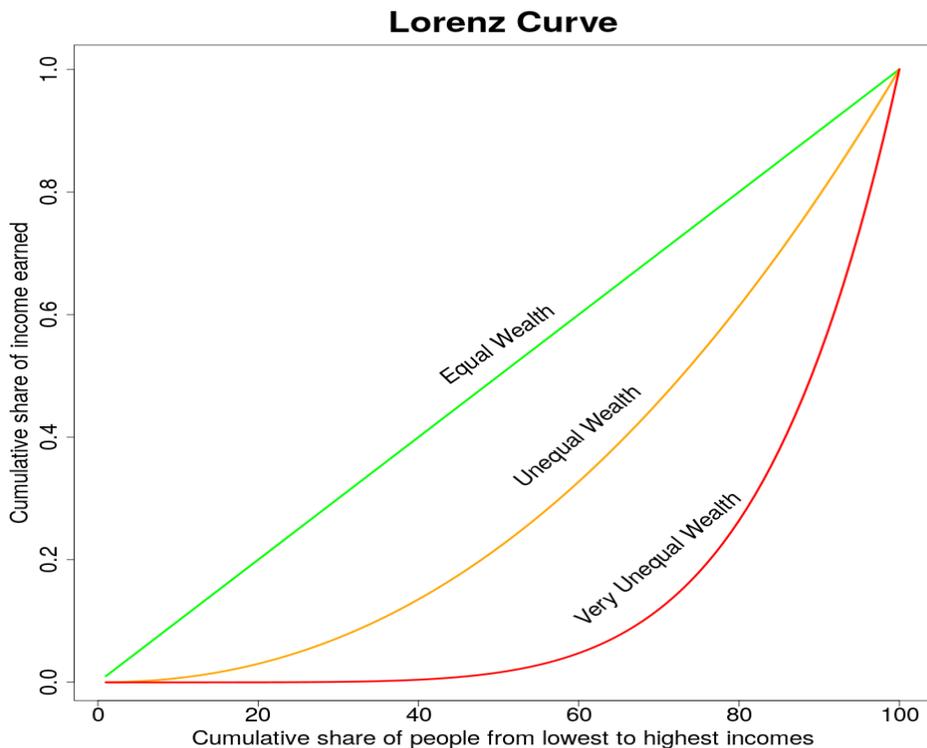

Рисунок 1. Иллюстративный график модели Лоренца
Источник: <https://www.investopedia.com/terms/l/lorenz-curve.asp>, n.d.

Таблица 4: Визуальные данные коэффициента Джини

Страна	2015, %
Россия	37,7
Хорватия	31,1
Австрия	30,5
Швеция	29,2
Дания	28,2
Нидерланды	28,2
Норвегия	27,5
Финляндия	27,1

Источник: the World Bank data

Данные, представленные в табл. 4, опубликованы Всемирным банком при последнем обновлении указанного показателя – в 2015 году. В табл. 4 сведены самые высокие ставки подоходного налога, которые направлены на т.н. «умиротворение» сложной ситуации с благосостоянием населения. Тем не менее, представленные коэффициенты Джини для стран Швеции, Дании и Финляндии ниже, чем в России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая все доказательства полезности фискальных методов, следует ряд довольно разнообразных, на первый взгляд, моментов.

Во-первых, социальное неравенство возможно разрешать путем введения прогрессивной ставки налогообложения. Но практически лишь изменение налога на доходы физических лиц способно существенно повлиять на социальный статус населения; в то же время как изменения в сущности других налогов влияют на проблему косвенно.

Во-вторых, налоговую реформу в России – в случае ее инициации – следует начинать с подготовительных процедур, особенно тщательно подготовив изменения, связанные с проблематикой налога на доходы физических лиц (НДФЛ), подробно освещенной в представленном авторами исследовании.

И, наконец, по глубокому убеждению авторов статьи, внимания требует изменение ставки налога на добавленную стоимость (НДС). При этом любые обращения к трансформации ставки данного налога в виду ее экономической сущности могут вызвать высокую вероятность реализации инфляционного риска.

Говоря же об освобождении от налога на прибыль, исследователи единодушно отмечают, данная мера позволяет экономике страны поддерживать низкорентабельные предприятия Модернизация экономики, etc., (n.d.).

ЛИТЕРАТУРА

Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 №146-ФЗ (ред. от 27.11.2018)

Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 №117-ФЗ (ред. от 27.11.2018)

Модернизация экономики как построение нового государства, (n.d.). Независимый экспертный доклад . – URL: <http://www.apn.ru/publications/article22100.htm>

Чалдаева Л.А., (2017). Предпринимательские инициативы в условиях цифровой экономики: риски и социальные последствия. Предпринимательские инициативы в производственной и правовой деятельности организации. Сб. материалов круглого стола (Москва, 29 сентября 2017 года, Финансовый университет при Правительстве РФ) / Под науч. ред. д.э.н., доц. И.А. Меркулиной. – М.: Издательско-торговая корпорация "Дашков и Ко", 2017. –154 с.

Чалдаева Л.А. & Данилин А.А., (2017). Рынок государственных облигационных заимствований и его влияние на экономику России. Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. – №11. – том 2. – С. 61-69.

Lorenz Curve, (n.d.). Investment encyclopedia: [site]. – URL: <https://www.investopedia.com/terms/l/lorenz-curve.asp>

Authors:

Ph.d., Chaldaeve L.A., professor,
Financial University under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia;
Tel.: +7(495) 757 83 19 (Moscow, Russia)
chaldaeve45@mail.ru

Danilin A.A.,
Joint-stock company "BDO Unicon", Moscow, Russia;
Financial University under the Government of the Russian
Federation
Moscow, Russia;
Tel.: +7(925) 040 07 46 (Moscow, Russia)
astra1001a@yandex.ru

DIGITAL ECONOMY: TRENDS AND PROSPECTS FOR ADVANCED DEVELOPMENT

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ АВАНГАРДНОГО ХАРАКТЕРА РАЗВИТИЯ

Dadaev Ya. E., Bekmurzaev I. D., Khazhmuradova S.D.

Abstract. *The digital revolution changes the approach to business and the requirements of the information technology used in marketing, sales and service management systems; telephony and messengers; systems of document circulation and management of the pen; accounting systems and other corporate applications. This proves that the institutional shifts of the economy in the direction of its digitization-there is a long and wave process Transformations of structural units, having revolutionary character of development and reflecting in itself peak innovative indicators. The theoretical base allowed the authors of the article to form a circle of principles of digitalization of the economy, which determine its avant-garde and rapidly current character, somehow: accessibility; acelliness; the existence of "growth points"; freedom of the press, information; the independence of information; diversity of media; trust, security, standardization of information flows; focus and complexity. The author of the study disclosed the content of the latest digital products and services (BioTech, NanoTech, BlockChain, RetailTech, FinTech, LegalTech, Digital-marketing, Grid-technology, GovTech, e-ID, TeleHealth, ePrescription,), which today produces a trend Digital Economy.*

The purpose of article is highlighting key areas of the initial stage of the digital economy.

Methodology/methods. Analysis and synthesis, creative approach, logical algorithmic algorithm, rational (discursive) judgement are used as methods for conducting the research.

The Scientific purpose of article established by authors as a study of the basic principles of digitization as the basis for the development of Russia's economy.

Findings. *The general regularity of projects of digital economy is orientation on the concrete consumer and full use of the information as the driving resource, consideration of concrete peculiarities of the consumer in a concrete place, and world use technologies of digital transformations of real business processes. In the end, digital projects are characterized by very specific circumstances of their implementation in a particular place and only when the economic results are economically positive can be subject to standardization and other regulation. Compliance with the basic principles of digitalization of the economy, formulated in table 1, according to the authors of the article, the most valuable and important at the initial stage of the introduction and actualization of the digital economy in Russia and should take place simultaneously in three following directions: 1) Technological, when all decisions of technical and technological character should be standardized, i.e. be safe and certified; 2) Institutional, which envisages the organization of new models of management and business models with the use of "smart" things, blockchain-technology, its institutional support, compliance with the legal framework social and economic relations in society; 3) Production, including specific business applications that meet the requirements of technology management models: marketing, sales and service management systems; telephony and messengers; document and personnel management systems; Accounting systems and many other enterprise applications.*

Conclusions. *The digital development of the economy is characterized by revolutionary changes. Digital technology has formed a kind of "digital vortex", opening up unique opportunities for the development of the world economy and improving the quality of human life. The main value in the digital economy is the client, which becomes both the starting and the end point of the process of economic activity.*

Keywords: economics, digitalization, avant-garde trends, technologies, products, services

JEL classification: I21, I25, I28, O15

INTRODUCTION

In the 21st century, fundamentally new, avant-garde technological changes have become characteristic, which combine telecommunication and information technologies on the basis of innovative transformations. Thus, the introduction of the concepts of “digital technologies”, “digital economy” was determined.

The digital economy is a type of economy characterized by the activation of all spheres of human activity in terms of the introduction and use of technologies of storage, processing and transmission of information.

Digital technologies have formed a kind of “digital vortex”, opening up unique opportunities for the development of the world economy and improving the quality of human life (Technology with history, 2016). The most rapid and profound consequences of the transition of economic relations to the digital format will be possible when the digital transformation becomes the basis of doing business, the work of public institutions, will become a familiar and commonplace phenomenon in the life of Russian society.

The main platform for the development of the digital economy is the virtual Internet, because in the era of the digital economy the main resource is accurate, reliable, truthful and timely information. Previously, there was a deep sense in the calculation of break-even points, the optimal size of firms and companies, but for the digital format of the economy it is not so important: the company can be very small and at the same time successfully develop; the owners of the company can be both its leaders and performers of all stages of its work.

It is important to emphasize that the main value in the digital economy is the customer, who becomes both the starting and the end point of the process of economic activity. The client chooses the product, relying on advice, personal experience and advertising, and often the seller does not have the possibility of personal contact with the buyer. At the same time, advertising still has its considerable weight; only it is not the same advertising, it is – Internet friends, Internet Hobbies, etc. (Arkhangelskaya, 2017; Schwab, 2017).

Digitalization should not be considered as an end in itself, because it is a tool for business development. With a systematic state approach, digital technologies will stimulate the development of an open information society as an essential factor in increasing productivity, economic growth, job creation, and improving the quality of life of citizens.

1. BASIC PRINCIPLES OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

The digital economy, at its core, is only taking the first steps, but they are extremely rapid. Therefore, the theorization of the “figures” lags behind practical activities and developments.

Of particular scientific value in the study of the problems of digitalization are scientific works, research and development of scientists such as V. Isaacson, S. Brand, J. Wales, E. Williams, B. Gates, B. Elbrecht, D. Engelbart, J. Licklider, J. Von Neumann, E. Peters, S. Huntington.

This theoretical basis has allowed the authors to form a range of principles of digitalization of the economy, which determine its avant-garde and rapidly current nature, such as:

- availability;
- focus (purpose);
- availability of “points of growth”;
- freedom of the press, information;
- independence of information;
- diversity of the media;

- trust, security, standardization of information flows;
- focus and complexity.

Considering the set of principles as an integral continuum and within the framework of the stage of the digital economy theorization, the authors managed to formulate their content and give brief characteristics (see table.1).

Table 1: Basic principles of digitization of the economy

Concept	Contents and brief description
Availability	Digitalization should ensure that every citizen has equal access to the services, information and knowledge provided through information and communication technologies. The implementation of this principle is possible in the presence of consolidation efforts of politicians, public authorities and self-government, business, public control. Removing barriers is a key factor in increasing access to the global information environment and knowledge
Focus / purpose	The digital format of economic relations should be aimed at creating advantages (benefits) in various aspects of economic activity and everyday life
Starting point of growth	Digitalization is a mechanism (platform) of economic growth that works by improving the efficiency of processes and increasing productivity in the use of digital technologies. Economic growth is maximized by integrating ideas, actions, initiatives and programmes into national and regional development strategies and programmes. The key objective of this principle is to achieve digital transformation of existing sectors of the economy, spheres of activity, strengthening and consolidation of their new qualities and properties
Freedom of the press, information Independence Diversity of the media	The digitalization of the economy should contribute to the development of the information society, the media, the creative environment, the creative market, etc. In the construction of an open information society, a significant role is given to the creation, dissemination and preservation of the content, i.e. content, including in different languages and formats, with due recognition of the rights of authors. Content creation, according to national or regional needs, should promote social, cultural and economic development, strengthen the principles of the information society
Standardization of information flows	Standards promote equal competition, reduce costs and the cost of products, guarantee compatibility and support for the quality of the product (work, services), increase the country's GDP. The development and use of open, interoperable and non-discriminatory standards is a basic element of the development and diffusion of digital technologies

Trust and security	Confidence-building, including information security, cybersecurity, protection of the confidentiality of personal information, privacy and user rights are conditions for the security of digitalization on the basis of its simultaneous development. The need for the formation, development and active implementation of a national culture of cybersecurity is a key activity in the fight against cybercrime
Focus and complexity	Public administration is called in its principles of compliance with the social contract to focus on the removal of barriers to the digitalization of the country, the regulation of market failures, maintaining fair competition, attracting investment, active assistance in the development of digital infrastructure of the national economy in order to comply with and achieve national priorities

Source: Compiled by authors.

Compliance with and compliance with the basic principles of digitalization of the economy, as set out in the table.1, according to the authors, the most valuable and important at the initial stage of implementation and updating of the digital economy in Russia and should occur simultaneously in the following three areas:

- technological, when all solutions of technical and technological nature must be standardized, i.e. to be safe and certified;
- institutional, which provides for the organization of new management models and business models using “smart” things, blockchain technology, its institutional support, compliance with the regulatory framework of socio-economic relations in society;
- production, which includes specific business applications that meet the requirements of technology management models: marketing management systems, sales and service; telephony and messengers; document management systems and personnel management; accounting systems and many other corporate applications.

2. INNOVATIVE TRENDS OF SOCIO-ECONOMIC ENVIRONMENT

Digital technologies, products and services, which in modern conditions of the digital revolution are considered innovative trends in the socio-economic environment, are combined by the authors of the study in the tables 2 and 3 below.

Table 2: Digital Technologies as innovative trends in the modern socio-economic environment

Technology	General characteristics
BioTech	Biotechnological processes using microorganisms and enzymes at the modern technical level are widely used in the food industry
NanoTech	They are high-tech centers and enterprises engaged in the development and testing of microelectronic products: silicon crystals, integrated circuits with high quality control standards. Nanotechnology is the technology of colloidal systems, colloidal chemistry, colloidal physics, molecular biology, microelectronics

RetailTech	Technologies that are developed by startup for use in the field of trade. These include: 3D body scanning, tracking consumer assistants with the support of AI, which helps retailers and consumers. AI (Adobe Illustrator) – file format with extension .ai developed by Adobe Systems for storing vector images
FinTech	Technological projects in the field of financial services are considered to be one of the most promising areas for startups, despite the complexity of state regulation. There are two main types of products: 1) provides software and financial services, i.e. uses the B2B model, and has long been represented in the market; 2) covers the rapidly developing B2C market, is focused on the end user and seeks to fulfill the ambitious task in the struggle for a mass client in the form of a competitive block to traditional financial service providers
LegalTech	Digital technologies in the business sphere of jurisprudence, which specializes in information technology services of professional legal activity
InsurTech	The sphere of the latest insurance technologies. It has a great place in the arena of financial technologies in the form of innovative solutions to maximize their effectiveness
GovTech	These include all IT products, solutions, developments, services that help solve public sector problems. The creation of platforms for collaboration of citizens, e-petitions, crowd-sourcing. Enhanced electronic identification capabilities. Technologies better known as CivicTech are infrastructure (digital sensors, control sensors); provision of services in education, health care; forms of regulation (solutions for evaluation of objects, inspections); administration – licensing, management of cloud technologies, software

Source: Compiled by authors

Digital technologies are needed to increase the efficiency of Russian industry, and in some sectors they become the basis of product and production strategies. Their transforming power is changing the traditional business model, industrial chain, and leads to the emergence of new products and innovation. Digitalization is positive for Russia, because it focuses on improving the quality of social security infrastructure, the quality of social services, transparency and targeting of social assistance, and reducing costs (TASS, n.d.).

Table 3: Digital products and services as innovative trends in the modern socio-economic environment

Product/Service	Content
BlockChain	Built according to certain rules, a continuous sequential chain of blocks containing information. The product was designed as part of a specific task – to build a decentralized (without a single control center) financial system, the correctness of which could check any person

Digital marketing	The use of various methods and tools to promote the product to the masses using digital channels. The most popular forms of digital channels: search engine promotion; contextual and teaser advertising; media and banner format; promotion in social media and blogs, creating mobile applications for smartphones, tablets, etc.; viral advertising
CRM&BPM	Sales system: ready-made processes to manage all types of transactions
Grid-technology	Geographically distributed infrastructure, which combines many different types of access to which the user can get from anywhere, regardless of their location
Digital- insurance	It allows insurance companies to reduce costs, increase the speed of customer service. Consumers have the opportunity to receive timely updates on changes in the insurance policy of the company. A significant advantage is the presence of social networks as contributing to improving the quality of service and establishing a close relationship between the insurance company and the client. A significant advantage is to reduce the probability of fraud and increase the safety of insurance operations from the risks of non-payment of the insurance premium and the subsequent legal invalidity of the insurance contract. One of the advantages is the speed of data processing and claims settlement
ePrescription	This is an electronic prescription, carried out on the basis of 3 procedures: 1) eCapture – formation of an electronic prescription by a doctor of a medical institution; 2) eTransfer – confidential transfer of an electronic prescription to a pharmacy; 3) eDispensation – transfer of data from a pharmacy back to a medical institution, confirmation
TeleHealth	Digital technologies to provide remote medical services and support the work of doctors

Source: Compiled by authors

The General pattern of digital economy projects is the focus on a particular consumer and the comprehensive use of information as a driving resource, taking into account the specific characteristics of the consumer in a particular place, and the global use of digital transformation technologies of real business processes. In the end, digital projects are characterized by very specific circumstances of their implementation in a particular place and only with the accumulation of positive economic results can become the subject of standardization and other regulation.

Another important feature of building a tree of transformation goals is the implementation, maturity of opportunities and their completeness at the present stage of various digital projects and taking into account the risks in their implementation.

Despite the scale of existing scientific achievements in the field of digitalization, it is important to conduct research aimed at the development of tools and mechanisms of virtual digital coworking centers, digital hub studios, associations and hackathons. Their goal is to form digital reality on the basis of new digital knowledge. It is advisable to develop a “win-win” framework and a system of interaction with direct developers of innovations and technologies, because the business world is now becoming more mobile, global and digital

CONCLUSION

So, we can clearly and confidently say that digital transformation is a very difficult task. Countries that have reached the highest level of digital maturity today have been able to resolve a considerable number of cultural, organizational and technical problems. No doubt, given the

totality of the polyfunctional problematic factors made the transformation in the advanced digital world, successful.

In order to join the ranks of digital leaders in specific sectors of the economy today, it is necessary to identify priority digital projects and implement them with specific organizational teams. They should focus on three key functional activities: (a) developing digital strategies, (b) managing digital activities through national companies, and (c) making digital execution an operational advantage. (Ford, n.d.)

The active deployment of high-speed networks depends on government incentives, and by focusing on creating optimal market conditions, Russia must and must create incentives for strong expansion in the high-speed network market.

Special key incentives are also initiatives to create among the population a steady need for digital technologies through educational services, health, tourism, transport, e-governance etc. the Ultimate goal is not just to provide citizens with the infrastructure fixed broadband access, but to create conditions for the emergence of public demand for it, especially in the areas of improving the quality of life, comfort, education, business, and human capital development.

The company's traditional economy needs to overcome internal resistance to change, based on independent scientific and technological research; only accepting the digital cultural imperative, they will be able to successfully fit into the model of global digital transformation.

REFERENCES

- Program “Digital Economy of the Russian Federation”, (2017). Approved. Resolution by the Government of the Russian Federation on July 28, 2017. - URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>
- Strategy of Information Society development in Russia for 2017-2030, (2017). The decree of the President of the Russian Federation № 203 dated May 9, 2017. - URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>
- Strategy of scientific and technological Development of the Russian Federation, (2016) Approved. Decree of the President of the Russian Federation of December 1, 2016 № 642. - URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449>
- Ford M., (n.d.). Robots are advancing: technology development and the future without work. P. 31.
- Technology with history, (2016). // RBC. July 15, 2016. № 125 (2381).
- Arkhangelskaya E., (2017). Augmented reality // RBC, January-February 2017. P. 40-41.
- Schwab K. (2017). Fourth industrial Revolution/per. in English. / Klaus Schwab. M.: “E” Publishing House, 2017. P. 16.
- News agency TASS, (n.d.). [official site]. – URL: <http://tass.ru/ekonomika/4390974>

ВВЕДЕНИЕ

В XXI веке стали характерными принципиально новые, авангардные технологические изменения, которые на базе инновационных трансформаций объединяют телекоммуникационные и информационные технологии. Тем самым было обусловлено введение в научный оборот понятий «цифровые технологии», «цифровая экономика».

Цифровая экономика представляет собой тип экономики, характеризующийся активизацией всех сфер человеческой деятельности в части внедрения и использования технологий хранения, обработки и передачи информации.

Цифровые технологии образовали своеобразный «цифровой вихрь», открыв уникальные возможности для развития мировой экономики и повышения качества жизни человека (Технология с историей, 2016). Максимально быстрые и глубинные последствия перехода экономических отношений в цифровой формат будут возможными тогда, когда цифровая трансформация станет основой ведения бизнеса, работы государственных учреждений, станет привычным и обыденным явлением в жизнедеятельности российского общества.

Основной площадкой для развития цифровой экономики является виртуальная сеть Интернет, ведь в эпоху цифровой экономики основным ресурсом является точная, надежная, правдивая и своевременная информация. Ранее имелся глубинный смысл в расчетах точек безубыточности, оптимальных размеров фирм и компаний, но для цифрового формата экономики это не так важно: компания может быть очень маленькой и при этом успешно развиваться; владельцы компании могут быть одновременно и ее руководителями, и исполнителями всех этапов ее работы.

Важно подчеркнуть, что главной ценностью в цифровой экономике является клиент, который становится и отправной, и конечной точкой процесса экономической деятельности. Клиент выбирает товар, полагаясь на советы, личный опыт и рекламу, и нередко продавец не имеет возможности личных контактов с покупателем. При этом реклама все также имеет свой значительный вес; только это уже не прежняя реклама, это – интернет-друзья, интернет-увлечения и т. д. (Архангельская, 2017; Шваб, 2017).

Цифровизацию не стоит рассматривать как самоцель, потому что это – инструмент развития бизнеса. При системном государственном подходе цифровые технологии будут стимулировать развитие открытого информационного общества как одного из существенных факторов повышения производительности труда, экономического роста, создания рабочих мест, а также улучшения качества жизни граждан.

1. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Цифровая экономика, по своей сути, делает лишь первые шаги, но они чрезвычайно стремительны. Поэтому теоретизация «цифры» отстает от практических мероприятий и разработок.

Особую научную ценность в изучении проблем цифровизации представляют научные труды, исследования и разработки таких ученых, как В. Айзексон, С. Бранд, Дж. Уэйлс, Э. Уильямс, Б. Гейтс, Б. Элбрехт, Д. Энгельбарт, Дж. Ликлайдер, Дж. Фон Нейман, Е. Петерс, С. Хантингтон.

Эта теоретическая база позволила авторам статьи сформировать круг принципов цифровизации экономики, которые определяют ее авангардный и стремительно текущий характер, как-то:

- доступность;
- нацеленность (целевое назначение);

- наличие «точек роста»;
- свобода печати, информации;
- независимость информации;
- разнообразие средств массовой информации;
- доверие, безопасность, стандартизация информационных потоков;
- сфокусированность и комплексность.

Рассматривая свод принципов как целостный континуум и в рамках этапа теоретизации цифровой экономики, авторам удалось сформулировать их содержательную часть и дать краткие характеристики (см. табл.1).

Таблица 1: Основные принципы цифровизации экономики

Принцип	Содержание и краткая характеристика
Доступность	Цифровизация должна обеспечивать каждому гражданину равные возможности доступа к услугам, информации и знаниям, которые предоставляются на основе информационно-коммуникационных технологий. Реализация данного принципа возможна при наличии консолидационных усилий политиков, органов государственной власти и органов самоуправления, бизнеса, общественного контроля. Устранение барьеров – основной фактор расширения доступа к глобальной информационной среде и знаниям
Нацеленность / целевое назначение	Цифровой формат экономических отношений должен быть направлен на создание преимуществ (выгод) в разнообразных аспектах экономической деятельности и повседневной жизни
Стартовые «точки роста»	Цифровизация – это механизм (платформа) экономического роста, работающий благодаря повышению эффективности процессов и увеличению производительности труда при использовании цифровых технологий. Экономический прирост максимально возможен при интеграции идей, действий, инициатив и программ в национальные и региональные стратегии и программы развития. Ключевая цель данного принципа – достижение цифровой трансформации существующих отраслей экономики, сфер деятельности, усиление и закрепления их новых качеств и свойств
Свобода печати, информации Независимость Разнообразие средств массовой информации	Цифровизация экономики должна способствовать развитию информационного общества, средств массовой информации креативной среды, креативного рынка и т.п. При построении открытого информационного общества значительная роль отводится созданию, распространению и сохранению содержательной части, т.е. контента, в том числе на разных языках и форматах, с должным признанием прав авторов. Создание контента, согласно национальных или региональных нужд, должно содействовать социальному, культурному и экономическому развитию, укреплению принципов развития информационного общества

Стандартизация информационных потоков	Стандарты содействуют равноправной конкуренции, позволяют снизить затраты и стоимость продукции, гарантируют совместимость и поддержку качества продукта (работы, услуги), увеличивают ВВП страны. Базовым элементом развития и распространения цифровых технологий является разработка и использование открытых, функционально совместимых и недискриминационных стандартов
Доверие и безопасность	Укрепление доверия, включая информационную безопасность, кибербезопасность, защита конфиденциальности персональной информации, неприкосновенность личной жизни и прав пользователей – условия безопасности цифровизации на базе ее одновременного развития. Формирование, развитие и активное внедрение национальной культуры кибербезопасности является ключевой деятельностью в борьбе с киберпреступностью
Focus and complexity	Государственное управление призвано в своих принципах соблюдения общественного договора к сосредоточению на снятии барьеров на пути к цифровизации страны, регулированию недостатков рыночных механизмов, поддержанию добросовестной конкуренции, привлечению инвестиций, активному содействию в развитии цифровой инфраструктуры национальной экономики с целью соблюдения и достижения национальных приоритетов

Источник: составлено авторами.

Соблюдение и соответствие основным принципам цифровизации экономики, сформулированным в табл.1, по мнению авторов статьи, наиболее ценно и важно на начальном этапе внедрения и актуализации цифровой экономики в России и должно происходить одновременно по трем следующим направлениям:

- технологическому, когда все решения технико-технологического характера должны быть стандартизированы, т.е. быть безопасными и сертифицированными;
- институциональному, который предусматривает организацию новых моделей управления и бизнес-моделей с использованием «умных» вещей, блокчейн-технологии, ее институционального обеспечения, соответствия нормативно-правовой базе социально-экономических отношений в обществе;
- производственному, включающему в себя конкретные бизнес-приложения, которые отвечают требованиям моделей управления технологий: систем управления маркетингом, продажами и сервисом; телефонии и мессенджерам; системам документооборота и управления персоналом; учетных систем и множества других корпоративных приложений.

2. ИННОВАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Цифровые технологии, продукты и услуги, которые в современных условиях цифровой революции считаются инновационными трендами социально-экономической среды объединены авторами исследования в представленных ниже таблицах 2 и 3.

Цифровые технологии необходимы для роста эффективности российской промышленности, а в некоторых секторах они становятся основой продуктовых и производственных стратегий. Их преобразующая сила изменяет традиционные модели бизнеса, производственные цепочки и обуславливает появление новых продуктов и инноваций. Цифровизация для России носит позитивный характер, ведь она сосредоточена на улучшении качества инфраструктуры социального обеспечения, качества социальных услуг, прозрачности и адресности социальной помощи, и сокращении расходов (ТАСС, n.d.).

Общей закономерностью проектов цифровой экономики является ориентация на конкретного потребителя и всестороннее использование информации как движущего ресурса, учет конкретных особенностей потребителя в конкретном месте, и мировое использование технологий цифровых трансформаций реальных бизнес-процессов. В конечном итоге цифровые проекты характеризуются очень конкретными обстоятельствами их реализации в конкретном месте и только при накоплении положительных в экономическом плане результатов могут стать предметом стандартизации и другой регламентации.

Еще одной важной особенностью построения дерева целей трансформаций является реализация, зрелость возможностей и их полнота на сегодняшнем этапе тех или иных цифровых проектов и учет рисков при их реализации.

Несмотря на масштабность уже имеющихся научных достижений в области цифровизации, важно проводить исследования, направленные на разработку инструментов и механизмов работы виртуальных цифровых коворкинг-центров, цифровых хабов–студий, ассоциаций и хакатонов. Их цель – на базе нового цифрового познания формировать цифровую реальность. Целесообразно разработать “win-win” фреймворк и систему взаимодействия с непосредственными разработчиками инноваций и технологий, ведь деловой мир сейчас становится все более мобильным, глобальным и цифровым.

Таблица 2: Цифровые технологии как инновационные тренды современной социально-экономической среды

Технология	Общая характеристика
BioTech	Биотехнологические процессы с использованием микроорганизмов и ферментов на современном техническом уровне широко применяются в пищевой промышленности
NanoTech	Представляют собой высокотехнологичные центры и предприятия, занимающиеся разработкой, тестированием микроэлектронной продукции: кремниевых кристаллов, интегральных микросхем с высокими стандартами контроля качества. Нанотехнология – это технология коллоидных систем, коллоидная химия, коллоидная физика, молекулярная биология, микроэлектроника
RetailTech	Технологии, которые разработаны startup для применения в сфере торговли. К ним относятся: 3D-сканирование тела, отслеживание потребителей ассистентами с поддержкой AI, которые помогают розничным торговцам и потребителям. AI (Adobe Illustrator) – формат файла с расширением .ai, разработанный Adobe Systems для хранения векторных изображений
FinTech	Технологические проекты в сфере финансовых сервисов считаются одним из самых перспективных направлений для стартапов, несмотря на сложности государственного регулирования. Существует два основных вида продуктов: 1) обеспечивает софт и услуги финансовых сервисов, т.е. использует модель B2B, и давно представлен на рынке; 2) охватывает активно развивающийся рынок B2C, ориентирован на конечного потребителя и стремится выполнить амбициозную задачу в борьбе за массового клиента в виде конкурентного блока традиционным поставщикам финансовых услуг
LegalTech	Цифровые технологии в бизнес-сфере юриспруденции, которая специализируется на информационно-технологическом обслуживании профессиональной юридической деятельности
InsurTech	Сфера новейших страховых технологий. Ей отведено большое место на арене финансовых технологий в виде внедрения инновационных решений с целью максимизации их эффективности
GovTech	К ним относятся все IT-продукты, решения, разработки, сервисы, помогающие разрешать проблемы государственного сектора. Создание платформ для коллаборации граждан, электронных петиций, краудсорсинга. Расширение возможностей электронной идентификации. Технологии, более известные как CivicTech – это инфраструктура (цифровые датчики, контрольные сенсоры); оказание услуг в образовании, здравоохранении; формы регулирования (решения для оценки объектов, проведения проверок); администрирование – лицензирование, управление облачными технологиями, программным обеспечением

Источник: Составлено авторами

Таблица 3: Цифровые продукты и услуги как инновационные тренды современной социально-экономической среды

Продукт / услуга	Содержание
BlockChain	Выстроенная по определенным правилам непрерывная последовательная цепочка блоков, содержащих информацию. Продукт был спроектирован в рамках решения конкретной задачи – построения децентрализованной (без единого центра управления) финансовой системы, корректность работы которой мог бы проверить любой человек
Digital marketing	Использование различных способов и инструментов продвижения продукта в широкие массы с использованием цифровых каналов. Наиболее популярные формы цифровых каналов: поисковое продвижение; контекстная и тизерная реклама; медийный и баннерный формат; продвижение в социальных медиа и блогах, создание мобильных приложений для смартфонов, планшетов и др.; вирусная реклама
CRM&BPM	Система для продаж: готовые процессы для управления всеми типами сделок
Grid-технологии	Географически распределенная инфраструктура, объединяющая множество разных типов, доступ к которым пользователь может получить из любой точки, независимо от места их размещения
Digital-страхование	Позволяет страховым компаниям снизить расходы, повысить скорость обслуживания клиентов. Потребители имеют возможность получить своевременные обновления по изменениям в страховой политике компании. Значительным преимуществом является присутствие социальных сетей как способствующее улучшению качества обслуживания и налаживанию тесной связи между страховой компанией и клиентом. Существенным преимуществом является уменьшение вероятности мошенничества и повышения безопасности страховых операций от рисков невнесения страховой премии и последующей юридической ничтожности договор страхования. Одним из преимуществ является скорость обработки данных и урегулирования претензий
ePrescription	Это электронный рецепт, осуществляемый на базе 3 процедур: 1) eCapture – формирование электронного рецепта врачом медицинского учреждения; 2) eTransfer – конфиденциальная передача электронного рецепта в аптеку; 3) eDispensation – передача данных из аптеки обратно в медицинское учреждение, подтверждение
TeleHealth	Цифровые технологии для оказания дистанционных медицинских услуг и поддержки работы врачей

Источник: Составлено авторами

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, можно четко и уверенно констатировать, что цифровые преобразования являются весьма сложной задачей. Странам, достигшим сегодня наивысшего уровня цифровой зрелости, довелось разрешить немалое число культурных, организационных, технических проблем. Вне сомнения, учет совокупности полифункциональных проблемных факторов сделал трансформации в передовых цифровых странах успешными.

Для того, чтобы сегодня встать в шеренгу цифровых лидеров в конкретных сферах экономики нужно выделить приоритетные цифровые проекты и реализовывать их конкретными организационными командами. Они должны сосредоточиться на трех ключевых функциональных видах деятельности: (а) развитии цифровых стратегий, (б) управлении цифровой деятельностью через национальные компании и (с) превращении цифрового исполнения в операционное преимущество (Форд, n.d.).

Активное развертывание высокоскоростных сетей зависит от стимулирования со стороны государства, и, сосредоточив внимание на формировании оптимальных рыночных условий, Россия должна и обязана создать стимулы для мощной экспансии на рынке высокоскоростных сетей.

Особыми ключевыми стимулами также являются инициативы по формированию среди населения устойчивой потребности в цифровых технологиях через образовательные услуги, сферу охраны здоровья, туризм, транспорт, электронное управление и др. Конечная цель – не просто предоставить гражданам инфраструктуру фиксированного широкополосного доступа, но создать условия возникновения общественной потребности в нем, особенно по направлениям улучшения качества жизни, комфорта, образования, ведения бизнеса, развития человеческого капитала.

Компании традиционной экономики должны преодолевать внутреннее сопротивление изменениям, опираясь на независимые научно-технологические исследования; лишь поставив перед собой культурный цифровой императив, они смогут успешно вписаться в модель мировой цифровой трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

- Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», (2017). Утв. Постанов. Правительства РФ 28 июля 2017 г. – URL: <http://government.ru/docs/28653/>
- Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017-2030 гг., (2017). Утв. Указом Президента РФ № 203 от 9 мая 2017 года. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>
- Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, (2016). Утв. Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449>
- Форд М., (n.d.). Роботы наступают: развитие технологий и будущее без работы. С. 31. Технология с историей, (2016). // РБК. 15 июля 2016 года. № 125 (2381).
- Архангельская Е., (2017). Дополненная реальность // РБК, январь - февраль 2017 года. С. 40-41.
- Шваб К., (2017). Четвертая промышленная революция / пер. с англ. / Клаус Шваб. М.: Издательство «Э», 2017. С. 16.
- Информационное Агентство Новостей ТАСС, (n.d.). [официальный сайт]. – URL: <http://tass.ru/ekonomika/4390974>

Authors:

Dadaev Ya. E., Senior Lecturer, Department of Commerce and marketing,
Chechen State University, Chechen Republic, Grozny, Russia;
Tel : +7 (928) 003-05-74 (Grozny, Russia)
dadaev.ya.82@mail.ru

Ph.D.in Econ., Bekmurzaev I. D., Associate Professor,
Head of the Commerce Department and marketing,
Chechen State University, Chechen Republic, Grozny, Russia;
Tel.: +7 (928) 087-88-18 (Grozny, Russia)
bekmurzaev71@mail.ru

Khazhmuradova S.D., Direction of preparation “Trading business”,
student
Chechen State University, Chechen Republic, Grozny, Russia;
Tel : +7 (928) 003-05-74 (Grozny, Russia)
khazhmuradova.samart@mail.ru

LIDSKÝ KAPITÁL JAKO FAKTOR EVROPSKÉ INTEGRACE

HUMAN CAPITAL AS A FACTOR OF EUROPEAN INTEGRATION

Daniel Kný, Dana Junková

Abstract

Purpose of the article

Traditional economic and sociological concepts of human capital are complemented by a political dimension. It cannot be ruled out that changes associated with future arrangement of the EU will undergo ratification by referendum in some member states. It is therefore appropriate to examine the behaviour and motivation of the voters - the owners of human capital - in the previous referenda on integration treaties. Better understanding of these contexts may contribute to the formulation of more acceptable changes of future treaties and their better presentation.

Methodology/methods

Following methods, data and models are used for exploring the research question: quantitative statistical method of binary logistic regression, analysis of contingency tables, data of 4 countries (France, Spain, the Netherlands, Luxembourg) from surveys of public opinion carried out in the framework of a series of surveys identified as a "Flash Eurobarometer", the Heckscher-Ohlin model and the Stolper-Samuelson theorem.

Scientific aim

A research question is set out within the contribution: Whether and how the level of human capital of voters in selected countries influenced their voting in referenda (the results of these referenda).

Findings

The relative frequency of representation of individual levels of human capital in the selected states was identified: according to occupation and according to the age of leaving education of respondents. A statistically significant relationship was confirmed between the level of human capital of respondents and their vote in France, the Netherlands and Luxembourg and it wasn't confirmed in Spain.

Conclusions (limits, implications etc.)

The article is the initial entry into the debate about the level of human capital of voters and their motivations in voting for the European integration treaties in general.

Keywords: *human capital, European integration, motivation, referendum, voter*

JEL Classification: *J24, F15, D33*

ÚVOD

Květnové volby do Evropského parlamentu mohou podle řady pozorovatelů přinést větší zastoupení euroskeptických sil v této instituci, avšak rovněž nové podněty pro zásadní reformu EU. Již v souvislosti s tzv. krizí eurozóny navrhovala Evropská komise v horizontu pěti let další změny primárního práva EU. Nelze vyloučit, že tyto změny budou některé členské státy podrobovat ratifikaci formou referenda. Je tedy na místě zkoumání chování a motivací voličů – vlastníků lidského kapitálu – v dosavadních referendech o integračních smlouvách. Lepší porozumění voličům by mohlo přispět k formulaci přijatelnějších změn těchto smluv a jejich lepší prezentaci.⁷

Výsledky minulých referend lze interpretovat skrze různé perspektivy. Někteří autoři zdůrazňují efekt domácí politické soutěže, jiní vyzdvihují význam národní a evropské dimenze kolektivních identit v jednotlivých zemích, další upozorňují na vliv kampaně před referendem. Existuje i poměrně rozsáhlá literatura věnující se vlivu ekonomických motivací voličů na jejich postoj k evropské integraci. Dle Hoogha a Markse (2008: 10) vysvětlují ekonomické faktory, k nimž je úroveň lidského kapitálu řazena, 20% variace v postojích evropských občanů vůči evropské integraci.

1 CÍLE A METODIKA

Tento příspěvek se věnuje referendům spjatým s Evropskou ústavní smlouvou (EÚS). Lze ho tak vnímat jako prvotní vstup do diskuse o motivacích voličů při jejich hlasování o evropských integračních smlouvách obecně.⁸ Proto pro pilotní šetření byly vybrány čtyři státy: Španělsko, Lucembursko, Francie, Nizozemsko.

V rámci tohto příspěvku je stanovena výzkumná otázka: Zda a jak úroveň lidského kapitálu voličů ve vybraných státech ovlivnila jejich hlasování v referendech o EÚS (resp. výsledky těchto referend).

Pro zkoumání výzkumné otázky je využita kvantitativní statistická metoda binární logistické regrese a analýza kontingenčních tabulek. Předpokladem je, že lze vycházet z dat získaných z průzkumů veřejného mínění realizovaných v rámci série průzkumů označených jako bleskový eurobarometr („Flash Eurobarometer“).⁹ Jako teoretické východisko jsou využity Heckscher-Ohlinův model a Stolper-Samuelsonův teorém, jež se zabývají diferencovanými dopady liberalizace mezinárodního obchodu na různé části společnosti v různých zemích. Ačkoliv EÚS nepředstavuje výrazný pokrok v prohlubování liberalizace obchodu mezi členskými státy EU, lze vycházet z předpokladu, že se voliči o této smlouvě rozhodovali v kontextu dopadů předcházejících integračních smluv¹⁰, jež k liberalizaci nesporně vedly (především Římské smlouvy, Jednotný Evropský Akt a Maastrichtská smlouva).

⁷ Zde je samozřejmě nezbytné zdůraznit, že srovnání referend o různých smlouvách je komplikované již vzhledem k jejich různému obsahu. Avšak všechny tyto smlouvy jsou natolik komplexní a procento voličů podrobně srozuměných s jejich obsahem natolik malé, že je lze vnímat jako v zásadě dosti podobné, a to proto, že všechny z nich vedly k prohlubování ekonomické i politické integrace v Evropě. Lze tedy referenda o těchto smlouvách považovat za v zásadě srovnatelná, protože se jedná o smlouvy stejného druhu.

⁸ Zahájit takto zobecňující výzkum právě referendy o EÚS se zdá být vhodné již proto, že v souvislosti s EÚS se konala referenda ve více zemích než v případě kterýchkoliv jiných změn zakládajících smluv Evropské unie vedoucích k hlubší integraci. Referenda o EÚS umožňují také srovnání pozitivních a negativních výsledků.

⁹ Data k této sérii průzkumů veřejného mínění: Datenbestandskatalog: Gruppenbeschreibung. *GESIS. Flash Eurobarometer* [online]. 2014 [cit. 2018-09-27]. Dostupné z: <https://dbk.gesis.org/dbksearch/gdesc2.asp?no=0002&db=d>

¹⁰ Na základě politologického výzkumu lze oprávněně předpokládat, že se voliči rozhodují často „iracionálně“ na základě adaptivních očekávání, jež vedou k hodnocení budoucnosti na základě dosavadních zkušeností. Vedle

Byly formulovány a ověřovány následující hypotézy:

- H1: V souladu s Heckscher-Ohlinovým modelem (a Stolper-Samuelsonovým teorémem) hlasovali voliči hojně vybaveni lidským kapitálem častěji ve prospěch EÚS než voliči s nízkou úrovní lidského kapitálu.
- H2: V souladu s Jainovou a Mukandovou teorií byla EÚS odmítnuta i v zemích, kde početně množství voličů hojně vybavených lidským kapitálem převyšuje množství voličů s nízkou úrovní lidského kapitálu (a to z důvodu individuální specifické nejistoty a nedůvěryhodnosti redistribučních schémat).

2 VÝSLEDKY A DISKUZE

Pro pilotní šetření byly vybrány čtyři státy: dva s pozitivním (Španělsko, Lucembursko) a dva s negativním výsledkem (Francie, Nizozemsko) referenda o EÚS, viz údaje v Tabulce 1: Termíny konání, výsledky referend o EÚS a volební účast.

Tabulka 1: Termíny konání, výsledky referend o EÚS a volební účast

Stát	Termín	% hlasů „pro“	% hlasů „proti“	Volební účast v %
Španělsko	20. 02. 2005	77,0	17,1	41,8
Francie	29. 05. 2005	45,3	54,7	69,4
Nizozemsko	01. 06. 2005	38,5	61,5	63,3
Lucembursko	10. 07. 2005	56,5	43,5	90,4

Zdroj: vlastní zpracování dle: European Election Database (EED). Norsk samfunnsvitenskapelig datateneste AS. *Data by Country* [online]. 2014 [cit. 2018-09-27]. Dostupné z: http://www.nsd.uib.no/european_election_database/country/

2.1 RELEVANTNÍ TEORETICKÉ PERSPEKTIVY

V souvislosti s diferencovanými dopady evropské ekonomické integrace na obyvatelstvo se pak jeví jako vhodné z hlediska ekonomické teorie především zmínit známý Heckscher-Ohlinův model a Stolper-Samuelsonův teorém. Centrálním tvrzením vyplývajícím z Heckscher-Ohlinova modelu je, že „země exportují zboží, při jehož výrobě jsou intenzivně využity výrobní faktory, jimiž jsou tyto země relativně hojně vybaveny, a importují zboží, při jehož výrobě jsou intenzivně využity výrobní faktory, které jsou v těchto zemích relativně vzácné.“ Pochopitelným dopadem takového obchodu je změna mezd a dalších výnosů, jež plynou z různých výrobních faktorů (Wood 1995: 58).¹¹

toho EÚS měla nepřímo přispět k prohloubení liberalizace rozšířením oblastí, v nichž mělo být zavedeno pružnější rozhodování kvalifikovanou většinou v Radě EU a které úzce souvisí s realizací konceptu vnitřního trhu.

¹¹ Pro podrobnější vysvětlení jsou přijaty spolu s Woodem následující předpoklady Heckscher-Ohlinova modelu: s dvěma ekonomikami (rozvinutou a rozvojovou), dvěma výrobními faktory (kvalifikovanou a nekvalifikovanou prací), dvěma obchodovanými komoditami (stroje vyráběné s vysokými nároky na kvalifikovanou práci a oblečení vyráběné převážně s využitím nekvalifikované práce) (Wood 1995: 58). Rozvinutá země je relativně hojně vybavena kvalifikovanou prací, což jí dává komparativní výhodu ve výrobě strojů, zatímco rozvíjející se země je relativně hojně vybavena nekvalifikovanou prací, a má tak komparativní výhodu ve výrobě oblečení (Wood 1995: 59). Heckscher-Ohlinova teorie dále předpokládá danou úroveň technologie.

Tento poslední předpoklad je klíčový pro odvození Stolper-Samuelsonova teorému, jenž se věnuje dopadu mezinárodního obchodu na mzdy (skrže ceny zboží). Například, pokles cen domácích producentů oblečení (jako důsledek „vnějších sil“) relativně k cenám strojů, snižuje mzdy nekvalifikovaných pracovníků relativně ke mzdám pracovníků kvalifikovaných. Předpoklad dané technologie umožňuje, aby neměnný funkční

Shrnutí Woodovy interpretace Heckscher-Ohlinova modelu a Stolper-Samuelsonova teorému vede k poznatku, že obchod s rozvojovými zeměmi způsobuje ve vyspělých zemích (s relativně malým počtem nekvalifikovaných pracovníků při porovnání se světem) nižší relativní mzdy nekvalifikovaných pracovníků, než by byly bez obchodu. Dochází k tomu (bez ohledu na to, zda je obchod ve vyspělé zemi specializovaný na stroje či diverzifikovaný mezi stroje a oblečení) kvůli poklesu relativních domácích cen oblečení (Wood 1995: 61).

Na Stolper-Samuelsonův teorém poukazují také Hooghe a Marks, kteří se přímo věnují tématu, jak je evropská integrace vnímána různými občany. Hooghe a Marks (2004: 1) uvádějí, že „podle Stolper-Samuelsonova teorému, obchod prospívá jednotlivcům, kteří vlastní výrobní faktory, kterými je národní ekonomika relativně hojně nadána, a poškozuje jednotlivce, kteří vlastní výrobní faktory, které jsou relativně vzácné.“ Dochází tak k závěru, že v nejbohatších a kapitálem nejvíce nadaných členských státech můžeme očekávat euroskeptický postoj nekvalifikovaných pracovníků a eurofilní postoj manažerů a odborníků, zatímco v nejchudších a prací nejvíce nadaných členských státech můžeme očekávat opak (Hooghe, Marks 2004: 1).

Platnost Heckscher-Ohlinova modelu při zjišťování, zda jsou občané více či méně nakloněni liberalizaci obchodu, ve svých empirických analýzách dále potvrzují Mayda a Rodrik (2001) a O'Rourke a Sinnott (2001).

Vzhledem k cílům tohoto příspěvku je však relevantní ještě jedna teoretická perspektiva pocházející z oboru politické ekonomie. Jain a Mukand ve svém článku zjišťují, že velké ekonomické reformy (za niž můžeme EÚS považovat) mohou být paradoxně odmítnuty i v případě (za předpokladu redistribuce), že z nich má prospěch většina obyvatelstva.¹² Navazují přitom na práci Fernandez a Rodrika (1991), kteří uvádějí, že „za situace individuální specifické nejistoty o identitě vítězů a poražených z ekonomické reformy, existuje předsudek ke statusu quo“ (Jain, Mukand 2003: 256). Fernandez a Rodrik však nepředpokládají možnost redistribučního schématu, který by kompenzoval ztráty „poraženým“. Jain a Mukand (2003: 256) pak platnost tohoto závěru potvrzují i v případě existence redistribučního schématu, když uvádějí, že „neschopnost důvěryhodně slíbit kompenzaci tváří v tvář individuální specifické nejistotě o identitě vítězů z reformy je tím, co může vyústit v porážku reformy.“

Pokud je výše uvedené teoretické schéma aplikováno na případ EÚS, lze formulovat tvrzení, že i v případě, kdy liberalizace obchodu (evropská integrace) prospívá většině obyvatelstva, může být nakonec většinou obyvatelstva odmítnuta, protože někteří z „vítězů“ si nejsou vědomi, že patří do kategorie „vítězů“, a za podmínek nedostatečně důvěryhodných redistribučních schémat (jejichž obraz může poškodit nedostatečná důvěra obyvatelstva ve vlastní vládu či politickou elitu), nakonec hlasovali proti EÚS.

2.2 DATA A METODOLOGIE

Vzhledem k tomu, že se referenda o EÚS konala v roce 2005, není možný sběr dat, který by plně reagoval na výzkumné otázky tohoto příspěvku. Z toho důvodu je nutné se spolehnout na

vztah mezi výstupem zboží a vstupy výrobních faktorů implikoval podobně neměnný vztah mezi cenami zboží a mzdami výrobní faktorů (zde kvalifikované a nekvalifikované práce) (Wood 1995: 59).

Wood uvádí dvě „vnější síly“, které mohou vést ke změně cen domácích producentů. Za první, jedná se o omezení obchodních bariér, jež bylo jedním z klíčových cílů evropské integrace. Při značných překážkách obchodu jsou ceny oblečení nižší v rozvojové ekonomice než v ekonomice vyspělé a ceny strojů nižší v ekonomice vyspělé než v ekonomice rozvojové. Snížení překážek obchodu a následná expanze obchodu by tak snížily relativní cenu oblečení v rozvinuté zemi. Za druhé, jde o změny v relativní světové nabídce kvalifikované a nekvalifikované práce. Wood uvádí příklad, kdy populační růst či rozšíření základního vzdělání v rozvojové zemi vede skrze zvýšení její nabídky nekvalifikovaných pracovníků k růstu výstupu a exportu oblečení. To následně snižuje cenu oblečení na světových trzích, a tedy i ve vyspělých zemích (Wood 1995: 59).

¹² Tento závěr neplatí, pokud se jedná o drtivou většinu obyvatelstva.

data, která byla získána v době konání těchto referend nějakou renomovanou výzkumnou institucí. Vzhledem k tomu, že výzkumná otázka umožňuje také komparativní perspektivu, je vhodné, aby příslušná data byla získána na základě podobných technických specifikací a srovnatelným způsobem. Taková možnost je k dispozici pouze v rámci výzkumné série tzv. „bleskového eurobarometru“ („Flash Eurobarometer“).

Výzkumníci se shodují, že nadání jednotlivých respondentů lidským kapitálem lze zjišťovat prostřednictvím dvou proměnných (a tedy potažmo i otázek). První z nich je úroveň dovedností („skill level“), kterým respondent disponuje při své práci.¹³ Z tohoto hlediska a vzhledem ke snaze testovat platnost Heckscher-Ohlinova modelu a Stolper-Samuelsonova teorému, by bylo nutné rozlišit úroveň lidského kapitálu, kvalifikované a nekvalifikované pracovníky. Takové rozlišení bylo však velice problematické, zvláště ve vztahu k datům z bleskového eurobarometru. V rámci tohoto šetření byly respondentům nabídnuty různé kategorie povolání, které odpovídají jejich situaci.¹⁴ Tyto kategorie byly pro náš účel zkoumání sloučeny do tří souhrnných kategorií: 1) nekvalifikované povolání, 2) kvalifikované povolání, 3) vysoce kvalifikované povolání.¹⁵

Druhá proměnná, jejímž prostřednictvím lze testovat platnost Heckscher-Ohlinova modelu a Stolper-Samuelsonova teorému je věk, v němž příslušný respondent ukončil své vzdělávání.¹⁶ Z tohoto hlediska je ve výzkumné sérii bleskového barometru uplatněno rozlišení na tři kategorie: 1) ukončení vzdělání do 15 let, 2) ukončení vzdělání mezi 16. a 20. rokem života, 3) ukončení vzdělání po 20. roku života. Charakter těchto kategorií nevyžaduje žádnou úpravu, přičemž lze vycházet z předpokladu, že čím vyšší je věk, ve kterém respondent ukončil své vzdělání, tím více je nadán lidským kapitálem, což odpovídá pojetí lidského kapitálu dle OECD (OECD 1996:22): „*znalosti, které jedinec získává v průběhu svého života, užívá je k produkci statků, služeb a myšlenek v tržním či netržním prostředí*“.

Relativní četnost zastoupení jednotlivých respondentů v těchto reprezentativních výzkumech v jednotlivých státech je uvedena v následující Tabulce 2: Relativní četnost zastoupení jednotlivých úrovní lidského kapitálu (LK) ve vybraných státech: dle povolání a dle věku ukončení vzdělání (v %).

¹³ Tento přístup využili O'Rourke a Sinnott (2001).

¹⁴ Těmito kategoriemi byly: 11 (farmář, lesník, rybář), 12 (majitel obchodu, řemeslník), 13 (odborné osoby samostatně výdělečně činné – právník, lékař), 14 (ředitel společnosti), 15 (další osoby samostatně výdělečně činné), 21 (odborný zaměstnanec – doktor, účetní), 22 (generální ředitel, ředitel, top management), 23 (střední management), 24 (státní úředník), 25 (úředník), 26 (další zaměstnanec – prodavač, zdravotní sestra atd.), 27 (další zaměstnanec – upřesněte), 31 (vedoucí/předák – team manažer atd.), 32 (dělník), 33 (nekvalifikovaný dělník), 34 (další dělník), 41 (osoba v domácnosti), 42 (student „na plný úvazek“), 43 (důchodce), 44 (nezaměstnaný), 45 (další bez profese)

¹⁵ První souhrnná kategorie (nekvalifikované povolání) zahrnuje pouze kategorii 33 (nekvalifikovaný dělník); druhá souhrnná kategorie (kvalifikované povolání) zahrnuje výše uvedené kategorie 11, 12, 15, 24, 25, 26, 27, 31, 32; třetí souhrnná kategorie (vysoce kvalifikované povolání) zahrnuje 13, 14, 21, 22, 23. Kategorie 41, 42, 43, 44, 45 byly zcela vypuštěny z analýzy, protože u těchto respondentů nelze určit úroveň lidského kapitálu.

¹⁶ Tento přístup využili Mayda a Rodrik (2001).

Tabulka 2: Relativní četnost zastoupení jednotlivých úrovní lidského kapitálu (LK) respondentů ve vybraných státech: dle povolání a dle věku ukončení vzdělání (v %)

Stát	Vysoká úroveň LK	Vyšší (střední) úroveň LK	Nízká úroveň LK
	Vysoce kvalifikované Od 21. roku	Kvalifikované 16. – 20. rok	Nekvalifikované Do 15. roku
Nizozemsko	31,8 / 38,0	63,6 / 51,6	4,6 / 10,4
Lucembursko	16,3 / 34,2	78,0 / 52,6	5,7 / 13,2
Francie	22,8 / 38,9	74,3 / 47,5	2,9 / 13,6
Španělsko	36,3 / 33,7	53,3 / 33,3	10,4 / 33,0

Zdroj: vlastní zpracování dle: Datenbestandskatalog: Gruppenbeschreibung. GESIS. *Flash Eurobarometer* [online]. 2014 [cit. 2018-09-27]. Dostupné z: <https://dbk.gesis.org/dbksearch/gdesc2.asp?no=0002&db=d>

Tyto dvě výše uvedené proměnné jsou považovány v této analýze za nezávislé proměnné. Obě jsou proměnnými kategoriálními nabývajícími třech hodnot. Závislou proměnnou je pak samotné hlasování respondentů v referendech o EÚS.¹⁷

K vyhodnocení vztahu výše uvedených závislých proměnných a nezávislé proměnné, jsou využity dvě statistické metody. První metoda vycházející z kontingenčních tabulek a využívající chí-kvadrát test odhaluje, zda v jednotlivých zkoumaných zemích vůbec nějaká statisticky významná závislost existuje a zda směr této závislosti odpovídá hypotézám. Výrazně vyspělejší binární logistická analýza pak poukazuje na to, jak silný tento vztah je a zda příslušné nezávislé proměnné významně přispívají k vysvětlení variace závislé proměnné, tedy zda respondent hlasoval ve prospěch, či proti EÚS. Zároveň metoda binární logistické regrese může zahrnovat více nezávislých proměnných, které v kontextu tohoto příspěvku můžeme považovat také za kontrolní. Z tohoto důvodu byly do prvního modelu binární logistické regrese, který testuje vztah mezi úrovní dovedností respondentů (jako první výše uvedené proměnné měřící úroveň lidského kapitálu) a jejich hlasováním v referendu, zahrnutý následující kontrolní (nezávislé) proměnné: 1. Pohlaví, 2. Věk respondenta, 3. Typ lokality, 4. Pohled na instituce EU, 5. Pohled na členství v EU, 6. Subjektivní míra informovanosti respondenta o obsahu EÚS, 7. Pohled na nezbytnost konceptu evropské ústavy pro konstrukci Evropy¹⁸. Ve druhém modelu binární logistické regrese, který testuje vztah mezi věkem respondentů, kdy ukončili své vzdělání (jako druhé výše uvedené proměnné měřící úroveň lidského kapitálu), a jejich hlasováním v referendu, byla kromě výše uvedených kontrolních (nezávislých) proměnných zahrnuta ještě proměnná reprezentující (8) preference voličů vůči politickým stranám.¹⁹

Výsledkům binární logistické regrese je pak v tomto příspěvku dána přednost před výsledky analýzy kontingenčních tabulek vzhledem k tomu, že binární logistická regrese dokáže lépe odhalit, zda příslušné vztahy mezi proměnnými jsou skutečně statisticky signifikantní, či jsou pouze tzv. „falešnými“ („spurious“) vztahy. Při porovnání výsledků dvou výše uvedených modelů binární logistické regrese pak je vždy dána přednost tomu druhému

¹⁷ Respondentům tak byla položena otázka: „Jak jste hlasoval/a v referendu? Hlasoval/a jste „ano“ ve prospěch EÚS, nebo „ne“ proti ní?“ Tato proměnná tedy nabývá pouze dvou hodnot (je tedy binární a kategoriální): ano a ne. Ti respondenti, kteří se nezúčastnili hlasování (nevoliči), byli vypuštěni z analýzy.

¹⁸ Podrobné seznámení s výsledky analýz všech těchto vztahů je nad rámec možností tohoto příspěvku.

¹⁹ Tato proměnná nemohla být ovšem do tohoto modelu zahrnuta v případě Francie, protože v datovém souboru obdržném od „Leibniz Institute of Social Sciences“, tato data nebyla zahrnuta.

vzhledem k tomu, že zahrnuje i respondenty, kteří nejsou ekonomicky aktivní, přičemž i ekonomicky neaktivní respondenti pochopitelně měli volební právo při hlasování v referendech o EÚS a je možné, že jejich podíl vůči celkové populaci vzhledem k demografickému trendu stárnutí obyvatelstva bude narůstat.

První i druhý model binární logické regrese byly testovány v případě každého zkoumaného státu zvlášť. Analýza dat byla provedena s využitím statistického softwaru SPSS, interpretace výsledků koresponduje s publikací C. Graye a P. Kinneara (2012).

2.3 FRANCIE - VÝSLEDKY ANALÝZY A DISKUZE

Prostřednictvím kontingenčních tabulek a chí-kvadrát testu lze dospět k závěru, že mezi úrovní lidského kapitálu voličů a jejich hlasováním v referendu existuje statisticky významný vztah (p -hodnota $< 0,001$) v očekávaném směru. Zatímco mezi respondenty s nízkou úrovní lidského kapitálu (zastávající nekvalifikovaná povolání) byla podpora EÚS pouze ve 24,0 %, mezi respondenty s vyšší (resp. střední) úrovní lidského kapitálu (zastávající kvalifikované povolání) se zvýšila na 40,1 % a u respondentů s vysokou úrovní lidského kapitálu (zastávající vysoce kvalifikované povolání) byla dokonce 64,9 %.²⁰

Výsledky pokročilejší metody binární logické regrese, kde byl testován vztah mezi úrovní lidského kapitálu voliče a jeho hlasováním v referendu v kontextu dalších nezávislých proměnných, poukazují na podobné závěry²¹.

Model dále prokazuje, že úroveň lidského kapitálu skutečně statisticky významně přispívá k vysvětlení toho, jak voliči hlasovali. Oproti těm, s nízkou úrovní lidského kapitálu ti s vysokou úrovní lidského kapitálu, hlasovali s výrazně vyšší pravděpodobností ve prospěch EÚS („sázky“ – „odds“ ve prospěch hlasování pro EÚS jsou u nich 3,4x vyšší, což vyplývá z $\exp(B) = 3,41$, přičemž p -hodnota $< 0,05$)²².

I pokud je ve výše uvedeném modelu binární logické regrese vyjádřena úroveň lidského kapitálu věkem, ve kterém respondenti ukončili své vzdělání, lze vyvodit obdobné závěry. Dle „omnibus test of model coefficients“ je celý model statisticky signifikantní (p -hodnota $< 0,001$). „Hosmer and Lemeshow test“ potvrzuje, že veškerá systematická variace je vysvětlena modelem, a ten tak odpovídá datům (p -hodnota = 0,647). Hodnota „Nagelkerke R-square“ je dokonce ještě vyšší v porovnání s předcházejícím modelem (Nagelkerke R-square = 0,345) což znamená, že model vysvětluje více než 34% variace závislé proměnné, a tedy i tento efekt je považován za velký (viz Gray, Kinnear, 2012, p. 407). Oproti modelu, který vysvětluje

²⁰ Podobné výsledky analýzy kontingenčních tabulek a chí-kvadrát testu můžeme zaznamenat také v případě vztahu mezi věkem, kdy respondenti dokončili své vzdělání, a jejich hlasováním v referendu. Tento vztah je též velmi statisticky signifikantní (p -hodnota $< 0,001$), přičemž respondenti, kteří ukončili své vzdělání do 15 let, hlasovali ve prospěch EÚS pouze ve 42,3 %, respondenti, kteří ukončili své vzdělání mezi 16 a 20 roky svého života, hlasovali ve prospěch EÚS ve 43,9 % a nejvíce vzdělaní respondenti, kteří ukončili své vzdělání po 20 roku života, hlasovali ve prospěch EÚS v 59,9%.

²¹ Model, jenž byl testován metodou binární logické regrese, splňuje všechny nezbytné statistické podmínky, aby byl považován za užitečný model. Za prvé, model je statisticky signifikantní (p -hodnota $< 0,001$), tedy významně přispívá k lepšímu odhadu, kteří respondenti hlasovali ve prospěch a kteří proti EÚS, což prokazuje „omnibus test of model coefficients“. Za druhé, shrnutí modelu nám poskytuje údaj o „Nagelkerke R-square“, jehož hodnota je 0,316, což znamená, že model vysvětluje více než 31% variace závislé proměnné. Takový efekt je považován za velký (viz Gray, Kinnear, 2012, p. 407). Za třetí, „Hosmer and Lemeshow test“ potvrzuje, že veškerá systematická variace je vysvětlena modelem, a model tak odpovídá datům (p -hodnota = 0,894). Oproti modelu, který vysvětluje, kolik respondentů hlasovalo pro a kolik proti EÚS, na základě náhodného propočtu, jenž neobsahuje nezávislé proměnné, a má tak úspěšnost 53,8%, se procento správně přiřazených respondentů ve zkoumaném modelu zvýšilo na 71,8%, což je výrazné zlepšení.

²² Obdobný statisticky významný rozdíl však nelze sledovat mezi těmi s nízkou úrovní lidského kapitálu, a těmi s vyšší (resp. střední) úrovní lidského kapitálu (p -hodnota = 0,45).

závislou proměnnou na základě náhodného propočtu, jenž neobsahuje nezávislé proměnné, a má tak úspěšnost 50,7 %, se procento správně přiřazených respondentů ve zkoumaném modelu zvýšilo na 72 %, což je opět výrazné zlepšení.

Shrnutí výsledků statistických analýz vede k potvrzení Hecksher-Ohlinova modelu (a Stolper-Samuelsonova teorému) při jejich aplikaci na výsledek referenda o EÚS ve Francii. Respondenti hojně vybavení lidským kapitálem totiž hlasovali ve prospěch EÚS výrazně více než respondenti nadaní nízkou mírou lidského kapitálu.

Vhodné je v této souvislosti zmínit prostřední kategorii respondentů (nadání vyšší resp. střední úrovní lidského kapitálu), která se při svém hlasování přiklonila spíše na stranu odpůrců EÚS. Vysvětlit to lze jejich ambivalentním postojem k liberalizaci obchodu, nejistotou, zda je přijetí EÚS skutečně v jejich prospěch a také vlivem intenzivní kampaně probíhající před referendem. Jisté vysvětlení v tomto směru poskytuje hypotéza H2. Na základě výše uvedených statistických analýz ji alespoň můžeme považovat za pravděpodobnou²³. V souladu s Jainovou a Mukandovou teorií tedy mohla být EÚS odmítnuta ve Francii, kde početně množství voličů hojně vybavených lidským kapitálem převyšuje množství voličů s nízkou úrovní lidského kapitálu, a to potenciálně z důvodu, že voliči vykonávající kvalifikované povolání (resp. se střední úrovní LK) se přiklonili spíše na stranu odpůrců EÚS, přičemž pod tíhou kampaně mohli dospět k názoru, že by schválení této smlouvy mohlo vést k jejich znevýhodnění.

2.4 ŠPANĚLSKO - VÝSLEDKY ANALÝZY A DISKUZE

Prostřednictvím kontingenčních tabulek a chí-kvadrát testu lze dospět k závěru, že mezi úrovní lidského kapitálu voličů a jejich hlasováním v referendu neexistuje žádný statisticky významný vztah (p -hodnota $< 0,218$). Rozdíly v hlasování ve prospěch EÚS tedy mezi respondenty s nízkou úrovní lidského kapitálu zastávajícími nekvalifikovaná povolání (80 % ve prospěch EÚS), respondenty s vyšší (resp. střední) úrovní lidského kapitálu zastávajícími kvalifikovaná povolání (84,9 % ve prospěch EÚS) a respondenty s vysokou úrovní lidského kapitálu zastávajícími vysoce kvalifikovaná povoláním (78,9 %) nejsou statisticky významné.²⁴

Výsledky pokročilejší metody binární logistické regrese, kde byl testován vztah mezi úrovní lidského kapitálu voliče a jeho hlasováním v referendu v kontextu dalších nezávislých proměnných, poukazují na podobné závěry²⁵. Modely prokazují, že úroveň lidského kapitálu voliče skutečně statisticky významně nepřispívá k vysvětlení toho, jak respondenti hlasovali (p -hodnota = 0,816 resp. 0,819).

²³ Tuto hypotézu je však nutné nad rámec tohoto příspěvku dále testovat s tím, že musí být dále prokázáno, že příslušní voliči trpěli individuální specifickou nejistotou a nedůvěrou vůči redistribučním schémátům (respektive vůči vládě, či politické elitě, která je zajišťuje).

²⁴ Poněkud odlišné výsledky analýzy kontingenčních tabulek a chí-kvadrát testu můžeme zaznamenat v případě vztahu mezi věkem, kdy respondenti dokončili své vzdělání, a jejich hlasováním v referendu. Tento vztah je totiž velmi statisticky signifikantní (p -hodnota $< 0,001$), přičemž respondenti, kteří ukončili své vzdělání do 15 let, hlasovali ve prospěch EÚS častěji (92,5%), než respondenti, kteří ukončili své vzdělání mezi 16 a 20 roky svého života (84,7%), a respondenti, kteří ukončili své vzdělání až po 20. roku života (79,5%).

²⁵ Model, jenž byl testován metodou binární logistické regrese, splňuje všechny nezbytné statistické podmínky, aby byl považován za užitečný. Za prvé, je statisticky signifikantní (p -hodnota $< 0,001$), tedy významně přispívá k lepšímu odhadu, kteří respondenti hlasovali ve prospěch a kteří proti EÚS, což prokazuje „omnibus test of model coefficients“. Za druhé, shrnutí modelu nám poskytuje údaj o „Nagelkerke R-square“, jehož hodnota je 0,518, což znamená, že model vysvětluje více než 51% variace závislé proměnné. Takový efekt je považován za velký (viz Gray, Kinnear, 2012, p. 407). Za třetí, „Hosmer and Lemeshow test“ potvrzuje, že veškerá systematická variace je vysvětlena modelem, a ten tak odpovídá datům (p -hodnota = 0,184). Oproti modelu, který vysvětluje, kolik respondentů hlasovalo pro a kolik proti EÚS, na základě náhodného propočtu, jenž neobsahuje nezávislé proměnné, a má tak úspěšnost 83,1 %, se procento správně přiřazených respondentů ve zkoumaném modelu zvýšilo na 89,1 %, což je výrazné zlepšení.

Shrnutí výše uvedených výsledků statistických analýz vede k vyvrácení toho, že by úroveň lidského kapitálu respondentů měla nějaký vliv na jejich rozhodnutí v referendu o EÚS. Tento závěr však automaticky nemusí znamenat vyvrácení Hecksher-Ohlinova modelu (a Stolper-Samuelsonova teorému). Výše uvedené statistické analýzy poukazují na jiné nezávislé proměnné, které do značné míry vysvětlují rozhodování voličů v referendu. Jedná se především o stranické preference voličů (v kontextu jejich účasti ve vládě či v opozici), postoj k členství v EU, postoj k institucím EU, pohled na nezbytnost konceptu evropské ústavy a subjektivní informovanost o obsahu EÚS.

2.5 NIZOZEMSKO - VÝSLEDKY ANALÝZY A DISKUZE

Prostřednictvím kontingenčních tabulek a chí-kvadrát testu lze dospět k závěru, že mezi úrovní dovedností pracovníků a jejich hlasování v referendu existuje statisticky významný vztah (p -hodnota $< 0,001$) v očekávaném směru. Zatímco mezi respondenty s nekvalifikovaným povoláním byla podpora EÚS pouze ve 20,9 %, mezi respondenty s kvalifikovaným povoláním se zvýšila na 37,7 % a u respondentů s vysoce kvalifikovaným povoláním byla nejvyšší (48,5 %).²⁶

Výsledky pokročilejší metody binární logistické regrese, kde byl testován vztah mezi úrovní lidského kapitálu voliče a jeho hlasování v referendu v kontextu dalších nezávislých proměnných, poukazují na podobné závěry.²⁷

Model prokazuje, že úroveň lidského kapitálu respondentů skutečně statisticky významně přispívá k vysvětlení toho, jak respondenti hlasovali. Oproti těm, kteří vykonávají nekvalifikované povolání, ti, co vykonávají vysoce kvalifikované povolání, hlasovali s výrazně vyšší pravděpodobností ve prospěch EÚS („sázky“ – „odds“ ve prospěch hlasování pro EÚS jsou u nich 6,9x vyšší, což vyplývá z $\exp(B) = 6,90$, přičemž p -hodnota $< 0,01$). Podobný statisticky významný rozdíl (i když poněkud mírnější) můžeme sledovat mezi těmi, co vykonávají nekvalifikované povolání, a těmi, co vykonávají kvalifikované povolání ($\exp(B) = 4,23$, p -hodnota $< 0,05$). V modelu však byly identifikovány další statisticky významné nezávislé proměnné, jejichž podrobný rozbor je nad rámec tohoto příspěvku.

Shrnutí výše uvedených výsledků statistických analýz vede k potvrzení Hecksher-Ohlinova modelu (a Stolper-Samuelsonova teorému) při jejich aplikaci na výsledek referenda o EÚS v Nizozemsku. Respondenti hojně vybavení lidským kapitálem totiž hlasovali ve prospěch EÚS více než respondenti s nízkou úrovní lidského kapitálu. V této souvislosti je významná kategorie respondentů se střední úrovní lidského kapitálu, která se při svém

²⁶ Podobné výsledky analýzy kontingenčních tabulek a chí-kvadrát testu lze zaznamenat také v případě vztahu mezi věkem, kdy respondenti dokončili své vzdělání, a jejich hlasování v referendu. Tento vztah je též statisticky signifikantní (p -hodnota $< 0,01$), přičemž respondenti, kteří ukončili své vzdělání do 15 let, hlasovali ve prospěch EÚS pouze ve 35,3 %, respondenti, kteří ukončili své vzdělání mezi 16 a 20 roky svého života, hlasovali ve prospěch EÚS v 38,2 % a nejvíce vzdělání respondenti, kteří ukončili své vzdělání po 20. roku života, hlasovali ve prospěch EÚS ve 46,9 %.

²⁷ Model, jenž byl testován metodou binární logistické regrese, splňuje všechny nezbytné statistické podmínky, aby byl považován za užitečný. Za prvé, je statisticky signifikantní (p -hodnota $< 0,001$), tedy významně přispívá k lepšímu odhadu, kteří respondenti hlasovali ve prospěch a kteří proti EÚS, což prokazuje „omnibus test of model coefficients“. Za druhé, shrnutí modelu nám poskytuje údaj o „Nagelkerke R-square“, jehož hodnota je 0,395, což znamená, že model vysvětluje více než 39% variace závislé proměnné. Takový efekt je považován za velký (viz Gray, Kinnear, 2012, p. 407). Za třetí, „Hosmer and Lemeshow test“ potvrzuje, že veškerá systematická variace je vysvětlena modelem, a ten tak odpovídá datům (p -hodnota = 0,377). Oproti modelu, který vysvětluje, kolik respondentů hlasovalo pro a kolik proti EÚS, na základě náhodného propočtu, jenž neobsahuje nezávislé proměnné, a má tak úspěšnost 58,7 %, se procento správně přiřazených respondentů ve zkoumaném modelu zvýšilo na 75,9 %, což je výrazné zlepšení.

hlasování přiklonila spíše na stranu odpůrců EÚS (dle modelu obsahujícího proměnnou „věk, ve kterém bylo ukončeno vzdělání“). Vysvětlit to lze podobně jako ve Francii ambivalentním postojem těchto voličů k liberalizaci obchodu, nejistotou, zda je přijetí EÚS skutečně v jejich prospěch a také vlivem intenzivní kampaně probíhající před referendem. Statistické analýzy však zároveň poukazují na další faktory, které mohly být klíčové pro negativní výsledek referenda. Jedná se především o stranické preference voličů (v kontextu jejich účasti ve vládě či v opozici), postoj k členství v EU, postoj k institucím EU, pohled na nezbytnost konceptu evropské ústavy a věk respondentů. Tyto faktory měly větší význam než nadání respondentů lidským kapitálem. Dokonce i respondenti s nejvyšším nadáním lidským kapitálem hlasovali většinou pro odmítnutí EÚS (51,5 % resp. 53,1 %).

2.6 LUCEMBURSKO - VÝSLEDKY ANALÝZY A DISKUZE

Prostřednictvím kontingenčních tabulek a chí-kvadrát testu lze dospět k závěru, že mezi úrovní dovedností pracovníků a jejich hlasováním v referendu existuje statisticky významný vztah (p -hodnota $< 0,05$) v očekávaném směru. Zatímco mezi respondenty s nekvalifikovaným povoláním byla podpora EÚS pouze ve 44,4 %, mezi respondenty s kvalifikovaným povoláním se zvýšila na 57,3 % a u respondentů s vysoce kvalifikovaným povoláním byla nejvyšší (69,6 %).²⁸

Výsledky pokročilejší metody binární logistické regrese, kde byl testován vztah mezi úrovní dovedností pracovníků a jejich hlasováním v referendu v kontextu dalších nezávislých proměnných, vyvrací závěry odvozené z výše uvedené metody kontingenčních tabulek a chí-kvadrát testu. Model, jenž byl testován metodou binární logistické regrese, splňuje všechny nezbytné statistické podmínky, aby byl považován za užitečný.²⁹

Model dále prokazuje, že úroveň profesních dovedností respondentů statisticky významně nepřispívá k vysvětlení toho, jak respondenti hlasovali (p -hodnota = 0,928 respektive 0,693). Tento závěr je slučitelný s výše uvedenou analýzou kontingenčních tabulek a chí-kvadrát testu z důvodu, že výše uvedený statisticky významný vztah se v binární logistické analýze prokázal být falešným, což se odhalilo zahrnutím dalších nezávislých proměnných do modelu.

Pokud je ve výše uvedeném modelu binární logistické regrese úroveň dovedností pracovníků nahrazena věkem, ve kterém respondenti ukončili své vzdělání, jako alternativou měřící nadanost příslušných respondentů lidským kapitálem, jsou zjištěny drobné odlišnosti

²⁸ Poněkud odlišné výsledky analýzy kontingenčních tabulek a chí-kvadrát testu lze zaznamenat v případě vztahu mezi věkem, kdy respondenti dokončili své vzdělání, a jejich hlasováním v referendu. Tento vztah totiž není statisticky signifikantní (p -hodnota = 0,19), přičemž respondenti, kteří ukončili své vzdělání do 15 let, hlasovali ve prospěch EÚS v 59,3 %, respondenti, kteří ukončili své vzdělání mezi 16 a 20 roky svého života, hlasovali ve prospěch EÚS v 65,1 % a nejvíce vzdělaní respondenti, kteří ukončili své vzdělání po 20. roku života, hlasovali ve prospěch EÚS v 68,5 %.

²⁹ Za prvé, je statisticky signifikantní (p -hodnota $< 0,001$), tedy významně přispívá k lepšímu odhadu, kteří respondenti hlasovali ve prospěch a kteří proti EÚS, což prokazuje „omnibus test of model coefficients“. Za druhé, shrnutí modelu nám poskytuje údaj o „Nagelkerke R-square“, jehož hodnota je 0,488, což znamená, že model vysvětluje více než 48% variace závislé proměnné. Takový efekt je považován za velký (viz Gray, Kinnear, 2012, p. 407). Za třetí, „Hosmer and Lemeshow test“ potvrzuje, že veškerá systematická variace je vysvětlena modelem, a ten tak odpovídá datům (p -hodnota = 0,841). Oproti modelu, který vysvětluje, kolik respondentů hlasovalo pro a kolik proti EÚS, na základě náhodného propočtu, jenž neobsahuje nezávislé proměnné, a má tak úspěšnost 58,8 %, se procento správně přiřazených respondentů ve zkoumaném modelu zvýšilo na 79,7 %, což je výrazné zlepšení.

v porovnání jak s výše uvedeným modelem, tak s výše uvedenou analýzou kontingenčních tabulek a chí-kvadrát testu.³⁰

Respondenti, kteří ukončili své vzdělání po 20. roku života, hlasovali statisticky významně častěji ve prospěch EÚS, než respondenti, kteří ukončili své vzdělání před 16. rokem života (p -hodnota $< 0,05$). Konkrétně „sázky“ na hlasování těchto nejvzdělanějších respondentů ve prospěch EÚS byly 2,7x vyšší oproti respondentům nejméně vzdělaným ($\exp(B) = 2,71$). V předchozím modelu naproti tomu nebyl prokázán žádný statisticky významný rozdíl mezi respondenty, kteří vykonávají vysoce kvalifikované povolání, a respondenty, kteří vykonávají nekvalifikované povolání. Rozdíl spočívá v zahrnutí ekonomicky neaktivních respondentů (především důchodců a studentů) do analýzy. Vzhledem k tomu, že tento model zahrnuje větší množství respondentů včetně ekonomicky neaktivních, je adekvátní se při interpretaci výsledků referenda, jehož se nesporně ekonomicky neaktivní voliči mohli zúčastnit, přiklonit k závěrům tohoto posledního modelu. Naproti tomu analogicky k předchozímu modelu není statisticky signifikantní rozdíl v hlasování respondentů, kteří ukončili své vzdělání mezi 16. a 20. rokem života, a těmi, kteří ukončili své vzdělání před 16. rokem života (p -hodnota = 0,08).³¹

Shrnutí výše uvedených výsledků statistických analýz vede k potvrzení Hecksher-Ohlinova modelu (a Stolper-Samuelsonova teorému) při jeho aplikaci na výsledek referenda o EÚS v Lucembursku. Respondenti hojně vybaveni lidským kapitálem totiž hlasovali ve prospěch EÚS více než respondenti s nízkou úrovní lidského kapitálu. Za povšimnutí v této souvislosti stojí prostřední kategorie respondentů (nadání střední úrovní lidského kapitálu), kteří se při svém hlasování přiklonili spíše ke skeptičtější kategorii respondentů, kteří byli nadáni nejnižší úrovní lidského kapitálu (dle modelu obsahujícího proměnnou „věk, ve kterém bylo ukončeno vzdělání“). Vysvětlit to lze podobně jako ve Francii a Nizozemsku jejich ambivalentním postojem k liberalizaci obchodu, nejistotou, zda je přijetí EÚS skutečně v jejich prospěch a také vlivem intenzivní kampaně probíhající před referendem. Výše uvedené statistické analýzy však zároveň poukazují na další faktory, které mohly být klíčové pro pozitivní výsledek referenda. Jedná se především o stranické preference voličů (v kontextu jejich účasti ve vládě či v opozici i jejich pravicové či levicové orientace), postoj k institucím EU, pohled na nezbytnost konceptu evropské ústavy, věk respondentů i míra jejich subjektivní informovanosti o obsahu EÚS. Tyto faktory měly větší význam než úroveň lidského kapitálu respondentů. Dokonce i respondenti s nejnižší úrovní lidského kapitálu hlasovali v hojném počtu pro přijetí EÚS (44,4 % respektive 59,3 %). Ačkoliv se respondenti se střední úrovní lidského kapitálu spíše blížili relativně skeptičtějšímu pohledu na EÚS respondentů s nejnižší úrovní lidského kapitálu, ostatní nezávislé proměnné zahrnuté do analýzy vedly k tomu, že tato početná skupina voličů nakonec většinou hlasovala ve prospěch EÚS (v 57,3 % respektive 65,1 %).

³⁰ Dle „omnibus test of model coefficients“ je celý model statisticky signifikantní (p -hodnota $< 0,001$). „Hosmer and Lemeshow test“ potvrzuje, že veškerá systematická variace je vysvětlena modelem, a ten tak odpovídá datům (p -hodnota = 0,69). Hodnota „Nagelkerke R-square“ je dokonce ještě vyšší v porovnání s předcházejícím modelem (Nagelkerke R-square = 0,547), což znamená, že model vysvětluje více než 54% variace závislé proměnné, a tedy i tento efekt je považován za velký (viz Gray, Kinnear, 2012, p. 407). Oproti modelu, který vysvětluje závislou proměnnou na základě náhodného propočtu, jenž neobsahuje nezávislé proměnné, a má tak úspěšnost 68,5 %, se procento správně přiřazených respondentů ve zkoumaném modelu zvýšilo na 83,5 %, což je opět výrazné zlepšení.

³¹ Ačkoliv výše uvedená interpretace analýzy kontingenčních tabulek a chí-kvadrátu indikuje, že mezi různými kategoriemi respondentů dle věku, kdy ukončili své vzdělání, neexistuje statisticky významný rozdíl, binární logistická analýza (zahrnující další nezávislé proměnné) prokazuje, že takový statisticky významný vztah existuje mezi kategoriemi respondentů, kteří dosáhli nejvyššího vzdělání, a těmi, kteří dosáhli vzdělání nejnižšího.

ZÁVĚR

Cílem příspěvku je doplnit tradiční ekonomické a sociologické pojetí lidského kapitálu o politologický rozměr a přispět k řešení výzkumné otázky: „Zda a jak úroveň lidského kapitálu voličů ve vybraných státech ovlivnila jejich hlasování v referendech o EÚS (resp. výsledky těchto referend)“.

Ačkoliv nám ekonomické motivace (úroveň lidského kapitálu voličů) nutně nemusí pomoci objasnit rozdílné výsledky referend o EÚS v jednotlivých zemích, lze identifikovat země, v nichž jsou vazby mezi těmito motivy a výsledky silnější a kde naopak slabší. Autorům je zřejmé, že:

- žádný společensko-vědní koncept nám neumožní stoprocentní vysvětlení variace při hlasování voličů v příslušných referendech;
- kromě ekonomických faktorů, jejichž vliv dle výsledků zkoumání některých autorů klesá, jsou pro rozhodování voličů významné kampaně před referendem a další skupiny sociálních, psychologických či jiných faktorů;
- podporu EÚS nelze jednoznačně ztotožňovat s podporou evropské integrace.

Ve vybraných státech byla zjištěna relativní četnost zastoupení jednotlivých úrovní lidského kapitálu: dle povolání a dle věku ukončení vzdělání. Španělsko bylo jediným státem, kde vztah mezi úrovní lidského kapitálu respondentů a jejich hlasováním o EÚS nebyl statisticky signifikantní. Souvisí to pravděpodobně s tím, že Španělsko bylo v roce 2005 stále zemí, která byla hojně vybavena nekvalifikovanou prací, a tudíž voliči vybavení nízkou mírou lidského kapitálu nebyli výrazně znevýhodněni liberalizací obchodu (a tudíž i evropskou integrací) a voliči vybavení vysokou mírou lidského kapitálu nebyli výrazně zvýhodněni liberalizací obchodu (a tudíž i evropskou integrací). Ve všech ostatních zemích (Francii, Nizozemsku, Lucembursku) jsme pozorovali statisticky signifikantní vztah mezi nadáním respondentů lidským kapitálem a jejich hlasováním o EÚS, a to v tom směru, že voliči s nízkou úrovní lidského kapitálu hlasovali statisticky signifikantně více proti EÚS v porovnání s voliči vysokou úrovní lidského kapitálu. I zde tedy platí Hooghova a Marksova interpretace Heckscher-Ohlinova modelu (a Stolper Samuelsonova teorému), a to, že v nejbohatších a kapitálem nejvíce nadaných členských státech lze očekávat euroskeptický postoj nekvalifikovaných pracovníků a eurofilní postoj manažerů a odborníků.

Hypotéza H1 „V souladu s Heckscher-Ohlinovým modelem (a Stolper-Samuelsonovým teorémem) hlasovali voliči hojně vybavení lidským kapitálem častěji ve prospěch EÚS, než voliči s nízkou úrovní lidského kapitálu“ byla potvrzena ve Francii, Nizozemí a v Lucembursku. Hypotéza H2 „V souladu s Jainovou a Mukandovou teorií, byla EÚS odmítnuta i v zemích, kde početně množství voličů hojně vybavených lidským kapitálem převyšuje množství voličů s nízkou úrovní lidského kapitálu (a to z důvodu individuální specifické nejistoty a nedůvěryhodnosti redistribučních schémat)“ se jeví jako pravděpodobná v případě Francie i Nizozemska. Je však třeba podotknout, že k EÚS byla v Nizozemsku poměrně skeptická i nekvalifikovanější skupina voličů.

Příspěvek je též prvotním vstupem do diskuse o motivacích voličů při jejich hlasování o evropských integračních smlouvách obecně. Výsledky tohoto srovnání lze považovat za určité vodítko do budoucna, i když zpracování kvalitní predikce ve společenských vědách v současném globalizovaném světě, který lze charakterizovat vysokou mírou nejistoty, nestability, nejednoznačnosti a komplexnosti, je obtížné. V každém případě uvedená zjištění mohou pomoci lepšímu porozumění voličům a přispět nejen k formulaci přijatelnějších změn smluv a jejich lepší prezentaci, ale i k celkově vyšší míře reakcí na požadavky voličů ze strany EU.

Ke vztahu lidského kapitálu a evropské integrace závěrem uvádíme a doplňujeme citát Friedricha A. Hayeka „*Může znít vznešeně, když se řekne: čert vem ekonomii, pojd' me budovat slušný svět. Ve skutečnosti naší jedinou příležitostí, jak vybudovat slušný svět, je pokračovat ve zvyšování ekonomického blahobytu*“ při současném zvyšování úrovně lidského kapitálu.

LITERATURA

- Becker, Gary, S. *Human capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. Chicago: The University of Chicago Press, 1993.
- Becker, Gary, S. Ekonomický způsob pohledu na život. In: Jonáš, J. *Oslava ekonomie: Přednášky laureáta Nobelovy ceny za ekonomii*. Praha: Academia, 1994.
- Cörvers, F., Merikull, J. 2008. Occupational structures across 25 EU countries: the importance of industry structure and technology in old and new EU countries. *Econ Change*. No. 40, pp. 327-359.
- Datenbestandskatalog: Gruppenbeschreibung. GESIS. *Flash Eurobarometer* [online]. 2014 [cit. 2018-09-27]. Dostupné z: <https://dbk.gesis.org/dbksearch/gdesc2.asp?no=0002&db=d>
- European Election Database (EED). Norsk samfunnsvitenskapelig datatjeneste AS. *Data by Country* [online]. 2014 [cit. 2018-09-27]. Dostupné z: http://www.nsd.uib.no/european_election_database/country
- Eurobarometer (2005a). The European Constitution: Post-referendum survey in Spain. Brussels: *European Commission*. Dostupné z: http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_168_en.pdf
- Eurobarometer (2005b). The European Constitution: Post-referendum survey in France. Brussels: *European Commission*. Dostupné z: http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl171_en.pdf
- Eurobarometer (2005c). The European Constitution: Post-referendum survey in The Netherlands. Brussels: *European Commission*. Dostupné z: http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl172_en.pdf
- Eurobarometer (2005d). The European Constitution: Post-referendum survey in Luxembourg. Brussels: *European Commission*. Dostupné z: http://ec.europa.eu/public.../fl173_postref_lu_en.pdf
- European Commission. 2011. EU Budget 2010 Financial Report. Luxembourg: *European Commission*. Dostupné z: http://ec.europa.eu/budget/library/biblio/publications/2010/fin_report/fin_report_10_en.pdf
- Fernandez, R., Rodrik, D. 1991. Resistance to Reform: Status Quo Bias in the Presence of Individual-Specific Uncertainty. *American Economic Review*. Vol. 81, no. 5, pp. 1146-1155.
- Gray, C. D., Kinnear, P. R. 2012. *IBM SPSS Statistics 19: Made Simple*. 1st ed. Hove and New York: Psychology Press.
- Hooghe, L., Marks, G. 2008. A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus. *British Journal of Political Science*. Vol. 39, iss. 1, pp. 1-23.

- Hooghe, L., Marks, G. 2004. Does Identity or Economic Rationality Drive Public Opinion on European Integration? *Political Science and Politics*. Vol. 37, iss. 3, pp. 415-420.
- Jain, S., Mukand, S. W. 2003. Redistributive Promises and the Adoption of Economic Reform. *American Economic Review*. Vol. 93, no. 1, pp. 256-264.
- Kný, D. *Referenda o „Evropské ústavní smlouvě“: evropská identita jako perspektiva zkoumání*. Praha, 2012, 136 s. Diplomová práce. Vysoká škola ekonomická v Praze. Školitel doc. PhDr. Karel Muller, Ph.D.
- Mayda, A. M., Rodrik, D. 2001. Why Are Some People (and Countries) More Protectionist than Others? *NBER Working Paper Series* [online]. Working Paper 8461 [cit. 2014-09-27]. Dostupné na: <http://www.nber.org/papers/w8461>
- OECD. *Measuring What People Know: Human Capital Accounting for the Knowledge Economy*. Paris: OECD, 1996.
- O'Rourke, K. H., Sinnott, R. 2001. The Determinants of Individual Trade Policy Preferences: International Survey Evidence. *Brookings Trade Forum* [online] [cit. 2014-09-27]. Dostupné z: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/25063160?uid=3737856&uid=2&uid=4&sid=21104697566867>
- Trading Economics: 300 000 Indicators from 196 countries. *Trading Economics* [online]. 2014 [cit. 2014-09-27]. Dostupné na: <http://www.tradingeconomics.com/>
- Wood, A. 1995. How Trade Hurt Unskilled Workers. *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 9, no. 3, pp. 57-80.

Autoři:

Ing. Bc. Daniel Kný

Vysoká škola ekonomická v Praze

nám. W. Churchilla 1938/4

130 67 Praha 3

Tel: 00420 224 095 111

E-mail: daniel.kny@vse.cz

Ing. Dana Junková, Ph.D.

Policejní akademie České republiky v Praze

Lhotecká 559/7

143 01 Praha 4

Tel.: 00420 974828217

E-mail: junkova@polac.cz

ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР БЛАГОПРИЯТНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ

NATURAL RESOURCES OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AS A POTENTIAL FACTOR THE FAVOURABLE DEVELOPMENT OF THE ECONOMY

Комилджон Раупов

Abstract. *The Republic of Tajikistan has a hot and dry climate, there are fertile soils and plenty of water, which makes it possible to obtain 2-3 crops per year from one area. In terms of cost-effective hydropower potential, Tajikistan ranks 8th in the world. The specific indicators of hydropower potential per square km territory (3682,7 thousand kW/hour per year / km²) Tajikistan takes the 1st place; at the same figure per capita (to 87.8 thousand kWh per year / person) – 2nd place. Oil resources are poorly developed – only 9%, gas is even worse – 3.5%. In comparison with 1991, the volume of coal production in the Republic by 2012 decreased from 477 thousand tons to 411.7 thousand tons, respectively. In addition to fossil fuels in the form of coal and hydrocarbons, the subsoil of Tajikistan is rich in other types of mineral ore and non-metallic minerals. The Republic holds leading positions among the CIS countries in reserves of strontium, antimony and table salt, and in reserves of zinc, lead, fluorspar the country has a leading position in the Central Asian region. Tajikistan is one of the first countries in Central Asia in terms of non-ferrous metal reserves and can offer goods containing silver, lead, zinc, bismuth, antimony, mercury, tin to the world market.*

The purpose of article consists in the author's reference to the insufficient efficiency of both domestic and aggregate use of bioclimatic, fuel and energy, hydropower and mineral resources of Tajikistan.

Methodology/methods. *The methodological basis of the study was statistical data, economic and geographical analysis, information review of special sources*

The scientific purpose of article is in the allocation of the main and most important at the moment areas of integrated use of natural resource potential of Tajikistan.

Findings. *In today's rapidly changing conditions of economic transformations, the high importance of the natural resource factor in the development of the economy of Tajikistan remains. Increasing the efficiency of development of available natural resources of the country and exploration of new fields are one of the important areas of use of the rich economic potential of the Republic. According to the author of the study, the development of hydropower resources is a fundamental factor in the development of the national economy of the Republic of Tajikistan. One of the main tasks to reduce the fuel deficit of the Republic is the organization of its own coal industry. The increased use of coal resources in the fuel balance will help not only to reduce the country's dependence on imports of gas and oil products, but also to further facilitate the transition to their export.*

Conclusions. *Natural resources of the Republic of Tajikistan are the starting point of modern production, on the basis of which the national economy is developing.*

Keywords: *Tajikistan, natural resources, hydro resources, fuel and energy reserves, mineral resources, economic potential*

JEL classification: *L60; L71; N55; O13; O53*

ВВЕДЕНИЕ

Еще в 1911 году Йозеф Шумпетер в своей книге «Теория экономического развития» вывел различия между ростом и развитием экономики, тем самым обосновав разницу между количественными изменениями в виде увеличения производства и потребления и постепенным процессом качественных и структурных положительных изменений в экономике государства.

Дифференцируя разницу между экономическим ростом и экономическим развитием, и с учетом современного состояния экономики Республики Таджикистан на фоне глобальных вызовов, автор в процессе своих постоянных научных исследований пришел к заключению о необходимости тщательного анализа природно-сырьевых преимуществ экономики страны и пересмотру, новому определению позиций по общему потенциалу ее благоприятного развития.

На перспективу шумпетерова логика формирования направлений основных проблем и пробелов в конкурентоспособности указывает автору статьи на наличие возможностей повышения экспортного потенциала Таджикистана как однозначных возможностей для экономического роста. И здесь понятно: природные ресурсы Республики Таджикистан являются исходной базой современного производства, опираясь на которую развивается национальная экономика.

В то же время имеющийся потенциал биоклиматических, топливно-энергетических, гидроэнергетических и минерально-сырьевых ресурсов Таджикистана указывает на недостаточную эффективность их как внутреннего, так и совокупного использования.

Таким образом, в современных резко изменяющихся условиях экономических трансформаций сохраняется высокая значимость природно-ресурсного фактора в развитии экономики Таджикистана, и – на уже имеющейся природно-ресурсной базе – усиление количественных возможностей и качественного повышения конкурентоспособности экономики страны.

В итоге вторая, основная, часть рассуждений Й. Шумпетера об экономическом развитии указывает на необходимость структурных преобразований, формирования новых путей специализации хозяйственной деятельности, что в конечном итоге приведет к росту экономики и обеспечению его устойчивого тренда.

В связи с этим увеличение эффективности освоения доступных природных ресурсов страны и разведка новых месторождений являются одним из важных направлений использования богатого экономического потенциала Республики Таджикистан – и для укрепления внутреннего рынка, и с целью расширения спектра экспортных позиций, и в ряду общей технико-технологической интеллектуализации, присущей развитым странам.

1. КЛИМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН КАК БЛАГОПРИЯТНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Биоклиматический потенциал. В климатическом отношении Таджикистан располагает уникальными и неповторимыми условиями. Известно, что благоприятный климат как природный ресурс выступает положительным фактором развития сельского хозяйства – важнейшей отрасли хозяйствования и экономики любой страны мира.

Характеризируя климатические особенности Таджикистана и с учетом высокого уровня водообеспеченности, отсутствия нехватки водных ресурсов для орошения земель, отметим, что основная часть территории Республики относится к благоприятному климатическому типу – сухим субтропикам. Стране присущ жаркий и сухой климат, а также имеются плодородные почвы и обилие воды, что в единении дает возможность получать 2-3 урожая в год с одной площади и выращивать такие ценные технические и пищевые сельскохозяйственные культуры, как: хлопчатник, включая тонковолокнистые сорта, сахарный тростник, зерновые культуры, цитрусовые, овощные и бахчевые культуры (Умаров & Мухаббатов, 2005). В Таджикистане имеются благоприятные условия для развития садоводства, виноградарства и животноводства. В целом благоприятные условия для развития сельского хозяйства создают сырьевую базу для отраслей легкой и пищевой промышленности, преобладающую часть продукции которых можно поставлять на экспорт.

Запасы гидроэнергоресурсов. Вне сомнения, Республика Таджикистан обладает уникальными гидроэнергетическими ресурсами.

Судите сами. На долю республики приходится около 4% мирового экономически эффективного гидроэнергетического потенциала. По нему Таджикистан занимает 8-е место в мире (см. табл. 1). Добавим, что реки страны имеют большие уклоны и значительные скорости течения водного потока, что и задает их водам огромные запасы энергии. Средний годовой поверхностный сток рек составляет более 50 км³, или почти 364 тыс. м³ на один км² территории. Суммарная мощность всех рек Республики Таджикистан оценены в 32,3 млн. кВт по мощности, или 527 млрд. кВт/час по выработке энергии, из которых уже сегодня технически доступно и экономически целесообразно более 230 млрд. кВт/час (Охрана окружающей среды, etc., 2004).

На территории страны, кроме крупных и средних рек по мощности водостоков, имеется большое количество малых рек. К этой группе относятся водостоки с мощностью менее 2 тыс. кВт/час. По предварительным оценкам гидроэнергетические ресурсы малых водостоков всей территории Таджикистана составляют 1,6 млн. кВт и 14 млрд. кВт/час, что равно 51,3% ресурсов Среднеазиатского региона.

Около 8% территории республики занимают ледники. А всего в Таджикистане сосредоточено до 500 км³ воды, или 52% от запасов пресной воды, законсервированной в ледниках Центральной Азии (Охрана окружающей среды, etc., 2004).

Таблица 1: Страны с наибольшим потенциалом гидроэнергоресурсов (млрд. кВт/час в год)

Страна	Потенциальные ресурсы	Собственное потребление	Экспортный потенциал
Китай	1 923 304	6 000 000	-4 076 696
Россия	1 670 000	740 000	930 000
США	1 285 092	1 300 000	-14 908
Бразилия	1 166 600	795 000	371 600
Заир	774 000	195 000	579 000
Индия	736 225	4 575 000	-3 838 775
Канада	631 713	136 500	495 213
Таджикистан	527 000	30 000	497 000

Источник: *Hydropower and Dams, World Atlas*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intpow.com/index.php?id=487&download=1>, n.d.

Выведем удельные территориальные и подушевые показатели, характеризующие в конечном итоге потенциал развития. По удельным показателям гидроэнергетического потенциала на один кв. км территории (3682,7 тыс. кВт/час в год / км²) Таджикистан занимает 1-е место; по аналогичному показателю на душу населения (87,8 тыс. кВт/час в год / чел.) – 2-е место. В итоге по экспортному потенциалу запасов гидроэнергии страна находится на 3-ем месте в мире.

Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что гидроэнергетические ресурсы Республики Таджикистан распределены по бассейнам рек неравномерно: Вахшский – 34,8%, Пянджский – 21%, Кафирниганский – 8,9%, Обхиногуский – 8,8%, Зеравшанский – 8,2%, Бартангский – 5,79%, Гунтский – 5,23%, Кызил-Суйский – 2,46%, Язгулемский – 1,44%, Каратагский – 1,4%, Ванчский – 1,2% и Сырдарьинский – 0,8% [Крылов, Заболотная, Кучера]. Основная часть гидроэнергоресурсов сосредоточена на реке Вахш.

Указанный естественно-природный фактор – при совокупном наличии значительных запасов гидроресурсов – является серьезным техническим и экономическим препятствием для их расширенного освоения либо повышения его уровня. Годовой забор воды из рек составляет немногим более 13,5 км³ или 26% от объема годового стока [Умаров, Мухаббатов]. Поэтому в целом доля освоенности гидроэнергоресурсов основных рек страны (уровень освоения ее потенциальной мощности) является низкой и достигает не более 30%: например, по Сырдарьинскому бассейну доля используемой мощности составляет 67%, по Пянджскому – 0,02% (Хоналиев, 2017). Ежегодно в республике производится около 16-17 млрд. кВт/час электроэнергии, что составляет не более 5-6% общего потенциала.

Качественный и количественный анализ гидроэнергетических ресурсов Таджикистана позволяет сделать следующие выводы:

- гидроэнергетические ресурсы Таджикистана велики и в значительной степени экономически эффективны;
- гидроэнергетические ресурсы создают возможность обеспечения всего народного хозяйства страны дешевой и экологически чистой электроэнергией;
- гидроэнергетика на базе имеющихся гидроресурсов может определять производственную специализацию республики;
- гидроэлектроэнергия может составлять важную статью таджикского экспорта.

По мнению автора исследования, освоение гидроэнергетических ресурсов является основополагающим фактором развития национальной экономики Республики Таджикистан.

2. ОБЪЕМЫ НАИБОЛЕЕ ПОПУЛЯРНЫХ СОВРЕМЕННЫХ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ – НЕФТИ, ГАЗА, УГЛЯ

В целом топливно-энергетические ресурсы вызывают повышенный интерес как исследователей и практических специалистов Таджикистана, так и стран-соседей.

Основной интерес, конечно, сосредоточен вокруг *нефти и газа*. Всего на территории Республики Таджикистан балансом запасов учтено 30 месторождений этих углеводородов. Потенциальные запасы нефти и газового конденсата в стране составляют 158 млн.тн; газа – 875 млрд.м³ (Крылов et al., 2018). Суммарные геологические запасы нефти оцениваются в объеме 467 млн.тн; свободного газа – 1036 млрд.м³.

Нельзя не отметить, что сегодня нефтяные ресурсы освоены слабо – всего на 9%, по газу еще хуже – на 3,5%: совокупный объем добычи газа (2012) составляет 11,1 тыс.м³; нефти, включая газовый конденсат, 29,9 тыс.тн [Статистический ежегодник].

Основные газонефтяные области республики расположены в северной и южной ее частях.

В Северном Таджикистане перспективы обнаружения нефтяных и газовых месторождений имеют 25 территорий. Здесь в настоящее время уже открыто 5 газонефтяных месторождений: Ниязбек, Каиибадам, Рават, Северный Канибадам, Айритон. В них запасы нефти и газа приурочены к отложениям палеогенового возраста с глубиной залегания 3000-5000 м. Потенциальные запасы нефти и газового конденсата по Северному Таджикистану составляют: нефть – 56 млн.тн, газовый конденсат – 61 млрд.м³.

В южной части Республики Таджикистан имеют перспективы около 125 территориальных структур, и уже открыт немалый ряд газонефтяных месторождений – Андыгенское, Комсомольское, Кичик-Бель, Кызыл-Тумшук, Акбаж-Адыр, Шаамбары, Сульдусы, Бештентяк.

Уголь. На территории Таджикистана насчитывается более 35 месторождений угля. Балансовые (учтенные) запасы угля составляют 714,14 млн.тн, прогнозные – 3703,4 млн.тн и общие – 4418,04 млн.тн (см. табл. 2). Однако в сравнении с 1991 г. объем добычи угля в республике к 2012 г. снизился – с 477 тыс.тн до 411,7 тыс.тн соответственно (Таджикистан: 20 лет гос.независимости, etc., 2011).

Наиболее крупными месторождениями являются Шураб, Фан-Ягноб, Назар-Айлок, Кштут–Зауран, Магион, Зидди и Миёнаду-Хайрон.

Таблица 2: Запасы угля в Республике Таджикистан

Месторождение	Марка угля	Запасы, млн. тн		
		Учтенные	Прогнозные	Общие
Шуроб	Бурый	130,0	170,0	300,0
Фон-Ягноб	Каменный	428,9	923,7	1352,6
Назар-Айлок	Антрацит	37,1	450,0	487,1
Зидди (Западный участок)	Каменный	46,5	44,0	90,5
Зидди (Восточный участок)	Каменный	10,0	4,0	14,0
Сайёд	Каменный	0,34	1,7	2,04
Миёнаду	Каменный	8,0	675,0	683,0
Равноу	Каменный	-	179,2	179,2
Шуробод	Каменный	0,1	294,0	294,1
Магиан	Каменный	39,0	165,9	204,9
Хакими	Каменный	-	42,0	42,0
Гузн	Каменный	0,1	34,0	34,1
Кштут-Зауран	Каменный	-	186,4	186,4
Чашма-Санг	Каменный	-	1,5	1,5
Суффа	Каменный	-	33,5	33,5
Тошкутан	Каменный	2,0	1,0	3,0
Остальные углепроявления		12,6	497,5	510,1
Всего:		714,64	3703,4	4418,04

Источник: Хоналиев Н. Промышленность Таджикистана: современное состояние и перспективы развития. – Душнбе: Ирфон, 2007. – С. 169.

На сегодняшний день одной из главных задач по снижению топливного дефицита республики является организация собственной угольной промышленности посредством разработки угольных месторождений и, в первую очередь, таких как: Назар-Айлок, Фан-Ягноб, Зидди и Миенаду-Хайрон.

Итак, угольные ресурсы в топливном балансе Республики Таджикистан занимают огромную часть, поэтому их разработка может не только снизить зависимость страны от импорта газо- и нефтепродуктов, но в дальнейшем способствовать к переходу на их экспорт.

3. МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ ТАДЖИКИСТАНА: КРАТКАЯ СПРАВКА

Помимо горючих полезных ископаемых в виде угля и углеводородов, недра Таджикистана богаты прочими видами минеральных рудных и нерудных полезных ископаемых.

Сразу особо подчеркнем лидерские позиции Республики Таджикистан среди стран СНГ по запасам стронция, сурьмы и поваренной соли, а по запасам цинка, свинца, плавикового шпата страна занимает ведущее место в Среднеазиатском регионе. По запасам цветных металлов Таджикистан занимает одно из первых мест среди стран Центральной Азии и может предложить мировому рынку товары, содержащие серебро, свинец, цинк, висмут, сурьму, ртуть, олово.

К настоящему моменту в республике открыто, исследовано и подготовлено к освоению порядка 400 месторождений и более 50 разнообразных видов полезных ископаемых: месторождения железа, молибдена и вольфрама; в ряду цветных и редких металлов известны месторождения цинка, сурьмы, олова, ртути, висмута, стронция, золота, серебра, меди, свинца и алюминия. В частности, запасы серебра оцениваются в 70 тыс.тн, запасы золота – более 400 тн.

В последнее время реализован большой объем научно-исследовательских и геологоразведочных работ, позволивших выявить в Таджикистане месторождения плавикового шпата, бора, горного хрусталя, стекольного песка. Для целей развития химической промышленности представляют потенциальный интерес месторождения такого минерального сырья, как каменная соль и доломиты: всего в республике выявлено 500 месторождений каменной соли, и общие запасы каменной соли составляют 3,6 млрд.тн по категории А+В+С₁ и 71 млрд.тн по категории С₂ (Минерально-сырьевые ресурсы, etc., 1983).

Также в Республике имеются большие запасы минерального сырья для строительной индустрии – минеральные краски, гипс, известняки, мрамор, гранит, лазурит, шпинель, бирюза, аметист, гранат, турмалин, сапфир (Иброхим & Джанобилов, 2017).

Учитывая невозобновляемость минерально-сырьевых запасов, а также масштаб их использования в республике, на первый план выдвигается проблема комплексности добычи и переработки, а также ресурсосбережение, поскольку большинство месторождений обладает многокомпонентным минеральным сырьем. В связи с этим актуальной технико-технологической задачей становится максимальное извлечение ценных компонентов из сырья. Конечно, за последние годы в республике установились определенные достижения в рациональном и комплексном использовании минерально-сырьевых ресурсов, но в силу проблем технического, экономического и организационного характера при эксплуатации месторождений допускается потеря значительной части составных компонентов, причем безвозвратно.

Другим важным направлением комплексного использования минерального сырья является использование его отходов после добычи и дальнейшей переработки в промышленности (Мухаббатов, 1999). Сегодня в горнодобывающих и обрабатывающих отраслях страны накоплено огромное количество производственных отходов – примерно 200 млн.тн. Например, при извлечении из недр больших масс горных пород используется лишь около 5-10% от объема; оставшаяся же часть отправляется в так называемые хвостохранилища, т.е. в отвалы.

Назрела настоятельная необходимость резкого увеличения уровня и объемов извлекаемых ценных элементов из отходов, и для этого требуется наладить их вторичную переработку в промышленных масштабах, как это делается в развитых странах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как можно было убедиться, Таджикистан – уникальная кладовая природных запасов полезных ископаемых, гидравлических ресурсов рек и ледников, минеральных составляющих недр, а также накопленных ценных отходов промышленности для их вторичной переработки.

В настоящее время многие природные ресурсы Республики Таджикистан используются в малых объемах, а применение некоторых запасов полезных ископаемых и вовсе еще ожидает своего часа. Эффективный ввод в экономически и экологически обоснованную эксплуатацию богатых природных ресурсов страны является сложной, выполнимой и, по мнению автора, безальтернативной современной задачей для исследователей и практических специалистов республики.

Статистические и аналитические сведения в представленном исследовании автора прямо указывают на значительный, но одновременно слабо используемый природно-сырьевой потенциал страны. Факторы успешного развития экономики свидетельствуют, что расширение сырьевой базы промышленности Таджикистана не только возможно в ближайшей перспективе, но и назрело в своей экономической целесообразности.

ЛИТЕРАТУРА

- Иброхим А. & Джанобилов М., (2017). Минерально-сырьевые база Таджикистана: состояние перспективы освоения и развития // Горный журнал. – 2017. – № 10. – С. 52-55.
- Крылов Н.А., Заболотная Ю.И. & Кучеря М.С., (2018). Перспективные направления поисков нефти и газа в Республики Таджикистан и Киргизской Республике // Вестник Ассоциации буровых подрядчиков. – 2018. – № 1. – С. 29-34.
- Минерально-сырьевые ресурсы Таджикистана, (1983). – Душанбе: Дониш, 1983. – С. 123.
- Мухаббатов Х.М., (1999). Ресурсы горного Таджикистана. – М., 1999. – С. 145.
- Охрана окружающей среды Республики Таджикистан, (2004). / Статистический сборник. – Душанбе, 2004.
- Раупов К.С., (2016). Республика Таджикистан в условиях глобализации: новые возможности и вызовы. Монография. – Худжанд: Мъероч, 2016. – 396 с.
- Статистический ежегодник Республики Таджикистан, (2013). Душанбе, 2013. – С. 268.
- Таджикистан: 20 лет государственной независимости, (2011). Статистический сборник. – Душанбе, 2011. – С.436.

- Умаров Х.У., Мухаббатов Х.М., (2005). Биоклиматический потенциал Таджикистана: проблемы устойчивости и эффективности в его использовании // Экономика Таджикистана: стратегия развития. – 2005. – №3. – С. 76.
- Хоналиев Н., (2017). Промышленность Таджикистана: современное состояние и перспективы развития. – Душанбе: Ирфон, 2017.

Author:

Ph.D.in econ., Raupov K.S., senior lecturer,
Department of the World Economy,
Polytechnic Institute of Tajik Technical
University
named after M.Osimi (Khujand, Tadjikistan)
Tel.: +992 92 600 88 37 (Khujand,
Tadjikistan)
komiljon001@mail.ru

КРЕАТИВНЫЙ ПОДХОД – НЕОБХОДИМАЯ ОПОРА В ФУНДАМЕНТЕ КРИЗИС-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

THE CREATIVE APPROACH – A NECESSARY RELIANCE IN THE FOUNDATION OF CRISIS-ORIENTED EDUCATION AT THE MODERN TECHNICAL UNIVERSITY

Елена Шибанова-Роечко

Abstract. In recent years questions of creativity endure large splash in the next interest, and special attention – again to fundamental bases of creativity in a type of strengthening of influence of effect of animation in adjacent scientific fields of knowledge, updating of interdisciplinarity and also statements for need of revision of separate provisions. Acceleration of modern technical and technological development do introduction of innovations in the educational sphere by a condition of necessary compliance. Innovations in technical education gained diverse characteristics and forms: technological, economic, pedagogical, organizational. In article the author focused on pedagogical innovations, namely: by creative methods and methods of teaching and training and their theorization. Higher level of research culture of students, intelligence them process of training, mastering various ways of interpretation and assessment of information, including with the dialogue argument of own point of view becomes a result of application of creative techniques.

The purpose of article consists in justification of need of introduction in modern educational process of various creative tools and techniques.

Methodology/methods. In a research receptions of a term science, tipologization and sistemology, an interpretation method are used, the information review of help and special sources, the review of conceptual base was actively carried out. Due to the existence of the fundamental parties of a research – creativity, development, the general and special – articles the author addressed a method of political economy, a way of a logical reasoning and conclusion.

The scientific purpose of article is in idea of an open dilemma of normativity or phenomenality of creativity which is possible for realizing by means of four main units: creative product, creative personality, creative environment and actually creative process.

Findings. If earlier creativity was considered as something mysterious which or is in the person, or he is absent, then now understanding of opportunities of creative approach addresses a set of skills. Many scientists prefer to judge existence of creativity on existence of a creative product. Speaking about the creative personality, it is impossible to avoid communication of creativity and levels of competence of the personality. Existence of social templates blocks and even suppresses manifestation of creative abilities therefore development of creativity demands specially organized – creative – environment. Both the sphere of action, and structure of the company, but also and the social context forming requirements to a creativity product can be understood as it.

Conclusions. Creative form of education assumes individual approach. The creative environment in higher education institution differs from the ordinary environment in high degree of uncertainty, potential diversity and basic incompleteness. Non-standard approach reduces opposition and increases aspiration to cooperation.

Keywords: creativity, creation, theory, methodology, educational process, crisis management

JEL classification: B41; D89; H12; I25; O15;

*«Желание всюду вносить новшества движет беспокойными людьми»³²
Calvin J. 1559*

ВВЕДЕНИЕ

Креативные индустриальные сектора, к которым сегодня относят промышленный дизайн и моделирование, архитектурные и инженерные решения в промышленном и гражданском строительстве, индустрия маркетинга, охраны здоровья и т.д., постепенно занимают важное место в структуре экономики. В наиболее продвинутых экономиках мира они растут опережающими темпами, что показал даже период крупнейшего мирового финансово-экономического кризиса 2007-2010 гг.³³

По прогнозам ЮНИДО уже к 2020 г. креативность как трудовое качество будет стоять на третьем месте в списке умений участника трудовой деятельности. Здесь добавим, что не менее 10-15 лет целенаправленно обсуждается вопрос: являются ли креативность и творчество синонимами. Но и теперь думается: разрешение этого спора впереди. На сегодняшнем этапе развития все еще молодого креативного подхода сформировалось следующее понимание синонимичности: творческий процесс основывается на вдохновении участников, их способностях и традициях, которым следуют участники; в случае же креатива есть фундаментальное понимание – что нужно создавать, для кого и как.

Главным и взаимно-сопряженным остается вопрос: зачем «это что-то» нужно создавать?

Отдельные типы трудовой деятельности сегодня достигли такого уровня насыщения креативом, что в них уже достигнут некий порог, и дальнейшая креативизация ведет к искажению смыслового содержания творчества, его вульгаризации, засилью примитива либо изоциренных форм, псевдонаучности. И, напротив, вдумайтесь: общее число ученых и инженеров, подготовленных за всю историю цивилизации, на 90% являются нашими современниками. Этому мы обязаны резким ускорением научно-технического прогресса. Поэтому пришло время в полноценном ключе развернуть обсуждение креативности научного продукта, повышения креативности индустриального труда, творчества в социальном контексте.

³² Томас Нортон. 1561. Инструкции Кальвина / Calvin J. 1559. The Institutes of the Christian Religion // Christian Classics Ethereal Library: [site]. – URL: <http://www.ccel.org/ccel/calvin/institutes>
Цитируется по: <https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-innivatsii-v-obrazovanii-kratkiy-perevod-s-angl>

³³ Этот мировой кризис явно и четко показал, что во всем мире сложилась порочная модель корпоративного управления, и в ней кризисное управление применяется крайне узко – в виде оперативно-реактивного компенсатора при возникающих финансовых негативах. Это роль примитивного буфера, потому что большинство компаний почти не готовятся к кризисным ситуациям, пока дела идут удовлетворительно. Так, согласно итогам экспресс-опроса Русского общества управления рисками, лишь 8% опрошенных занимаются реальной симптоматикой рискованных ситуаций и, возможно, владеют технологиями превентивного кризисного управления, интересуются креативным потенциалом кризис-менеджмента.

Сам термин «crisis management» относительно молод и насчитывает не более 35-40 лет. Из-за череды послевоенных кризисов (IIWW) в научно-образовательной среде и бизнес-сообществе оконтурилось и углубилось понимание, что эффективно выводить экономику из депрессий, рецессий и спадов и, тем более, предвидеть зарождение кризисных тенденций способен только новый тип управления – кризисное управление. Конечно, вначале это был заказ практики и опыта. Затем возник и теоретический запрос на научное изучение управления в условиях кризиса и далее – внедрение *crisis management* в учебные программы университетов. Пережив краткий период бурного интереса, сегодня специальное кризис-ориентированное знание не отмечено особым вниманием, кроме формата популярных рассуждений в СМИ.

Ученые склоняются к мысли, что наметился переход от этапа невысокой значимости творческой компоненты в индустриальном труде к этапу наполнения в целом деятельности в экономической сфере преимущественно творческой составляющей.

К тому же в последние годы вопросы креативности переживают крупный всплеск очередного теоретико-методологического интереса. Это обусловлено активным развитием когнитивных наук, формированием их теоретической базы и прорывными экспериментальными работами. Особое сосредоточение идет вновь на фундаментальных основах креативности в виду усиления влияния эффекта мультипликации в смежных научных областях знаний, актуализации междисциплинарности, а также заявлений о необходимости пересмотра отдельных положений. Вдобавок образовательные программы нередко не представляют собой комплексы логически выстроенных дисциплин, целенаправленно формирующих конкретные заданные компетенции в отведенном учебным планом объеме. Современные же мировые тенденции диктуют необходимость приведения в соответствие качества вузовской подготовки требованиям *экономики знаний*, а именно: выпускник должен не только обладать набором необходимых знаний и навыков, но и умением генерировать их в течение своей профессиональной деятельности. Как видим, между развитием образования и положением дел де-факто наблюдается противоречие.

Конечно, сегодня вполне доступно самообразование, и это – однозначно творческий процесс, ведь для любого заинтересанта оно является возможностью не только реализации индивидуальных амбиций, но и личного понимания изучаемых вопросов. Однако нужно четко осознавать уровень иллюзий о степени освоения учебного материала, в частности, кризисного управления в связи с повышенной сложностью. Ведь, помимо экономических, необходимы знания в области менеджмента, права, психологии, конфликтологии и иных специальных наук, а также освоение умений и навыков действий в проблемных ситуациях.

В конечном итоге на рынок труда с его прагматичными запросами нередко приходит молодой специалист, порой имеющий нелицеприятную оценку: «Выпускник слегка обучен, чуть-чуть воспитан, творчески неразвит».

1. КОНТУРЫ ЗАЯВЛЕННОЙ ПРОБЛЕМНОЙ ОБЛАСТИ

Говоря о рыночной экономике, мы уже привычно характеризуем ее общим преобладанием рынка знаний и информации над рынками материально-вещественных товаров и ресурсов. Несмотря на разницу в методологиях по делению общественного производства на материальное и нематериальное и измерениях общественного продукта в производительных и непроизводительных видах, информация и, далее, повышение знаниевой и творческой доли труда теперь обычно находятся в центре внимания экономических исследователей.

Каковы роль и место творчества (читай – креативности) в системе общественного производства? Чем характеризуется связь творчества и сферы образования?

Нередко суть креативности понимается однобоко – лишь в нахождении человеком новых, нетрадиционных, неформатных путей решения задач. Образ дополняется рутинной финансово-хозяйственной деятельностью на рядовом промышленном предприятии, которая не предъявляет требований к постоянному творческому состоянию. Но если страна стремится к конкурентоспособной экономике, то среднестатистической должна стать та компания, которая производит наукоемкую продукцию, использует современные технологии цифровизации и роботизации, активно выводит в аутсорсинг непрофильные функции и сервисы, и менеджмент которой уже

сегодня владеет надпрофессиональными компетенциями. В таком варианте высокий профессионализм, отсутствие стереотипов, смелость мышления «шагают» рядом, и креативность служит корпусом этого кортежа.

Обращаясь к доктринам общественного производства, мы видим, что общественный труд как единственный источник создания стоимости выпускаемого продукта все более подвергается реформатированию в виде перевеса влияния знаниевого компонента над материальным. Но знания не выступают отдельно созданным общественным благом; они встроены – пусть и повсеместно – в единую систему экономических отношений по поводу производства, распределения и обмена факторов производства. Однако не зря еще Ф. Махлуп, который первым ввел понятие «экономики знаний», указывал, что это такой тип экономики, в котором *производство знаний* становится источником ее роста.

Таким образом, знание – для представителей всех без исключения экономических школ и учений – однозначно является творческой компонентой общественного труда.

В последние годы акценты исследований стойко смещаются в область значительного роста затрат на создание и распространение знаний, т.е. на развитие первичного сектора информации как фактора общественного производства. Напомним, в состав знаниевой «первички» входят: научные исследования, в том числе фундаментальные, прикладные, проектно-конструкторские; *высшее образование*; разработка программного обеспечения; подготовка учащихся в школах и системе среднего профессионального образования.

Высшее образование, в свою очередь, является сектором отраслей повышенного спроса на все более новые знания и новые технологии: в развитых странах рыночные услуги с повышенным спросом на знания составляют около 18% ВВП, а вместе с нерыночными – образованием и здравоохранением – уже 29% ВВП.

Сегодня все заинтересованные пользователи могут полноценно совместить свое отношение к кризисному управлению как к особому типу управления несколькими путями: (а) осознанием его важной роли в практическом обеспечении экономической стабильности и безопасности экономической деятельности; (б) упомянутым самообразованием; (с) востребованностью мастер-классов и специальных учебных курсов по разнообразным аспектам управления в условиях кризиса. Однако для достижения такого уровня отношения к кризисному управлению – точнее, к его изучению и внедрению – сначала необходимо обеспечить минимальный формат его знаниевого развития. Подчеркнем, что кризисное управление как учебная дисциплина занимает не более 72 академических часов; и это речь идет об учебных планах не сугубо технических, а экономических и управленческих направлений высшего профессионального образования.

Кризисное управление (и как учебная дисциплина, и как область знания) – это лишь наглядный пример. Важно другое: выше- и далее перечисленные элементы создают в целом крайне осложненный фон для образовательной индустрии. Отнюдь нередкие неудовлетворительные результаты образовательной деятельности дополнительно накладываются на массу функциональных обязанностей преподавателя вуза как наемного работника, в частности, соблюдения им соответствия занятий учебному плану, учебно-методическим комплексам, образовательным стандартам и прочим регламентам.

Чтобы одного избежать, а другому следовать, автор убежден, что в образовательный процесс необходимо внедрять различные креативные инструменты и методики.

2. КРЕАТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ – НОВАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Наибольшее и повсеместное распространение в современной системе технического образования – от среднего до высшего – имеет *развивающее обучение*. Оно традиционно включает индукцию и дедукцию, обобщение и конкретизацию, анализ и синтез, классификацию и систематизацию, абстрагирование, аналогию. Уже из этого перечня ясны основы популярности и порой безальтернативности применения развивающего обучения как педагогической системы. Также следует отметить, что в учебном процессе технических учебных заведений и сейчас активно присутствуют *демонстративное* и *обыденно-практическое обучение*, несмотря на то, что они являются наиболее древними формами.

Идеи и контуры *креативного обучения как новой педагогической системы* постепенно «вызрели» и стали наиболее активно развиваться после 1960-1970-х гг., ибо в эти годы в мире были проведены массированные и прорывные научные исследования. Ко втор. пол. 90-х гг. XX века оформилась основополагающая теоретическая база по вопросам креативности. Однако по сей день креативная форма обучения не сложилась в полноценную педагогическую систему.

Во-первых, 20-25 лет – недостаточный срок для этого. Во-вторых, волны апробации отдельных креативных приемов все еще продолжают свой эволюционный ход: то усиливаются с помощью педагогов-новаторов либо, напротив, ослабляются при встрече с барьерами развития. Это нормальный диалектический процесс внедрения и освоения новой педагогической системы. В-третьих, креативная форма обучения предполагает индивидуальный подход, что серьезно изменяет сформировавшийся «рельеф» преподавания в технических вузах, который состоит в первоочередном использовании традиционных механизмов логических построений. Индивидуализация же обучения выводит на первый план задачу развития у студентов способностей к самостоятельному формированию новых знаний, умений, способов действий.

В этой связи главным фактором, движущей силой креативного образовательного процесса является кооперация преподавателя и студента, их обоюдная инициативность, свобода и взаимоуважение выбора, включая критику и ошибки, т.е. обучение превращается в совместную работу-диалог преподавателя и студента. Первый выступает как человек, обладающий большим объемом знаний и умений; обучающийся получает возможность и право на неформальное и личностное общение. В таком альянсе идет двухсторонний процесс обмена информацией, и даже более того – в образовательный процесс втягиваются не только интеллект, но и эмоции, воля, социальные чувства, а учебная деятельность полноценно наполняется нравственным содержанием.

Таким образом, креативная форма обучения как педагогическая система вмещает в себя использование креативности как совокупности разнообразных инновационных приемов для применения в базовом компоненте обучения и креативности в качестве подхода к учебному плану по индивидуальной траектории (в виде комбинации спецкурсов, факультативов и пр.), т.е. как инновационная модель обучения.

Во многих вузах России, в том числе технических, к креативной форме почти привыкли, и большинство преподавателей полноценно ее освоили, но в школах и специальных средних учебных заведениях РФ индивидуализация как основа креативной формы обучения лишь начинает «прорастать».

Важное замечание: при креативной форме обучения огромное значение приобретает личность педагога. Он должен быть яркой, творческой личностью, но при этом знать свой предмет как лучший эксперт. Творчество в принципе предполагает

совпадение мотива и цели, поэтому для преподавателя, чья личность обладает творческим началом, однозначно характерны и увлеченность своим предметом, и поглощенность педагогической деятельностью. Преподаватель технического вуза, владеющий передовым знанием по своему предмету и креативными ресурсами обучения, ассоциируется у студентов с успешным топ-менеджером и удачным на жизненном пути человеком. Ведь в процессе личностного и профессионального самоопределения студентов-технарей (особенно активизирующемся на старших курсах) роль регуляторов их поведенческой модели играют субъективные образы будущей профессии и профессионалов; чего нельзя однозначно сказать о студентах, обучающихся по направлениям искусства или литературы.

Автором ранее уже отмечено, что большинство технических образовательных учреждений активизировали свой интерес к креативности учебного процесса относительно недавно. Вначале повсеместно и четко оконтурилось понимание того, что образовательный продукт предоставляется коллективно, а потребляется индивидуально. Поэтому в технических вузах к креативности в общем и целом относились как к феномену, т.е. с осторожностью. Затем в первоначальной линии оформился превалирующий вектор необходимости усиления индивидуального подхода в обучении. Тем самым технические вузы «соединились» в стратегической образовательной линии с гуманитарными вузами и даже порой «перемешались», например, в технических вузах повсеместно появились экономические, социо-гуманитарные факультеты; в крупных российских университетах, например, в РосНОУ, базировавшемся на подготовке специалистов информационных систем и инженерно-компьютерных технологий, стали выпускать социальных педагогов, переводчиков, бакалавров по направлениям рекламы, туризма, гостиничного хозяйства. Таких примеров – масса.

Далее базисный континуум технического образования не просто подвергся трансформации и аддитивно расширился, но и все явственнее стал превращаться из традиционного процесса передачи (и приобретения) знаний в *стартовую точку* мыслительного процесса.

Однако инертность, консервативность образовательной услуги в виде следования единому учебному плану, с одной стороны, и ускорение современного технико-технологического развития, с другой, делают введение новшеств в образовательной сфере условием необходимого соответствия требованиям современного развития образования.

Условием однозначным, но и осложненным. Ибо не нужно забывать, что в противном случае «нам придется вспомнить другое лицо креативности – деструктивность» [Moneta].

Возвращаясь к рассуждениям об учебном плане, особо выделим: по отношению к образовательному процессу учебный план – это его *базис*, а вместе с образовательным стандартом его *стратегическая линия*. То есть в рамках всех дисциплин, включая кризисное управление, студенты изучают отчеты о том, как познавали мир другие люди.

Что ж, согласны, обойти освоение «замороженных» идей невозможно, да и не нужно.

Креативные методики плюс самообразование являются *надстройкой* базиса. Здесь на первый план выдвигаются новейшие подходы в технологиях образования и активизация творческого начала, заложенного в любой личности.

Философская и политэкономическая наука трактуют четко и однозначно, что базис и надстройка объединены идейно – стремлением человека к постижению мира во всех его ипостасях. И поэтому обращение к инновационности и креативности *тактически* может быть реализовано в виде использования преподавателем в

образовательном процессе таких форм, как малые группы, дискуссии, диспуты, круглые столы. При содержательном наполнении данных форм происходит трансформация процесса обучения: из рутинных докладов с презентациями – в интервью по теме или постерную конференцию; из ординарных учебных задач – в нестандартные творческие задания (экономико-правовые фабулы, кроссворды, пиктограммы, интеллект-карты, даже друдлы³⁴); также активизируются эвристические беседы, ролевые игры, розыгрыши. Методология креативных занятий тоже имеет довольно обширное меню методик, техник и приемов: методика создания интеллект-карт Тони Бьюзена; метод «мозгового штурма», например, по методике Крайга; техника вымышленных персонажей; приемы заданного диапазона; метод газетных вырезок Энди Грина; метод шести шляп Эдварда де Боно; техника критического мышления Торранса и пр.

Как видите, креативность, творчество и в целом инновации в образовании приобрели многообразные характеристики и формы. Их можно объединить в несколько групп:

- технологические инновации (новые образовательные технологии);
- экономические инновации (новые механизмы в образовательной сфере, в том числе техническом образовании);
- педагогические инновации (новые методы и приемы преподавания и обучения);
- организационные инновации (новые организационные структуры и институциональные формы в области образования).

Далее в статье автор сосредоточится на педагогических инновациях, а именно: на креативных (творческих) методах и приемах преподавания и обучения и их теоретизации.

3. ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ КРЕАТИВНОСТИ, ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБОРОТ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ В ТЕХНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В виду злободневности и актуальности кризисной проблематики эквивалентное и адекватное слияние предметной области кризисного управления с креативным (творческим) подходом, вне сомнения, дает плоды: активизируются такие мыслительные процессы, как воображение, внимание.

Но современный спектр педагогических инноваций позволяет развить творческое мышление не только в рамках отдельных дисциплин, а в целом в техническом образовании.

Сегодня для преподавателя технического вуза применение креативного подхода в рамках повышенно сложных, информационно емких и многоуровневых технических дисциплин делает доступным в целом новый уровень обучения студентов – усиление их внимания плюс увеличение памяти и, конечно, плюс необходимое получение базовых

³⁴ Друдлы – графические головоломки, в которых студентам нужно домыслить, что изображено на предлагаемой им картинке. Неочевидные ассоциации используются для разминки перед переходом к оригинальным решениям проблемы. «Разгадывание» 3-5 друдлов способно за 15 минут так активизировать гипоталамус мозга, что резкое усиление внимания, сообразительности, мыслительной активности держится в течение последующих 1-2 часов, поэтому автором статьи применение специально отобранных друдлов используется строго индивидуально – по групповому признаку, по расписанию занятий (утро/вечер), по составу студенческих групп и пр.

знаний в соответствии с профессиональным стандартом получаемой специальности плюс освоение прикладных технических навыков.

Уже отмечалось выше, что, несмотря на нововведения, общая педагогическая система в сфере технического образования – это базис сложившегося функционирования, который архаично можно именовать как кладезь технической мудрости и практического опыта технических специалистов. Однако в современном быстро эволюционирующем мире и в свете глобальных вызовов IY Промышленной революции нельзя не признать – это одновременно и базис изменений, т.е. конкурентного развития образования с инновационных позиций.

На данном этапе раскрытия темы уместно напомнить ряд фактологических сведений.

Гуманитарная история изучения креативности начинается в XYIII веке с работ Уильяма Даффа (1875), идеи которого, как считают ученые, предвосхитили деление стилей творческого решения проблем на адаптивные и инновативные, а мышление – на конвергентное и дивергентное. В 1922 г. Симпсон Д. впервые использовал понятие «креативность» как термин для обозначения способности человека отказываться от стереотипных способов мышления. «Креативность» – так назывался доклад президента Американской ассоциации психологов Дж. Гилфорда, который был сделан им в 1950 г. и который, по сути, дал толчок формированию стойкого психологического уклона в вопросах креативности и выделению с сер. 50-х гг. XX века отдельного направления и в целом популярности англо-американского отношения к креативности как к *особым* способностям. Причем, с конца 50-х гг. XX века – в связи с космическими достижениями – акцент сместился на технические науки, благодаря которым креативность стали рассматривать в качестве инструмента в конкурентной борьбе. В 1960-70-х гг. учеными было выведено около 60 определений креативности применительно к различным областям знаний. В 1990-х гг. вышло более 600 книг и монографий по креативности... Что ж, как видим, за короткий исторический срок сделано немало. Тем не менее, и «сегодня нельзя считать устоявшимися как единое определение понятия «креативность», так и представление о системе структурных компонентов креативности» (Мороз, 2011).

Однозначно одно: к концу XX - нач. XXI вв. многочисленные аспекты креативности вышли за рамки теоретических исследований и прочно вошли как в терминологический оборот бизнес-сообщества, так и в обиходное употребление. Поэтому неоднозначное толкование креативности крайне трудно оценивать по накопившимся к настоящему моменту научным дефинициям и практическим трактовкам.

Приведем пример распространенного, но одновременно спорного замечания, что «креативность означает, прежде всего, особый склад ума» (Лейтес, 1997). В данной логике особенность и специфичность выделит кризисного управляющего среди массы управленцев, Поэтому, казалось бы, автор статьи как специалист в области кризисного управления должен приветствовать приведенную точку зрения. Вдобавок, естественное слияние мультидисциплинарности любого общего учебного плана с предметным содержанием того же кризисного управления расширяет воображение студентов, а ретроспективный опыт и антиципативные формы в кризисном управлении играют такую же важную роль, как реактивные воздействия на текущее состояние в кризис.

В чем же состоят авторские сомнения относительно правильности приведенного определения креативности? На деле спорности в нем содержится немало, но мы в дискуссии ограничимся наиболее весомым аргументом. Дело в том, что ученые четко определили место творческих способностей в структуре общих и специальных способностей. *Общими* называют способности, которые определяют уровень и

своеобразие любой умственной деятельности. Общие умственные способности подразделяют на познавательные и творческие способности. Познавательные способности делятся, в свою очередь, на интеллект (способность решать) и обучаемость (способность приобретать знания). Иногда интеллект рассматривают как общую способность (проявление не в одном, а в нескольких видах деятельности) – в противоположность специальным способностям, каждая из которых обуславливает эффективность выполнения единой деятельности. Таким образом, креативность – *общая творческая способность к преобразованию знаний.*

Но и здесь есть место для дискуссии. Во-первых, немалый блок ученых склоняется к идее, что в повседневной жизни множество запретов и социальных шаблонов блокирует или даже подавляет проявление творческих способностей. Во-вторых, гуманитарии тяготеют к пониманию креативности как основы для озарений, открытий и инноваций; технари же считают, что креативность характеризуется, прежде всего, новизной и полезностью.

Поэтому далее приведем наиболее емкие определения – и в смысле адекватности заявленной тематике статьи, и как отражающие с разных сторон представление о креативности. Итак, креативность – это:

- способность к творчеству, оригинальному мышлению; уровень развития творческих способностей, характеризующий личность в целом;
- наивысший уровень интеллектуальной активности мышления;
- деятельность, процесс или совокупность определенных процессов в созидательной, новаторской деятельности;
- способность к порождению множества оригинальных и полезных идей;
- способность воспринимать и осознавать новое знание, не бояться перемен;
- черта личности, проявляющаяся в трансформации информационно-коммуникативных процессов: при дефиците или противоречивости знаний; в процессе включения информации в новые структуры и связи; в процессе идентификации недостающей информации; в процессе выдвижения и изменения гипотез, поиска решений и их проверки; в процессе формулирования результата решения.

Для отражения позиций технического специалиста интересный ряд *личностных креативных черт*, на наш взгляд, приводит российский ученый В.Н. Дружинин, причем в ходе анализа работ «нетехнических» литературоведов и историков (Дружинин, 1995):

1. Независимость – личностные стандарты важнее стандартов группы, неконформность оценок и суждений.
2. Открытость ума – готовность поверить своим и чужим фантазиям, восприимчивость к новому и необычному.
3. Высокая толерантность к неопределенным и неразрешимым ситуациям, конструктивная активность в этих ситуациях.
4. Развитое эстетическое чувство, стремление к красоте.
5. Уверенность в своих способностях и сила характера.
6. Смешанные черты мужественности и женственности в поведении.
7. Развитое чувство юмора и умение найти смешное в необычных ситуациях.

Топ-менеджер любой индустриальной компании, имеющей опыт преодоления кризисных ситуаций, после ознакомления с приведенным перечнем с уверенностью ответит, что это про него и его команду технических специалистов. Ибо специалисты со знаниями кризисного управления характеризуются эмоциональной и социальной зрелостью, высокой адаптивностью, уравновешенностью, оптимизмом в сочетании с собственным видением мира, оригинальным мышлением.

Для целей данной статьи автор предлагает понимать креативность как интегральную устойчивую характеристику «технической» личности, определяющую ее общую творческую способность к принятию нового знания и преобразованию комплекса ранее полученных знаний, нестандартному созидательному мышлению, генерированию большого числа оригинальных и полезных идей.

Делаем промежуточный вывод: если раньше креативность рассматривалась как нечто загадочное, которое либо есть в человеке, либо его нет («особый ум»), то сейчас осознание возможностей креативного подхода обращается к набору навыков («развитый ум»). Однако с расширением теоретической базы когнитивных наук все больше появляется публикаций и мнений о том, что креативность – это сумма неких психических процессов, например, выражающих архетипические образы бессознательного.

Применительно к креативности в технической деятельности выделяются пять основных направлений ее внедрения и совершенствования: 1) стимулирование индивидуальной психики и особые методы организации умственного труда; 2) неалгоритмичные методы и методики; 3) организационные мероприятия; 4) использование ТРИЗ – теории и алгоритма решения изобретательских задач; 5) «творчество непознаваемо».

По последней позиции сразу отметим, что к данной группе относятся разного рода принципиальные сомнения в познаваемости творческого процесса и управляемости творческими способностями. Ведь будет лукавством отрицать, что со стороны наблюдателя творчество часто воспринимается как некая игра с фантастическим и даже неведомым результатом. К тому же и в творческом процессе есть элементы, которые не принято считать креативными, например: подчиненность, концентрированность, сосредоточенность на проблеме. Да, теперь все согласны, что в человеке как работнике креативность проявляется, как правило, богатым воображением, чувством юмора, нацеленной способностью к созданию новых оригинальных продуктов. Но непременно добавим: в техническом специалисте креативные способности дополнительно находят выражение в мыслительном и знаниевом многообразии, как-то: научно обоснованная коллективно-индивидуальная организованность; оригинальность и быстрота мышления; сугубо индивидуальные алгоритмы собранности и уверенности; способность и технико-технологическая готовность к успешному поиску неожиданных решений в безвыходной ситуации.

Второй промежуточный вывод: продукт креативной технической деятельности является, во-первых, новым продуктом и непременно адекватным по отношению к поставленной «своей» задаче ($2*2=49 \rightarrow$ оригинально, но неадекватно); и, во-вторых, креативная техническая задача не может быть решена по заранее и, тем более, многим известному алгоритму³⁵.

Занимательно, что в теоретической базе креативности по сей день продолжает оставаться спорным отношение к дилемме о нормативности либо феноменальности креативности. В таком срезе под креативностью подразумевается творческий процесс в широком смысле.

В целом представители всех научных школ и дисциплинарных направлений так или иначе ставили об этом вопрос и отвечали на него. Но выделенные многочисленными

³⁵ Интересна позиция Дж. Гилфорда по отношению к осознанию задач, поиску их решений, отбору оптимума, претворению решения в практическую жизнь. По Гилфорду, решение – это достижение цели. Этим решение задачи и процесс творческого мышления связаны между собой. Ведь последнее создает нечто новое и неизведанное, но и при решении, например, проблемных задач ситуация неопределенна, а поиски результата ведутся в разных направлениях, в т.ч. в неизвестных. Конечно, связь – не прямая, ибо в решение задачи, особенно технической, включается интеллект, а между ним и творчеством нет связи.

аспекты рассматривались, как правило, отдельно, что и внесло неуместную мозаичность в совокупное представление о креативности в широком познавательном смысле. В этой связи считается преждевременным снятие вопроса о феноменальности креативных способностей либо их нормативным соотношением в виде обучаемого набора креативных навыков.

Российские ученые Т.В. Галкина и Л.Г. Хуснутдинова дают ответ от имени той части научного сообщества, которая склоняется к феноменальной природе креативности: «Под влиянием установки на творческий ответ показатели креативности возрастают, однако, по мере повышения уровня креативности ее проявление зависит от наличия или отсутствия данной установки, т.е. мотивация творчества становится внутренним свойством личности, не зависящим от внешней актуализации» [Галкина, Хуснутдинова]. Если же креативность признается нормативным процессом, то она присуща любому человеку. В части научного сообщества, поддерживающей нормативный уклон, распространено мнение: «Креативность – нормативный процесс, однако уровни его проявления зависят от личностных качеств и средовых характеристик» (Торшина, 1998).

По мнению автора, невозможно понять сущность и особую значимость «обеих сторон одной медали» креативности – нормативности и феноменальности – без сведения воедино достигнутой фундаментальности в познании креативности и исследовательского поиска.

Многочисленные научные исследователи в области креативности и практические специалисты составили к настоящему времени обширный информационный массив, который можно разделить на четыре основных блока: креативный продукт, креативная личность, креативная среда и собственно креативный процесс.

Это поможет в поиске ответа на поставленный в разделе 4 вопрос.

4. КРЕАТИВНОСТЬ: НОРМА ИЛИ ФЕНОМЕН? К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОСТИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОИСКА

4.1 КРЕАТИВНЫЙ ПРОДУКТ

Немало ученых предпочитают судить о наличии креативности по наличию креативного продукта. Сегодня его понимание следует признать очень широким: это технические инновации, прорывные идеи, новые парадигмы в науке, новые стили в искусстве и т.д.

Обязательно ли итогом креативного процесса выступает креативный продукт? Если «нет», то дилемма «нормативность vs феноменальность» неразрешима в этом блоке. Если «да», то вопрос о критериях соотношения не обойти.

Одним из признанных критериев креативности является нестандартность, поэтому ряд исследователей предлагают определять как креативные те продукты, которые представляют комбинацию элементов, не комбинированных ранее. Однако любой преподаватель знает: ответы тех же студентов (а) далеко не всегда являются оригинальными, и (б) даже оригинальные ответы не всегда совпадают с критерием нестандартности.

С. Медник предлагает применять критерий осмысленности. Ученый отмечает, что такой критерий «позволяет разграничить продуктивные творческие и непродуктивные девиантные формы креативности» (Mednich, 1969). По мнению автора статьи, представляется сомнительным применение данного критерия к новым научным идеям в

технике. В качестве аргумента добавим, что учеными сформулировано несколько критериев для применения к креативному продукту именно в области научных знаний: новый научный продукт должен быть сензитивен к пробелам в существующих знаниях; креативный научный продукт должен переходить дисциплинарные границы в виду трудностей категоризации; научное знание как продукт должно быть неожиданным и, в то же время, соответствовать поставленной задаче; современный наукоемкий научный продукт должен быть сложным и изначально несформулированным и представлять собой синтез пограничных областей знаний³⁶.

Ценно, что перечень применим в качестве критериев креативного решения технических проблем повышенной сложности.

Однако наиболее приемлемой для оценки креативности продукта все же является операция сравнения (или селективный инсайт). В результате устанавливаются «смысловые связи между элементами на основе: репродукции, смыслового синтеза или случайного соединения без установления семантических связей» (Davidson, 1990). В конечном итоге продукты (идеи, гипотезы, поведенческие акты), претендующие на отнесение к креативным, разделены J. Davidson на: стереотипные, собственно (истинно) креативные и девиантные. В то же время автор статьи считает, что сегодня требуется не строгое разделение, как исполнено разработчиком, а напротив – слияние в единый линейный континуум субпонятий креативного продукта: ведь то, что вчера было креативным, завтра становится стереотипным.

4.2 КРЕАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Данный аспект наиболее универсально и емко исследован Дж. Гилфордом. Основываясь на принципиальных различиях между двумя типами мыслительных операций – конвергенции и дивергенции, ученый выделил ряд особых способностей креативной личности.

Параметризация личностной креативности по Гилфорду ценна своей ясностью, простотой и сводимостью результатов.

Креативная личность, по Гилфорду, проявляется в: 1) особом обнаружении и постановке проблем; 2) генерировании идей; 3) продуцировании идей (гибкость, беглость); 4) нестандартных ответах на раздражители (оригинальность); 5) усовершенствовании путем добавления деталей; 6) решении проблем, т.е. способности к анализу и синтезу³⁷.

На первый взгляд, в кризисном управлении как процессе актуализируется конвергентное мышление (схождение). Ведь человеку, решающему ту или иную кризисную задачу, необходимо на основе множества условий найти единственно верное решение. Однако это осуществимо лишь на первый взгляд, да и то лишь в реактивном

³⁶ Интересно, что приведенный перечень переключается с определениями технического креативного процесса, в том числе предлагаемым автором статьи: это форма активности в проблемном поиске, сознательная и целенаправленная попытка расширить существующие границы технических знаний, разрушить существующие технико-технологические ограничения.

³⁷ Возможность объективного изучения креативности Дж. Гилфорд видел в совокупности различных вариантов способностей, чему посвятил 35 лет. Выдающийся ученый особо выделил беглость и гибкость аналогий и противопоставлений как отдельные движущие силы креативности: экспрессивная беглость (способность быстро составлять фразы); спонтанная гибкость (способность быстро переключаться с одного класса объектов на другой); адаптационная гибкость (оригинальность); аудиовизуальная гибкость (способность придавать вербальной или визуальной форме задуманные очертания). По мнению автора статьи, перечисленные факторы креативности наиболее ценны в техническом специалисте.

формате кризисного управления. «Дивергентное мышление допускает варьирование путей решения проблемы, приводящее порой к оригинальным, нестандартным, неожиданным результатам. Дивергентные способности чаще всего понимаются, как способности порождать множество разнообразных, в равной мере правильных, но и оригинальных идей относительно одного и того же объекта в нерегламентированных условиях деятельности» (Guilford, 1979). Если допустить, будто читатель *не* знает, что это цитата из психологического трактата, то вполне можно решить, что данную мысль записал опытный кризисный управляющий.

К сожалению, традиционная система образования опирается в основном на конвергентное мышление. В обыденной практической деятельности дивергентное мышление, характеризующееся гораздо большей свободой, также слабо развивается. При этом реальные проблемы профессиональной деятельности в отличие от учебных задач однозначных правильных решений не имеют³⁸.

Говоря о креативной личности, нельзя обойти стороной связь креативности и уровней компетенции личности. Здесь на первом плане стоит проблема соотношения креативности и различных видов интеллекта.

Всем известна модель интеллекта Дж. Гилфорда, включающая в себя три составляющие – содержание, операции и результат. Известный ученый, как всегда, техничен: содержание бывает образным, символическим, семантическим и поведенческим; дивергентное мышление отнесено к операциям, наряду с импликацией (логическое следование) и преобразованием, которое подразделяется на образную адаптивную гибкость (a) и детализацию (b)³⁹.

Н. Gardner выделил относительно независимые интеллектуальные компетенции, которые ученый обозначил как навыки, и которые соответствуют двум базовым стандартам: формулирования и творческого решения проблем или нового подхода к решенным проблемам, а также широкого использования и высокой оценки обществом [Gardner]. Для целей данной статьи выделим те из них, которые в процессе обучения студентов технических специальностей по предмету crisis management часто выступают вместе:

- лингвистический интеллект, основанный на чувствительности к смыслу слов и эффективной вербальной памяти;
- логико-математический интеллект – способность исследовать категории, взаимоотношения и структуры путем манипулирования объектами, символами, понятиями;
- пространственный интеллект – способность воспринимать и создавать зрительно-пространственные композиции, манипулировать объектами в уме;
- интерперсональный интеллект – способность замечать и различать темперамент, мотивацию и намерения других людей.

Е.Р. Торrance выдвинул теорию «интеллектуального порога», основанную на экспериментальных данных с использованием разработанного им теста: в одних случаях (при $IQ < 115 \div 120$) интеллект и креативность образуют единый фактор, т. е. они связаны между собой; в других случаях (при $IQ > 120$) креативность становится независимой величиной, т. е. нет лиц с низким интеллектом, обладающих креативностью, но высокий интеллект не обязательно связан с высокой креативностью (Torrance, 1988).

³⁸ Отдельные ученые отмечают, что в *научной* креативности компетентность и конвергентное мышление играют основную, фундаментальную роль. Подробнее см. [Moneta].

³⁹ (a) – это способность к изменению формы стимула, чтобы увидеть в нем новизну, новые признаки и характеристики, новые возможности; (b) – способность к усовершенствованию объекта, добавлению деталей.

Российский исследователь Кривоносова Ю. считает все ситуации, с которыми сталкивается наш мозг, происходят на одном из уровней компетентности (Кривоносова, 2008). Личностные способности классифицированы по основанию абстракции от стереотипов и связаны с существованием различных уровней компетентности, что, по мнению автора статьи, особо ценно для технического специалиста или эксперта в области технических видов деятельности:

- I. Неосознанная некомпетентность (вы не знаете, что вы не знаете);
- II. Осознанная некомпетентность (вы знаете, что вы не знаете);
- III. Осознанная компетентность (вы знаете, как сделать, но приходится задумываться и контролировать процесс);
- IV. Неосознанная компетентность (вы можете выполнять работу автоматически, даже не задумываясь).
- V. Осознанная сверхкомпетентность, т.е. способность человека управлять мыслительным процессом и переключаться на разные уровни компетентности.

Ключом к пониманию креативности является пятый уровень. Осознанная сверхкомпетентность – это талант взгляда на задачу в абсолютно новом ракурсе, и именно он, по мнению российского разработчика Кривоносовой Ю., играет определяющую роль в креативности. Например, встречаясь с одной и той же проблемой, вы решаете ее одним и тем же способом на уровне осознанной компетентности. Переключившись на уровень осознанной некомпетентности, вы не будете решать эту задачу по сложившемуся стереотипу, а начнете искать новое и, возможно, более эффективное решение.

Проводя диагностику управленческого потенциала кадрового резерва, исследователь из РФ Невраева И.В. вышла на модель компетенций управленческого таланта в виде 11 компетенций, соответствующих факторам стратегического развития [Невраева]. Полученная ученым модель приведена в табл. 1. Для обеспечения полноты восприятия, придания объемности ключевым компетенциям была проведена их декомпозиция.

Таблица 1: Модель компетенций управленческого таланта

КОМПЕТЕНЦИИ	ХАРАКТЕРИСТИКИ
МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ БЛОК	
Стратегическое мышление	- способность устанавливать тенденции - системное мышление
Креативность	- способность генерировать идеи - способность внедрять изменения
Скорость принятия решений	- качество решения - решение, принятое в срок
ОРГАНИЗАТОРСКИЙ БЛОК	
Проектное лидерство	- инициатива - результат
Планирование и контроль	- планирование - контроль
Ориентация на результат	- видение цели - активность
КОММУНИКАТИВНЫЙ БЛОК	
Влиятельность	- способность вызывать доверие - ясность мысли и позиции
Руководство группой	- способность обеспечивать единство - способность устанавливать нормы взаимодействия

ЛИЧНОСТНЫЙ БЛОК	
Последовательность	- способность устанавливать принципы - приверженность и поддержание порядка
Социальная ориентированность	- способность учитывать интересы других - способность выстраивать отношения
Ответственность	- способность предвидеть последствия - способность соблюдать договоренности

Источник: *Кадровый консалтинг: [сайт]*. – URL://www.youwe.tom.ru/nauka-i-stati/stati-neprosto-o-sloznom/kadrovyy-rezerv-metodika-diagnostiku/, n.d.

В качестве вывода отметим, что и слишком низкая, и слишком высокая компетентность при решении технических проблем мешает креативности. Например, высокая компетентность не позволяет вырваться за рамки существующих стереотипов. Так и наличие социальных шаблонов блокирует и даже подавляет проявление творческих способностей. Поэтому развитие креативности требует специально организованной – креативной – среды. Под ней может пониматься и сфера деятельности, и структура компании (фабрики), но непременно и социальный контекст, формирующий требования к продукту творчества. Поэтому в соответствующем параграфе о креативной среде сосредоточимся на образовательной сфере.

4.3 КРЕАТИВНАЯ СРЕДА

Креативная среда в вузе – это не какие-то особые условия, без которых креативность не сможет актуализироваться. Иначе этот свод будет бесконечным. Но, чтобы соотноситься с креативной, среда должна отличаться от ординарной следующим набором – обладать (а) высокой степенью неопределенности, (б) потенциальной многовариантностью и (с) принципиальной незавершенностью: (а) мобилизует обучающихся на активный поиск собственных ориентиров, а не на пассивное принятие готовых; (б) обеспечивает возможность нахождения собственных ориентиров; (с) стимулирует развитие воображения, фантазии, проективных начал.

Для выявления и активизации креативности в студентах автор статьи старается вводить данные элементы в образовательный процесс на своих занятиях по кризисному управлению. На первом же занятии это выливается в ознакомление студентов с авторским балльно-рейтинговым календарем и далее, на последующих занятиях, в немалый комплекс *дополнительных* методов и форм, основанных на осмыслении предлагаемого креативного учебного процесса самими студентами. Внедрение дополнений к привычному и сложившемуся процессу обучения требует переформулирования задач или выхода за пределы тех привычных ограничений, которые субъекты сами на себя накладывают.

К слову, в реальности это не выглядит так мудрено, как прозвучало. Например, автор статьи как преподаватель кризисного управления в образовательном процессе регулярно и циклически применяет следующие дополнительные формы заданий:

- домашнее решение экономических и экономико-правовых фабул (так называемых «малых творческих задач»);
- использование задач-ошибок и наводящих задач, имеющих подсказку к основной задаче;
- эвристическое или «штурмовое» решение задач-отрицаний;
- использование «многослойных» задач (серия задач с общей закономерностью, в которой каждая последующая решается на новом фазовом или эволюционном витке);

- разработка студентами задач по предмету;
- разнообразные шкалы опросников и проективные тесты;
- оценка результатов деятельности студента на основании мнений экспертов⁴⁰.

Креативная образовательная среда должна обладать большой степенью свободы. Надеемся, что не следует объяснять, что свобода не понимается, как возможность для студента разговаривать в полный голос по мобильному телефону во время учебного занятия. Это – не свобода, это – нерешаемое противоречие между спонтанной активностью и ее регуляцией. Главное в другом – способствовать преодолению внутренней несвободы обучающегося. Данный феномен у студента проявляется: во-первых, в непонимании действующих на него внешних и внутренних сил; во-вторых, в отсутствии либо частых сменах профессиональной ориентации, т.е. метаниях из стороны в сторону; и, в-третьих, в нерешительности, неспособности переломить неблагоприятный ход событий, выйти из негативной ситуации, вмешаться в происходящие рядом процессы или грядущие изменения в качестве активной и позитивной действующей силы

Таким образом, недостаточно дать студентам свободную образовательную траекторию и демократичную обстановку, нужно еще и научить студента действовать в свободной среде. В ходе наблюдения за ценностными ориентирами ученые отметили, что самодетерминация, самоуправление, саморегулирование выступают предпосылкой и признаком формирования зрелой, гармонично развитой личности. Впрочем, автором наблюдались, напротив, деструктивные акты в процессе перехода личности обучаемого на новый уровень отношений с образовательным процессом. Вдобавок напоминаем, что всякое знание является не только набором векторов для творческой активности студентов, высоких примеров креативности других людей, но и может стать – при определенных условиях – могильщиком творчества. Было ли данное знание творчески переработано, переоткрыто самим студентом или осталось для него чем-то формальным? Важнее освоить не само знание, а способ его получения.

И еще один ключевой момент. Нестандартный подход снижает противостояние и увеличивает стремление к сотрудничеству. Креативные задания могут иметь цель углубления знаний по отдельным теоретическим темам либо сугубо практический формат реальных финансово-хозяйственных ситуаций или прогнозов, что объединяет обучение, экономическую жизнь и творческий уклон, а это всегда привлекает молодежь и сближает. Например, составление кроссворда по кризисным дефинициям – это и кропотливый поиск определений, и сопоставление междисциплинарных данных. Обычно автором статьи к разработке учебных задач в форме кроссвордов, пиктограмм привлекаются тихие и замкнутые студенты. Коллеги по учебной группе, выполняя затем задание, проверяют не только свои знания, но и узнают что-то новое, необычное, злободневное. При этом кроссворд – увлекательная игра. Студенты понимают, что изучают конкретный предмет – crisis management, но делают это «не так, как все». Внешне обучение в обычном техническом университете становится в чем-то схожим с областью искусства либо сродни мастер-классам художников, литераторов. На каком-то временном этапе обучения происходит невольная мотивация студентов-лидеров сделать аналогичные креативные шаги и необычно представить свои идеи. Так инициируется сопричастность в создании креативной среды на занятиях, которые в свою очередь

⁴⁰ Экспертами являются приглашаемые квалифицированные специалисты; преподаватели, имеющие сертификат эксперта; ими могут выступать студенты, например, в постерных конференциях как форме занятий.

значительно поднимают самооценку участников, и в конечном итоге у всех создается внутреннее ощущение обучения в особом вузе.

Итак. Креативная среда – это та среда, «в которой обучающиеся не только обладают свободой выбора путей к достижению поставленной цели, но и сами принимают активное участие в формировании системы образовательных целей, в целеполагании» (Гессен, 1995).

4.4 КРЕАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Активность последнего времени в развитии когнитивных наук привела к скептическому отношению к процессной самостоятельности креативности. Например, подвергается сомнению само отличие креативности как процесса от прочих ординарных когнитивных процессов по типу «идеи не появляются из ниоткуда». Еще: в отдельных публикациях креативность признается лишь гипотетическим конструктом особого вида специфического человеческого потенциала, и по этой причине ей «отказано в природных характеристиках».

Существует ли креативная личность вне процесса научного моделирования? Самостоятелен ли процесс креативности, или креативность – это сумма других психических процессов? – такие вопросы являются наиболее безобидными в целой череде острых и безапелляционных вопросов, звучащих в стане поисковых исследователей.

Впрочем, с 50-60-х гг. прошлого века накоплен весомый багаж в исследовании креативных процессов, и фундаментальный научный опыт не так легко смутить замечаниями вроде «нельзя создать что-то из ничего» или «все уже содержится в потенциале». Опыт вызревания фундаментальности тоже прошел в свое время через описательный и слабо доказательный шум: в частности, Е.Р. Торранс в процессе длительного исследования собрал немалое число метафорических описаний сути творчества – это «копать глубоко, смотреть в оба, смотреть сквозь, протягивать руку в завтрашний день, слушать кошку, петь в собственном ключе...» (Torrance, 1988)⁴¹.

Ф. Баррон, пройдя 10-летний опыт изучения креативности и считая ее основой воображение и символизацию, на этом строит понимание креативного процесса как «внутреннего процесса, спонтанно продолжающегося в действии» (Barron, 1988). С. Медник считает, что в основе лежит способность работать с широким семантическим полем. Таким образом, данная группа исследователей креативного процесса либо ставят в центр одну составляющую, либо демонстрируют приверженность системе векторов в виде кортежа взаимодействия нескольких процессов.

Т. Тардиф и Р. Стернберг постулируют, что креативность как процесс должна в принципе рассматриваться двояко – в виде процесса, протекающего самостоятельно в отдельной личности в определенные моменты времени, и как процесс, зависящий от системы социальных связей либо встроенный в них (Tardif, Sternberg, 1988).

Д. Фелдман, М. Сиксзентмихайи, Н. Гарднер предлагают модель креативного процесса, состоящую из трех составляющих частей: 1. Рефлексия, позволяющая планировать, отражать и анализировать окружающий мир. 2. Интенция как внутренняя целенаправленность к вере в возможность изменений к лучшему. 3. Владение способами трансформации и реорганизации, лежащих в основе индивидуальных и культурных отличий (Feldman et al., 1994).

⁴¹ Автором данной статьи также было посвящено 5 лет сбору определений «кризиса», «дефолта», «рецессии», «кризисного управления», причем в университетской и научной среде.

В совокупности попытки выделить общие требования к процессу креативного мышления привели многих ученых к осознанию его специфичности для разных сфер деятельности и знаний. Поэтому говоря о совершенствовании образовательного процесса в техническом вузе в рамках креативного подхода, мы выделим наиболее массивную группу способов и инструментов его непосредственной организации, а именно:

- уважение к личности обучающегося студента, ее уникальности, индивидуальности;
- поддержка мотивации стремления к успеху и нейтрализация мотивации избегания неудач;
- опора на положительные эмоции (удивления, симпатии, переживания успеха);
- инициирование интуитивных действий, проверяемых логикой;
- обеспечение обучающегося правом выбора смысла, целей, форм и методов своего образования в рамках учебной дисциплины;
- развитие организационно-деятельностных способностей обучающихся, таких как самоопределение, самоорганизация, целеполагание, нормотворчество, целеустремленность, рефлексия и стимулирование склонности к высокому полету мысли, поиску нестандартных приемов решения конкретных задач;
- показ эволюции научного знания по тому или иному техническому вопросу (разделу);
- развитие способности экстраполировать освоенные способы мышления на сходные технические задачи и ситуации;
- корректное ведение дискуссий; конструктивная критика (так называемый «мягкий скепсис»); равноправие в учебной группе;
- опора на самостоятельность, самооценку, самореализацию и сознательное активное самосозидание;
- развитие открытого и критического мышления;
- сопоставление пограничных с техническими понятий и формулировок; использование инверсии, противоречий в учебном материале, подталкивающих к поисковой деятельности;
- создание ситуаций, содержащих внутреннюю коллизию для принятия студентами технических специальностей самостоятельных творческих решений;
- моделирование экстремальных условий деятельности, требующих поиска нетривиальных решений в условиях дефицита времени и ограниченного набора средств;
- использование задач открытого типа, когда отсутствует единственное правильное решение; тренировка в продуцировании как можно большего числа возможных решений (гипотез), пусть даже фантастических и, на первый взгляд, далеких от реальности⁴².

В упрощенной форме логический алгоритм творческого процесса для технического специалиста предполагает наличие последовательных стадий: I. Информация. II. Инкубация. III. Озарение (инсайт). IV. Интеграция. V. Иллюстрация⁴³.

I. Информация. Любой процесс начинается с информации. Сначала появляется задача или проблема, которую нужно решить. Затем необходимо разложить проблему на

⁴² Составлено автором с использованием источника: [Кречетников].

⁴³ Здесь и далее составлено автором с использованием источника: [Игнатъев]. Также нельзя не упомянуть классификацию Грэхема Уоллеса (1926 г.), британского социального и политического психолога, который выделил всего четыре фазы: 1. Подготовка. 2. Инкубация. 3. Просветление. 4. Проверка.

фрагменты и собрать дополнительные факты, относящиеся к делу. Чем качественнее будет проведена подготовительная работа, тем вероятнее, что можно будет обнаружить те детали и нюансы, которые впоследствии позволят найти комбинации идей, подводящих к решению.

На этом этапе действует постулат: четко сформулированная проблема наполовину решена. Формулирование проблемы и задач происходит на субэтапе создания брифа.

В узком смысле качественный бриф, по сути, есть список вопросов, на которые вы должны иметь ответы. Поэтому базовыми являются вопросы – кто, что, когда, для чего, почему, какими средствами, в какие сроки и др. Средний хороший бриф составляют такие вопросы, как:

- описание задачи;
- каким видится конечный результат;
- дедлайны;
- целевая аудитория;
- бюджет;
- как будут измеряться результаты.

Если в конкретном случае будет использован список конкретных, заранее подготовленных вопросов, то концептуально думающим специалистам удастся сэкономить колоссальное количество времени для основного – креативного – процесса. Отсутствие брифа – это ловушка, не обнаруживающая себя до первой сдачи / приемки работ.

Бриф помогает разложить проблему на понятные части и вводит в контекст всех участников разрешения проблемы. Также бриф поможет отсеять нецелевых заинтересованных и синхронизирует ожидания главных фигурантов. Поэтому в широком смысле бриф – это инструмент верной постановки задач, который должны использовать все стороны сотрудничества, верно и честно настроенные.

Подробный бриф и большое количество собранной дополнительной информации по проблеме – пожалуй, обязательное условие запуска успешного креативного процесса.

II. Инкубация – это стадия, на которой происходит творческая работа на бессознательном уровне. Учеными еще не изучен детальный механизм работы подсознания, однако практика показывает, что наиболее интересные решения появляются именно во время паузы в работе над технической проблемой, например во время отдыха, в машине, на деловом ужине и т.д. Человеческий мозг по аналогии с компьютером получает некую задачу, и требуется некоторое время, чтобы он обработал ее на подсознательном уровне и выдал набор идей, порой в совершенно неожиданный момент.

III. Озарение (инсайт). Момент озарения, когда идеи приходят спонтанно, является результатом этапов информации и инкубации. Человек сначала знакомится с проблемой, изучает дополнительную информацию, затем, отключаясь от мыслей о цели и вариантах ее достижения, через какое-то время начинает продумывать те или иные решения. Нельзя обходить стороной значимую роль инсайта в креативном процессе и утверждать, что озарение доступно лишь гениям. С этих позиций наиболее интересной, по мнению автора статьи, представляется классификация J. Davidson, благодаря которой выделены три вида инсайта: 1) «избирательное декодирование» – позволяет отделить релевантную информацию от иррелевантной; 2) «избирательное комбинирование» – правильно стыкует «кусочки» информации; 3) «избирательное сравнение» – связывает новое знание с тем, что уже содержится в памяти (Davidson, 1990). В творческом процессе могут фигурировать все три вида.

IV. Интеграция. Идея, рожденная на этапе озарения вовсе не является конечным продуктом. Сознание активно включается в работу и доводит идею до ее окончательной формы, которая может отличаться от первоначального варианта либо составить кортеж.

V. Иллюстрация. Заключительный и поэтому важнейший этап креативного процесса. Он определяет, какие идеи могут и будут осуществлены. На данном этапе действует постулат: каждая идея соответствует конкретному времени и месту. Ибо некоторые идеи переходят в архив. Архивация означает вынужденный временный отказ, окончательный полный или частичный отказ, различные и принципиально отличающиеся виды сценариев, удаление идей и даже их ликвидация. Поэтому к пониманию роли и места отдельных или промежуточных форм нужно относиться как к движущим силам, т.е. факторам.

И последнее. Креативный процесс не может не содержать оценку креативных идей. Наиболее распространенным методом оценки идей является анализ их соответствия критериям эффективности. В образовательном процессе, например, для решения экономико-правовой фабулы (гипотетической задачи) преподаватель вводит такие параметры успешного решения, как:

- соответствие поставленным целям;
- решение задач брифа;
- соответствие законам и этическим нормам;
- приемлемые обязательства и риски, связанные с реализацией идеи;
- соответствие идеи материальным, финансовым, временным и человеческим ресурсам, реально доступным хозяйствующему субъекту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резко увеличившийся интерес к высшему образованию, постоянное увеличение количества иностранных студентов, уход от элитарности в образовании к его массовому формату – это вызовы времени, которые мировой образовательный рынок с пониманием принял в XXI веке. Однако прежняя система образования (технического в особенности) не готовит в полной мере к динамичным изменениям в современном развитии, а общение на учебном занятии традиционного формата уже мало соответствует требованиям к пробуждению мотивации современных студентов. Поэтому образовательной сфере нужны огромные усилия для совершенствования как процесса обучения, так и в целом деятельности высших учебных заведений. Ориентируясь на инновационный путь развития экономики, общества, государства, невозможно не ориентироваться на новейшие образовательные технологии.

Ученые считают, что четверть всех видов деятельности, которые будут востребованы в XXI столетии, сегодня еще не существует, а те, которые есть сейчас, существенно изменятся. «Незаметный на первый взгляд процесс роста творческой компоненты в трудовой деятельности зашел так далеко, что возникли... целые сектора «креативной индустрии», представляющие собой отрасли индустриальных практик, которые объединяет превалирование творческой / знаниевой компоненты» (Бодрунов, 2018). Экспертами выстраиваются отраслевые и профессиональные «карты будущего»: например, в «Атласе новых профессий» (Россия, Московская школа управления «Сколково») есть мнение, что до 2030 г. появится 186 новых профессий, и 57 профессий исчезнет.

Тем самым в ближайшие годы человек будет более обращен к абсолютно новым знаниям и навыкам. В этой связи для автора статьи непреложен следующий факт: при организации обучения с использованием креативных методик учебные занятия

превращаются в лабораторию открытого научно-практического диалога с атмосферой знаний и методов, интегрированных из различных предметных областей, а студенты проникаются духом сотрудничества в учебе. Итогом применения креативных методик становится более высокий уровень исследовательской культуры студентов, осмысленности ими процесса обучения, овладения разнообразными способами интерпретации и оценки информации, в том числе с диалоговой аргументацией собственной точки зрения.

ЛИТЕРАТУРА

- Бодрунов С.Д., (2018). Нооиндустриальный переход: экономика креатива и креатив экономики // Экономическое возрождение России. 2018. № 4 (58). С.1
- Гессен С.И., (1995). Основы педагогики. Введение в прикладную философию. – М: Школа-Пресс, 1995. С. 124.
- Дружинин В.Н., (1995). Психодиагностика общих способностей. - М.: Лантерна Вита, 1995.
- Игнатъев Д.И., (2012). Креативный подход в PR / Консалтинговая компания iTeam: [сайт]. – URL: http://www.iteam.ru/publications/marketing/section_49/article_2999/
- Кречетников К.Г., (2010). Развитие креативности личности в высшей школе // Педагогическая наука: история, теория, практика, тенденции развития. 2010. №4.
- Кривоносова Ю., (2008). Компетентность? Креативность! / Российский бизнес: [сайт]. – URL: <http://www.rb.ru/community/articles/2008/02/13/02/02/503.html#comments>
- Лейтес Н.С., (1997). Возрастная одаренность и индивидуальные различия. - М.: МОДЭК, 1997. 448 с.
- Мороз В.В., (2011). Развитие креативности студентов. – Оренбург: БИБКОН, 2011. С.20.
- Невраева И.В., (2009). Результаты диагностики управленческого потенциала регионального кадрового резерва / Кадровый консалтинг: [сайт]. – URL: www.youwe.tom.ru/nauka-i-stati/stati-neprosto-o-sloznom/kadrovyi-rezerv_metodika-diaagnostiku/
- Торшина К.А., (1998). Современные исследования проблемы креативности в зарубежной психологии / Вопросы психологии: [сайт]. – URL: http://www.voppsy.ru/journal_all/issues/1998/984/984123.htm
- Barron F., (1988). Putting creativity to work // R. Sternberg, T. Tardif (eds.) The nature of creativity. Cambridge: Cambr. Press, 1988. P. 76-98.
- Davidson J., (1990). The role of insight in giftedness // R. Sternberg, J. Davidson (eds.). Conception of giftedness. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1990.
- Feldman D.Y., Csikszentmihalyi M. & Gardner H., (1994). Changing the world: A framework for the study of creativity. Yale: Yale Press, 1994.
- Gardner H. Creative lives and creative works: a synthetic scientific approach // R. Sternberg, T. Tardif (eds.). The nature of creativity. Cambridge: Cambr. Press, 1988. P. 298-324.
- Guilford J.P., (1979). Basic conceptual problems in the psychology of thinking. San Diego, 1979. P. 95-110.
- Mednich S.A., (1969). The associative basis of the creative process // Psychol. Review. 1969. N2. P. 220-232.
- Moneta G., (1993). A model of scientist's creative potential // Philosof. Psychol. 1993. V. 6 (1).

- Tardif T., Sternberg R., (1988). What we know about creativity? // R. Sternberg, T. Tardif (eds.). The nature of creativity. Cambridge: Cambr. Press, 1988. P. 429-446.
- Torrance E. P., (1974). The Torrance Test of creative thinking: Technical-norm manual. Ill, 1974.
- Torrance E. P., (1988). The nature of creativity as manifest in the testing // R. Sternberg, T. Tardif (eds.) The nature of creativity. Cambridge: Cambr. Press, 1988. P. 43-75.

Author:

PhD in econ., Shibanova-Roenko E.A.,
Deputy of The Editor-in-Chief,
Journal of Corporate Management and Economics
MANEKO (Bratislava, Slovakia)
Tel. (viber): +7 (910) 646 12-69 (Tver, Russia)
roenfo@mail.ru

ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕЛЬСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ СЕЛЬСКОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И УСТОЙЧИВОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

LABOR EDUCATION AND LABOR POTENTIAL OF RURAL MUNICIPAL FORMATION: TO THE QUESTION ABOUT THE PROBLEMS OF RURAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS AND SUSTAINABLE TERRITORIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Николай Шобонов

Abstract. Over the past twenty-five years, the disappointing results of changes in the spatial organization of Russia have been its noticeable contraction, fragmentation and excessive polarization of the economic space. Negative processes are taking place against the background of depopulation of rural areas and small towns, the total number of settlements is decreasing. More than 37 million rural residents of the Russian Federation, representing more than 25% of the total population, need a significant improvement in their living standards. The spatial development strategy of the Russian Federation, approved in 2019, defined the instruments for the implementation of the priorities, goals and objectives of the country's regional development. Despite the extensive regulatory framework for the development of rural areas of the Russian Federation and the great activity of state authorities, innovation processes in the Russian rural economy are slow. Sustainable development of rural areas is also impossible without the diversification of the rural economy, without the development of small businesses, including in alternative areas of employment, without the promotion of civil initiatives and at the same time a clear policy of the authorities, including local governments, on the formation, evaluation, reproduction, development and efficiency of the use of labor potential of the territory, the development of rural municipal educational complex.

The purpose of article consists in the author's representation of the relationship between socio-economic and social changes in society and the construction of educational systems. According to the author, this is particularly evident in the history of labor training systems for students of rural educational institutions, which were created mainly to fulfill a specific social order in each period of development of society.

Methodology/methods. The present study uses historical review, macroeconomic and macro-demographic statistics, analysis of the state regulation of labor training.

The scientific purpose of the article is in the actualization of the problems of rural educational institutions in the context of sustainable territorial development of the Russian Federation.

Findings. In recent years, the network of educational institutions in rural areas has been modernized in most regions of Russia. In view of the fact that 60% of settlements in Russia have a population of less than 200 people, educational institutions were not only closed, but also the process of joining schools to larger and had the best human and material resources. As a result, the number of schools decreased by 25%, and the number of schools in rural areas, since 2008, decreased by 12 thousand institutions. At the same time, 400,000 rural schoolchildren continue to study in two or even three shifts.

Conclusions. Measures to optimize the education system were carried out without analyzing and assessing the needs of the population in educational services and did not significantly improve the situation with the access of rural residents to quality educational services.

Keywords: Russia, territorial development, educational institution, labor education

JEL classification: A14; H75; I25; I28

ВВЕДЕНИЕ

Во все времена и в любой стране перед общеобразовательной организацией стояли непростые задачи. Школа, лицей, училище всегда являлись мощными составляющими элементами единого социального механизма устойчивого развития территорий любого государства.

В современных условиях резкого усиления требований к эффективному решению новых задач странового развития совокупные позиции сельской школы и сельского муниципального образования есть «стороны одной медали» – стратегии современного пространственно-территориального развития Российской Федерации.

Не секрет, что за последние двадцать пять лет неутешительными результатами изменения пространственной организации России стали ее заметное сжатие, фрагментация и чрезмерная поляризация экономического пространства. Тот факт, что развитие сельских территорий страны происходит крайне неравномерно, признается на самом высоком уровне.

Численность сельского населения РФ с 2000 года сократилась на 2,3 млн.чел. и составила 37,1 млн.чел. (2017). Показатель ожидаемой продолжительности жизни среди селян составляет 69,2 года, что на 1 год ниже, чем у городского жителя (71,3 года). По всей стране практически повсеместно и неуклонно идет процесс миграционного оттока экономически активного населения из сельской местности в крупные города (166,6 тыс. чел. в 2016 году; 176,8 тыс.чел. в 2017 году). Доля занятых в основных отраслях сельской экономики (сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство) сократилась с 49% до 23% (с 2000 по 2013 гг.). Среднедушевые располагаемые ресурсы семей, проживающих в сельской местности, составили 14,2 тыс.руб., т.е. на 40% меньше, чем в городской местности (23,6 тыс.руб.).

Представленные негативные процессы идут на фоне депопуляции сельских территорий и малых городов, сокращается общее количество населенных пунктов, в том числе в виду их ликвидации в связи с отсутствием жителей: из 153 тыс. сельских населенных пунктов 12% не имеют постоянного населения; около 60% населенных пунктов имеют население менее 200 чел.; лишь 2% поселений обладают численностью жителей более 2000 чел. (Любовный, В. Я., 2013). Число школ в сельской местности, начиная с 2008 года, сократилось на 12 тыс., и к 2013 году действовало 32 тыс. учреждений общего среднего образования.

До недавнего прошлого в РФ работа по развитию села проводилась в формате Приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса», который трансформировался в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 гг.», утвержденную Постановлением Правительства РФ №717 от 14 июля 2012 года (с последующими изм.). В данной программе имелось важное направление (подпрограмма) «Устойчивое развитие сельских территорий», где основным мероприятием является «Комплексное обустройство населенных пунктов, расположенных в сельской местности объектами социальной, инженерной инфраструктуры и автомобильными дорогами». Однако с 1 января 2018 года акт утратил силу, и в рамках перевода государственных программ на механизмы проектного управления Федеральная целевая программа интегрирована в состав специальной Государственной программы развития сельского хозяйства государственной программы. Ее структура приобрела вид четырех ведомственных проектов.

В начале 2015 года Правительством РФ был утвержден важный нормативно-правовой акт стратегического планирования национального уровня – «Стратегия

устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» (далее – ССТ РФ), целью которой стало формирование единой политики по отношению к сельским территориям на долгосрочный период. Основной идеей Стратегия устойчивого развития сельских территорий РФ является создание условий для стабильного повышения качества и уровня жизни сельского населения на основе преимуществ сельского образа жизни. Миссия акта должна быть обеспечена региональной диверсифицированной политикой развития села, основанной на скоординированных действиях различных министерств и ведомств.

Однако меры государственной поддержки, которые принимаются для развития села и повышения уровня жизни сельских жителей, нельзя считать вполне достаточными. Остается немало вопросов, которые следует решить.

Об этом говорилось в начале 2019 года в Министерстве сельского хозяйства РФ на совещании, посвященном ходу подготовки государственной программы комплексного развития сельских территорий: в частности, сельское население за 10 лет сократилось на 500 тыс. чел.; уровень безработицы в сельских территориях достиг 8%, тогда как в городе этот показатель составляет 4,3%; менее 63% сельских домохозяйств имеют персональный компьютер, в городе же показатель составляет 78,3%.

Экспертами министерства отмечается, что в целом качество жизни на селе в России оставляет желать лучшего в сравнении с городскими условиями (Комитет ГД РФ по образованию и науке, n.d.):

- доля сельского населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума равна 20%, в городе – 11,2%;
- более 67% жилищного фонда в сельской местности не оборудовано всеми видами благоустройства, в городе – менее 21%;
- нормативным требованиям отвечают только 53% местных и около 43% региональных дорог;
- лишь 50% домохозяйств имеют скоростной доступ в интернет, в городе этот показатель равен 80%;
- 400 тыс. сельских школьников вынуждены обучаться в две и даже три смены.

Общий итог: на сегодняшний день в значительном повышении уровня жизни нуждаются более 37 млн. сельских жителей РФ, что составляет более 25% всего населения.

Принимаемые в России государственные меры позволили повысить качество жизни на селе. Однако сегодня необходим комплексный подход к решению вопросов социально-экономического развития сельских территорий России в виде сбалансированной межведомственной программы по их развитию.

Такую программу сегодня разрабатывает Правительство РФ по поручению Президента России в соответствии со Стратегией пространственного развития Российской Федерации, принятой распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р. Новая программа будет соответствовать ее задачам и являться одним из инструментов решения обозначенных в Стратегии пространственного развития РФ проблем. Предварительный объем государственного финансирования для решения поставленных задач на период до 2025 года оценивается в 200 млрд. руб. ежегодных вложений

Стратегия пространственного развития Российской Федерации определила инструменты реализации приоритетов, целей и задач регионального развития страны. В этом важнейшем документе национального стратегического планирования, сочетающем в себе подходы стратегического и тактического территориального регулирования,

разработаны предложения по совершенствованию системы расселения на территории Российской Федерации и приоритетные направления размещения ее производительных сил. Цель Стратегии пространственного развития РФ – обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития страны, сокращение межрегиональных различий в уровне и качества жизни людей, ускорение темпов экономического роста и качества жизни людей, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, обеспечение национальной безопасности (Правительство России, 2019)

1 ОПТИМИЗАЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: ПРОБЛЕМЫ, МЕРОПРИЯТИЯ, РЕАЛИЗАЦИЯ

Несмотря на обширную нормативно-правовую базу развития сельских территорий Российской Федерации и большую активность государственных органов власти, инновационные процессы в экономике села России идут медленно.

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации (*далее* – СПР РФ) сформированы 12 макротерриториальных регионов. Однако автор исследования отмечает, что в перечень перспективных центров экономического роста включены, в основном, перспективные города, образующие крупные и крупнейшие городские агломерации: определено 20 таких центров. В содержательной части СПР РФ подчеркивается, что именно они обеспечат вклад в экономический рост России – более 1% ежегодно. Еще, согласно планам, 31 и 44 перспективных центра в субъектах РФ обеспечат экономический рост до 0,2% и до 1% соответственно. И, наконец, в отношении 27 перспективных центров указано, что в них сформировались условия для экономического роста по минерально-сырьевым и агропромышленным направлениям.

В свете заявленной тематики статьи внимание автора привлекает указание на то, что в рамках реализации СПР РФ предполагаются разработка и утверждение комплекса мер по привлечению людей на территории со значительным экономическим потенциалом, характеризующиеся неблагоприятной демографической ситуацией, посредством стимулирования внутренней и внешней миграции. Очевидно, что речь идет о селянах.

Сразу акцентируем внимание, что ведомственная разобщенность в управлении сельскими территориями и рассредоточение по различным федеральным программам для решения отдельных задач является одной из ведущих причин низкого уровня государственного регулирования развития сельских территорий. Поэтому вызывает опасение, что без должной координации между министерствами и ведомствами, ответственными за реализацию стратегии и запуск эффективных механизмов программирования устойчивого сельского развития, стратегические усилия концептологов могут сойти на-нет. Ведь число различных ответственных структур от лица государства, согласно подсчетам автора статьи, составляет не менее 12.

Устойчивое развитие сельских территорий также невозможно без диверсификации сельской экономики, без развития малого бизнеса, в том числе в альтернативных сферах занятости, без поощрения гражданских инициатив и одновременно четкой политики органов власти, в том числе органов местного самоуправления, по вопросам формирования, оценки, воспроизводства, развития и эффективности использования трудового потенциала территории, развития сельского муниципального образовательного комплекса.

Еще особо отметим, что в последние годы в большинстве регионов России проведена модернизация сети общеобразовательных организаций в сельской местности. В итоге число школ сократилось на 25%. В процессе модернизации они не только

закрывались, но и шел процесс присоединения одних школ к другим – более крупным и имевшим лучшие кадровые и материальные ресурсы. Как показывает распространенная практика, на многих территориях создавались базовые школы и ресурсные центры, организовывался подвоз детей из близлежащих населенных пунктов.

Конечно, базовые школы и ресурсные центры оснащены наиболее современными информационно-коммуникационными средствами для реализации обучающих программ, в том числе в формате дистанционного обучения. Но, к сожалению, проводимая оптимизация сети образовательных организаций на селе не дала должного экономического эффекта. Согласно отчету Счетной палаты РФ о результатах проверки оптимизации в сфере здравоохранения, культуры, образования и социального обслуживания следует, что продекларированная конечная цель в виде повышения качества предоставляемых населению государственных и муниципальных услуг в сфере образования оказалась нереализованной (Счетная Палата Российской Федерации, n.d.). Мероприятия по оптимизации системы образования проходили без анализа и оценки потребностей населения в образовательных услугах и не улучшили в значительной степени ситуацию с доступностью сельских жителей к качественным образовательным услугам. А в целом проведенные мероприятия по реформированию сельских школ не повысили эффективность деятельности образовательных организаций на селе.

Более того, по настоящее время около 6000 населенных пунктов с численностью населения от 300 до 1500 человек не имеют учреждений общего образования. Отчасти помощь в решении организационной проблемы возможна в виде открытия так называемых учительских домов, развитии методов семейного обучения и использовании дистанционных технологий. Отрадно, что в немалой части сельских школ удалось сохранить профессиональные педагогические кадры, активизировать взаимодействие с сельской общественностью и, главное, укрепить материальную базу и усовершенствовать инновационные образовательные технологии. Это особенно значимо в современной социально-экономической ситуации, складывающейся в муниципальных образованиях сельской местности РФ и их образовательном сегменте.

2 СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА – ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШЕЕСЯ БАЗОВОЕ ЗВЕНО ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

Научно-исследовательский интерес российских исследователей к аспектам интеграции общего образования и сельскохозяйственного производства не иссякает уже многие годы.

В исследованиях российских ученых Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН РАН) система компонентов трудового потенциала представляется в виде «дерева» свойств, вершиной которого является наиболее общее свойство – социальная дееспособность.

Социальная дееспособность – интегральный показатель качества трудового потенциала (Маслова, И.С., 1993). В основе его структуры лежит концепция качественных характеристик населения, разработанная специалистами ИСЭПН (Маслова, И.С., 1987).

Компонентами первого уровня служат качественные характеристики, подлежащие непосредственному измерению (Федеральная служба государственной статистики, n.d.):

- физическое здоровье;
- психическое здоровье;
- когнитивный (образовательно-квалификационный) потенциал;

- творческие способности (креативность);
- коммуникабельность;
- культурный уровень;
- нравственный уровень;
- потребность в достижении (социальные притязания), т. е. стремление человека занять определенное место в социальной структуре общества.

В современных условиях ускорения научно-технического прогресса и увеличения сложности современных технологий взаимосвязь между средним общим образованием и дальнейшим формированием трудового потенциала не оспаривается ни педагогическими, ни экономическими, ни техническими науками. Однако связь между уровнем образования на селе, ростом трудового потенциала того или иного экономического района и, тем более, их взаимным влиянием на социально-экономическое развитие территории в лице конкретных сельских муниципальных образований РФ изучены недостаточно и содержат особый, специфический пробел в виде отсутствия системного отражения трудового образования.

В истории мирового образования может быть прослежена взаимосвязь между социально-экономическими и социальными изменениями в обществе и построением образовательных систем. Особенно отчетливо это проявляется в истории систем трудовой подготовки учащихся сельских образовательных учреждений, которые создавались в основном для выполнения конкретного социального заказа в каждый период развития общества. Историко-педагогический анализ процесса трудового воспитания во второй половине 80-х гг XX – начале XXI века свидетельствует как о позитивных, так и негативных аспектах трудового воспитания в российской школе. Опыт советского прошлого в части образовательного реформирования помогает исследователям отчасти восполнить пробелы в теории и практике регулирования трудового воспитания и трудового потенциала.

В советском прошлом России система трудового образования в общеобразовательных учреждениях страны, хотя имела периодические волны снижения интереса, но в целом развивалась системно, с внедрением ряда новаций и при активной поддержке органов местного административно-территориального управления. Если же говорить о сельских властных структурах, то они, как правило, принимали конкретные управленческие решения по развитию трудового образования, его связи с производством, способствуя тем самым укреплению трудового потенциала своей сельской территории. Благодаря созданию хорошей материальной базы (земельные наделы, обеспечение сельскохозяйственной техникой, обустройство теплиц и пр.) можно было организовывать совместный производительный труд детей и взрослых, проводить опытническую работу на учебных участках и – далее – осуществлять как материальное, так и моральное поощрение обучающихся. Результатом такой работы являлось прямое и опосредованное развитие трудового потенциала территории: увеличение контингента, получившего образование в учебных заведениях сельскохозяйственного профиля и работающего в сельской местности; повышение предпринимательской активности выпускников на селе; увеличение со стороны домохозяйств объема и номенклатуры сельскохозяйственной продукции и т.д. В свою очередь, накопленный и воспроизводимый трудовой потенциал оказывал влияние на социальное и экономическое развитие муниципального образования и способствовал его устойчивости, как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе.

В советский период российского государства особенно ярко проявлялся социальный заказ сельской школе, который трансформировался в определенные цели трудового

обучения, направленные на подготовку выпускников к виду деятельности, наиболее востребованному обществом в конкретный период⁴⁴.

В 1984 году в СССР была инициирована важнейшая образовательная реформа, на реализацию которой педагогическое сообщество возложило значительные надежды. Реформирование системы общеобразовательных и профессиональных школ предусматривало соединение общего обучения с производительным трудом и переход ко всеобщему профессиональному образованию молодежи. В ходе реформ была предпринята попытка разрешить острые социально-экономические проблемы, превратить систему трудовой подготовки в систему подготовки обучающихся к труду квалифицированных рабочих сельскохозяйственного производства. В систему трудовой подготовки в СССР середины 80-х гг. XX века были введены трудовое и начальное профессиональное обучение, работа в учебно-производственных бригадах и школьных лесничествах, специализированные факультативы и кружки, общественно-полезный производительный труд в сельском хозяйстве. Ведущими элементами стали (а) профессиональное обучение массовым профессиям агропромышленного комплекса и (б) труд в составе учебно-производственных бригад. Такому вектору в профессиональном обучении содействовала организация профессионально-ориентационной работы и развитие межпредметных связей в организации образовательного процесса.

К сожалению, советская государственная действительность, выставив перед советской школой новые задачи, в том числе в области трудового воспитания, внесла и серьезный пласт противоречий в ход реформирования: с одной стороны, признавалась необходимость реформы системы образования, а с другой – было предложено проводить ее на основе старых идеологических постулатов. Школам рекомендовалось организовать процесс обучения таким образом, чтобы оно соединялось с систематическим производственным общественно полезным трудом, посильным для каждого возраста с целью «привития любви к труду и уважения к людям труда; ознакомления учащихся с основами современного промышленного и сельскохозяйственного производства, строительства, транспорта, сферы обслуживания; формирования у них в процессе учебы и общественно полезной работы трудовых навыков и умений; побуждения к сознательному выбору профессии и получения первоначальной профессиональной подготовки» (Верховный Совет СССР, 1984)

В переломный исторический момент 80-х гг. XX века советская школа, не имевшая в своей системной массе крепкой материальной базы, но «привыкшая» организационно и идеологически формировать трудовой потенциал села, а также готовить необходимые кадры для определенного этапа развития села, не смогла без указки «сверху» предложить четкую и внятную программу трудового воспитания учащихся – для новых задач экономики страны, для реализации новых личностных интересов молодежи. Жестко регламентированный, с элементами принуждения, общественно полезный труд не вызывал у учащихся отношения к труду как к потребности в самореализации. Дальнейшая массовая практика организации трудового воспитания в образовательных учреждениях так и не учла индивидуальных предпочтений обучающихся в выборе той или иной формы производительного труда и согласованной субъективно-объективной потребности в самостоятельном выборе будущей профессии. При этом цель в виде воспитания свободной личности с ярко выраженной потребностью в труде, к сожалению, реформой 1984 года даже не ставилась.

44

Личные интересы учащихся и их семей, как правило, не учитывались. В то же время, отметим, что в целом перед системой сельских школ СССР ставились задачи, направленные на разрешение острых проблем, связанных с развитием всей страны.

В конечном итоге, сложившиеся противоречия – модернизация трудового воспитания, нацеленность на обучение массовым рабочим профессиям и выработку навыков и умений несложного труда в эпоху индустриализации в противовес индивидуальным предпочтениям обучающихся и воспитанию свободной личности – вызвали обратный эффект в виде усиления негативного отношения к трудовой практике.

Делаем вывод. Без поддержки со стороны государства реализовывать мероприятия по модернизации трудового воспитания невозможно. Но если государство не спешит изменять «правила игры», отставляя в сторону идеологические ориентиры и отношение к труду, не рассматривая его не только как священную обязанность человека, но и как альтернативу в самостоятельном выборе трудовой деятельности, то трудовой потенциал деформируется, парализуется и даже иссякает.

3 РОЛЬ И МЕСТО ТРУДОВОГО ВОСПИТАНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ И ЭКОНОМИЧЕСКОМ УСТРОЙСТВЕ ГОСУДАРСТВА

Система трудового воспитания должна вести учащихся к обдуманному выбору профессии и соответствующего учебного заведения для продолжения образования. В сфере трудового воспитания задача участия учащихся в организованном производительном, общественно-полезном труде в школе или вне ее – задача важная, неоспоримая. Именно здесь может происходить процесс воспитания труда-работы и труда-заботы, воспитания трудолюбия, добросовестности, исполнительности, качеств столь необходимых для формирования трудового потенциала в воспроизводстве трудовых ресурсов сельских территорий.

Трудовое воспитание как часть образования предполагает подготовку к эффективной трудовой деятельности в прогнозируемых государством условиях. Вне подготовленного массового сознания и компетенций развитие экономики нереально, поэтому государство должно предоставить четкие ориентиры развития человеческого и трудового потенциала гражданину, обществу, образованию.

Необходимость функционировать в условиях непредсказуемых ситуаций и стратегий требует безусловной самостоятельности индивида. Это может быть обеспечено умением видеть проблему, превращать ее в набор задач и создавать технологии, способы их решения, принимать решения и владеть ИКТ.

Понятно, что образование не может менять экономическое и социальное устройство государства, его организацию и стратегию. Образование транслирует опыт. Но при смене экономических и социальных принципов жизни страны взоры устремляются на образование, поскольку от его оперативности и квалификации зависит судьба изменений. От трудового воспитания как части общего образования зависит создание трудового потенциала для функционирования экономики.

В сегодняшней России управление формированием и развитием трудового потенциала на уровне сельского муниципального района осуществляется непосредственно районными отделами управления образованием, труда и социального развития.

Из недостатков в практике работы органов местного самоуправления отметим, что муниципалитеты управляют в основном количественной стороной трудового потенциала района. Отметим, что в практике работы муниципалитетов крайне редко используются методы оценки трудового потенциала сельского муниципального

района⁴⁵. Также управление качественной стороной трудового потенциала муниципального района касается лишь регулирования профессионально-квалификационной структуры занятости, но почти повсеместно не ведется учет характеристик творческого потенциала работников, их социальной активности и способности к сотрудничеству.

В то же время на местах имеет место добротная и адекватная прогрессивным устремлениям практика подготовки учащихся к труду и сознательному выбору профессии, включая сформировавшийся в отдельных муниципальных образованиях опыт: например, анализ работы органов власти сельских районов Нижегородской области России выявил опыт реализации Продовольственной программы в Бутурлинском районе, развитие подсобного пришкольного хозяйства в Шатковском и Городецком муниципальном районах, образовательные программы по благоустройству сельской усадьбы в Богородском районе⁴⁶.

Если руководство сельского муниципального района понимает проблемы формирования трудовых ресурсов молодежи и важность создания условий для выбора образовательных траекторий, то в деятельность муниципальных органов власти вносится учет необходимости поэтапного и неустанного повышения качества образования. Это, вне сомнения, напрямую накладывается на цели развития сельской территории и вне эффективного образовательного пространства муниципального района невозможно противостоять миграции выпускников из села или формированию слоя «ненужных людей».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сейчас много говорят о возврате к традиционным воспитательным подходам, в том числе и к трудовому воспитанию. Законодатели России предлагают ввести в школах, детских садах и других учебных учреждениях предмет «трудовое воспитание», и законопроект об этом в настоящее время внесен в Государственную Думу РФ. Эксперты Министерства просвещения РФ называют идею правильной и поддерживают поправки в Федеральный закон «Об образовании в РФ»: предлагается ввести понятие «трудовое воспитание» как «процесс организации и стимулирования трудовой деятельности обучающихся, который направлен на приобретение обучающимися навыков и формирование компетенции, добросовестного отношения к работе, развитие творческих способностей, инициативы, стремления к достижению более высоких результатов» (Комитет ГД РФ по образованию и науке, n.d.)

⁴⁵ Необходимо заметить: теория трудового потенциала находится в стадии формирования, и еще нет единства мнений по ее концептуальным основам. Более того, не разработаны общепризнанные теоретико-методологические подходы к пониманию сущности и структуры трудового потенциала региона, а также механизмов его оценки.

⁴⁶ Тематики заседаний и совещаний районных органов власти Нижегородской области РФ свидетельствуют о целенаправленной систематической работе по организации образовательной деятельности и профессиональной ориентации учащихся со стороны руководства сельских районов: рядовой пример – распоряжением №642-р от 13 декабря 2000 года главы Администрации Сосновского муниципального района был открыт и по настоящее время успешно действует сельский школьный учебно-производственный центр, который создан в целях оздоровления социально-экономической ситуации на селе, повышения эффективности трудового и профессионального обучения учащихся школ района, молодежи села и их социальной защиты. Центр готовит сельских учащихся к рациональному ведению сельского хозяйства путем включения учащихся и мастеров производственного обучения в трудовые объединения. Одним из положительных результатов работы Центра можно считать обучение безработного населения близлежащих сел, дальнейшее успешное обучение выпускников школ муниципального района в специализированных сельскохозяйственных техникумах и вузах с дальнейшим трудоустройством в муниципальных сельскохозяйственных предприятиях.

Кроме того, в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта РФ к личностным результатам освоения основной образовательной программы основного общего образования с учетом трудового воспитания обучающихся относится формирование у обучающихся представлений о ценности труда в жизни человека и общества; уважения к труду и людям труда на основе осознания важности добросовестного труда, бережного отношения к результатам труда; трудолюбия и ответственности, навыков самообслуживания; интереса к различным профессиям⁴⁷.

Трудовое воспитание, по мнению законодателей, лежит в основе гражданского и нравственного становления личности. Поэтому трудолюбие в гражданах надо воспитывать с детства. Для этого на законодательном уровне планируется закрепление таких понятий, как «общественно полезный труд», «труд по самообслуживанию», особенности организации трудового воспитания детей.

Цель сельской школы – это воспитание сельского жителя. Выпускник сельской школы должен быть уверен в том, что если он останется работать в селе, государство будет заинтересовано в его труде, развитии его трудового потенциала, благосостоянии, создавая условия для экономически эффективного и социально значимого труда.

ЛИТЕРАТУРА

- Верховный Совет СССР, (1984). Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы: Постановление Верховного Совета СССР № 13-XI от 12 апреля 1984 г., URL: <http://lawru.info/dok/1984/04/12/n1183332.htm>
- Комитет ГД РФ по образованию и науке, (n.d.). [официальный сайт], URL: <http://www.komitet8.km.duma.gov.ru/>
- Любовный В.Я., (2013). Города России: альтернативы развития и управления. – М.: Экон-Информ.
- Маслова И.С., (1993). Особенности российского рынка труда // Человек и труд. 1993. №3. с. 24-29.
- Маслова И.С., (1987). Трудовой потенциал советского общества: Вопросы теории и методологии исследования. – М.: Ин-т экономики РАН, 32 с.
- Правительство России, (2019). Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года. – URL: <http://government.ru/docs/35733/>
- Счетная Палата Российской Федерации, (n.d.). [официальный сайт]. Мониторинг достижения национальных целей (на 29.04.2019), URL: <http://ng.ach.gov.ru/?ntParamDevice=mobile&lang=ru>
- Федеральная служба государственной статистики, (n.d.). [официальный сайт]. Методологические положения по статистике (вып. 1), URL: <http://www.gks.ru>

⁴⁷ С этим трудно не согласиться, но при одном непременном условии: необходимо учитывать мнение самого ребенка и его родителей при организации трудового воспитания в сельской местности.

Author:

Ph.d., Shobonov N.A., professor,
Lobachevsky State University Of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod. Russia;
Tel.: +7(903)847-65-68 Nizhny Novgorod. Russia
shobonov_n@mail.ru

VPLYV INTELIGENTNÉHO PRIEMYSLU NA TRH PRÁCE A VZDELÁVANIE

IMPACT OF THE INTELLIGENT INDUSTRY ON THE LABOR MARKET AND EDUCATION

Lukáš Veteška

Abstract

Purpose of the article The main focus of the article is to map the changing needs of the labor market because of introducing the technologies and procedures of the Intelligent Industry and to analyze the readiness of the Slovak labor market and the education system to meet these needs.

Methodology/methods To process the article were used traditional scientific methods of induction, comparison and graphical. Based on statistical data from official sources, an analysis of phenomena and processes was performed.

Scientific aim The main aim of the article is to identify the demands of the Intelligent Industry on the labor market and the resulting structural changes in the education process.

Findings The industrial production sector is crucial for the functioning of the Slovak economy. It is therefore very important to respond flexibly to all technological trends in order to maintain the competitiveness of the Slovak economy on world markets. The level of employees' ability to use new technologies is below average and therefore it is important to focus on lifelong learning, which is, however, underdeveloped in Slovakia. The intelligent industry requires higher qualifications, but the number of tertiary graduates is declining every year.

Conclusions (limits, implications etc.) The Slovak education system should be reformed to meet the requirements of a rapidly changing environment and to attract more applicants for study to increase level of qualification in the labor market. The government should focus on increasing labor market flexibility by improving transport infrastructure to allow people to move more freely.

Keywords: Intelligent industry, labor market, education system,

JEL Classification: L60, O30, O31, O33, O38

ÚVOD

Priemysel je súčasťou hospodárstva produkujúca hmotné tovary za využitia vysoko mechanizovaných a automatizovaných výrobných procesov. Už od začiatku industrializácie viedli technologické skoky k zmenám paradigiem, ktoré sú dnes ex post nazývané „priemyselné revolúcie“. Na základe pokročilej digitalizácie v továrňach, kombináciou internetových technológií a technológií orientovaných na budúcnosť v oblasti inteligentných objektov (strojov a výrobkov) vedie k novému zásadnému posunu paradigmy v priemyselnej výrobe. Pre túto revolúciu bol vo svete zavedený termín „Priemysel 4.0“. Slovenská republika však rokovaním vlády v roku 2016 prijala oficiálne pomenovanie Inteligentný priemysel. Ten predstavuje z hľadiska priemyslu technologickú evolúciu, avšak kvôli jej celospoločenským dopadom môžeme všeobecne hovoriť o revolúcii. Táto revolúcia prináša významné zmeny, ktoré budú mať širokospektrálne ekonomické, ale aj sociálne dopady. (Lasi H. et al., 2014)

Zmeny vo výrobných procesoch majú potenciál priniesť mnoho ekonomických benefitov, ako napríklad zvýšenie produktivity a pod., avšak tieto technológie takisto spôsobia štrukturálne zmeny na trhu práce, z dôvodu diametrálne odlišných požiadaviek na pracovnú silu, ktoré budú vyžadované inteligentným priemyslom. Dôležitým determinantom pri udržaní si konkurencieschopnosti ekonomiky v globálnom rozsahu bude schopnosť adaptácie na dané zmeny, ktorá bude závisieť od miery flexibility pracovného trhu a vzdelávacieho systému. Inteligentné továrne ako základná jednotka Inteligentného priemyslu budú viac inteligentné, flexibilné a dynamické. Výroba bude využívať senzory, kamery a akčné členy, ktoré budú súčasťou plne autonómnych systémov. Stroje budú schopné zlepšovať výrobné procesy prostredníctvom seba-optimalizácie a autonómneho rozhodovania. (Roblek et al., 2016)

1 CIEĽ A METODIKA

Hlavným cieľom príspevku je identifikovať požiadavky Inteligentného priemyslu na trh práce a z toho vychádzajúce potrebné štrukturálne zmeny v procese vzdelávania. Parciálnymi cieľmi príspevku je:

- a) oboznámiť čitateľa o hlavných prvkoch Inteligentného priemyslu a jeho podstaty,
- b) identifikovať možnosti zvýšenia flexibility trhu práce,
- c) identifikovať hlavné bariéry v oblasti vzdelávania v kontexte digitalizácie a navrhnúť opatrenia pre ich prekonanie,
- d) preskúmať aktuálnu situáciu v oblasti vzdelávania a pripravenosť Slovenska na nástup digitalizácie.

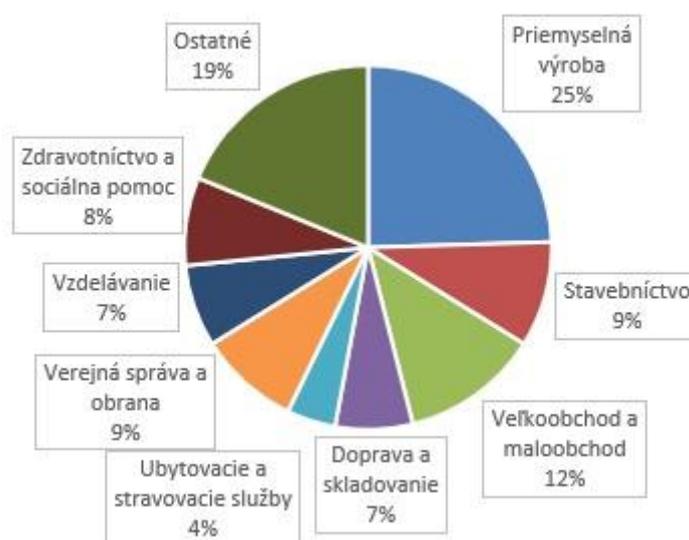
Pri skúmaní danej problematiky v rámci kvantitatívneho výskumu, boli použité bežné vedecké metódy. Na základe relevantných dát z oficiálnych zdrojov ako napríklad Eurostat alebo Štatistický úrad SR bola vykonaná analýza javov a procesov, ktorá zahŕňala rozklad celku na jeho jednotlivé časti a prvky s cieľom oboznámiť sa čo najdokonalejšie s danou problematikou. Z pomedzi ďalších vedeckých metód skúmania boli využité indukcia, komparácia a grafické metódy. Na vyhodnotenie kvantitatívnych dát a ich grafickú prezentáciu bola využitá aplikácia Microsoft Excel.

2 VÝSLEDKY A DISKUSIA

Hlavnými prvkami Priemyslu 4.0 sú: vertikálne prepojenie inteligentných výrobných systémov, horizontálna integrácia prostredníctvom novej generácie globálnych sietí, aplikácia techniky v celom životnom cykle výrobku a zrýchlenie cez exponenciálne technológie. Priemysel 4.0 predstavuje intenzívne využitie nových technológií ako napríklad kyberneticko fyzikálnych systémov, Internet of Services, Internet of Things, Big data, robotiky a autonómnych technológií. (Bartodziej C., 2017)

Dnes sa všetky vyspelé štáty vo svete intenzívne zaoberajú problematikou aplikácie inteligentných technológií v ekonomike. Každý štát pracuje na vlastnej stratégii, ktoré zahŕňajú celý rad opatrení na podporu inteligentného priemyslu, avšak tie musia byť v súlade s nadradeným legislatívnym rámcom Európskej únie. Jedná sa hlavne o predpisy prijímané v rámci balíčka Jednotného digitálneho trhu, napr. Nariadenie ePrivacy, Európsky kódex pre elektronické komunikácie, Nariadenie o voľnom toku dát a Dátový tok v dohodách o voľnom obchode EÚ. (Ministerstvo hospodárstva SR, 2016) Tieto dokumenty sú významné pre budúce smerovanie slovenského priemyslu a jeho konkurencieschopnosť na svetových trhoch, ale aj konkurencieschopnosť EÚ samotnej. Signifikantným faktorom je schopnosť priemyslu vyvíjať sa a inovovať, čo bude možné len v prípade vytvorenia vhodného ekosystému z ostatných oblastí, ktorý bude podporovať rozvoj Inteligentného priemyslu.

Za najviac progresívnu krajinu v oblasti zavádzania digitalizácie v priemysle sa považuje Nemecko, v ktorom je priemysel pilierom ekonomiky. Tamojšia vláda prijala iniciatívu pod názvom Industrie 4.0 už v roku 2011. Slovenská republika patrí taktiež ku krajinám, pre ktoré je priemysel životne dôležitý, avšak v porovnaní s Nemeckom je adaptácia legislatívneho prostredia pomalšia, keďže Vláda SR prijala obdobnú iniciatívu pod názvom Akčný plán inteligentného priemyslu SR až koncom roka 2016. V nasledovnom grafe vidíme štruktúru zamestnanosti podľa odvetvia. Graf vychádza z dát zverejnených Štatistickým úradom SR, ktoré boli pre účel zlepšenia prehľadnosti v grafe upravené a to zlúčením menších odvetví (do 100 tisíc zamestnancov) do kategórie Ostatné.

Graf 1: Rozdelenie pracujúcich podľa odvetvia 2018

Zdroj: vlastné spracovanie podľa dát Štatistického úradu SR

Počet ľudí zamestnaných v priemysle predstavuje až 629,40 tisíc ľudí. Z daných dát je badateľné, že priemyselná výroba je kľúčovou súčasťou slovenskej ekonomiky a preto jej konkurencieschopnosť v budúcnosti bude silne korelovať so schopnosťou adaptovať sa na nové

technológie, ktoré prináša Inteligentný priemysel. Ministerstvo hospodárstva SR preto vypracovalo spomínanú koncepciu inteligentného priemyslu pre Slovensko, ktorá bola následne schválená vládou na zasadnutí 26.10.2016. Táto koncepcia bola vytvorená spoločne pre verejný sektor, priemysel a akademickú obec, a predstavuje začiatok celoštátnej iniciatívy, ktorá si kladie za cieľ transformovať priemysel na Slovensku za pomoci najnovších technologických nástrojov vrátane digitalizácie a taktiež pomôcť prispôsobiť sa všeobecne zmenám, ktoré táto transformácia prinesie. Akčný plán inteligentného priemyslu SR predstavuje súbor opatrení zameraných na zlepšenie podmienok na implementáciu digitalizácie a zvýšenie konkurencieschopnosti. Tieto opatrenia zahŕňajú napríklad zníženie byrokratickej záťaže úpravou legislatívy, definovanie štandardov, zmenu vzdelávacích programov a trhu práce, spolufinancovanie výskumu, vytváranie Centier digitálnych inovácií (CDI), atď.

S blížiacimi sa inováciami je jedným z najdôležitejších faktorov prepojenie vzdelávacieho systému s potrebami a požiadavkami trhu práce. Digitálna transformácia priemyslu znamená komplexnú zmenu vnímania aj v oblasti trhu práce a vzdelávania. Budú sa vytvárať nové povolania, ktoré doteraz neexistovali samostatne, a zároveň po niektorých tradičných povolaniach bude naopak dopyt klesať. V dnešnom rýchlo vyvíjajúcom sa prostredí je nutnosťou, aby bol vzdelávací proces flexibilnejší a ponúkal viac možností aj v pokročilom veku. Základom procesu reformy vzdelávania je identifikácia potrieb vzdelávania, ktoré sa s nástupom Inteligentného priemyslu radikálne menia.

Miera znalosti potrieb trhu práce je nedostatočná, vzdelávací systém je zastaralý a na dnešnú dobu sa vyznačuje nízkou mierou flexibility. Absentujú významné dokumenty na národnej báze, ktoré by určovali koncept digitálneho vzdelávania, digitálnej gramotnosti a zameriavali by sa na požiadavky moderného trhu práce - Práca 4.0. S pripravenosťou na príchod Inteligentného priemyslu zaostávame aj za Českou republikou, v ktorej Ministerstvo práce a sociálnych vecí (MPSV) vypracovalo Iniciatívu Práca 4.0, ktorá pojednáva o možných dopadoch kybernetizácie a informatizácie na trh práce a na vybrané sociálne aspekty, pričom zároveň prichádza s návrhmi rôznych opatrení na podporu prepojenia dopytovaných znalostí a schopností s ponukou na trhu práce. (MPSV, 2016) Podobný dokument, ktorý by stanovil konkrétnu podrobnú koncepciu v oblasti pracovného trhu v novej ére digitalizácie na Slovensku chýba.

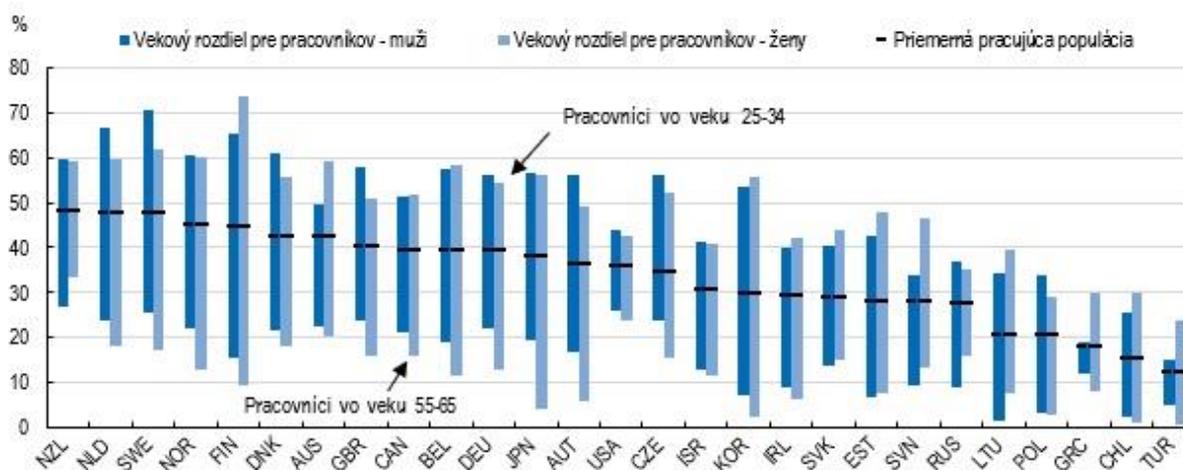
Podľa odhadov 14% pracovníkov je vystavených vysokému riziku, že ich pracovné úlohy budú nahradené automatizáciou v najbližších 15 rokoch. Ďalších 30% pracovníkov bude čeliť veľkým zmenám vo vykonávaných pracovných postupoch, ktoré budú vyžadovať rekvalifikáciu alebo ďalšie vzdelávanie. Približne polovica všetkých pracovníkov sa bude musieť výrazne adaptovať na nové pracovné prostredie v dôsledku digitalizácie. Nové pracovné pozície, ktoré vzniknú však budú vyžadovať diametrálne odlišnú kvalifikáciu od tých, ktoré zaniknú. Z tohto dôvodu bude zamestnanie ľudí, ktorí o prácu prišli, oveľa náročnejšie, keďže tí budú musieť podstúpiť opäť určitú formu vzdelávacieho procesu. Odhaduje sa, že v budúcnosti dôjde k väčšej polarizácii pracovných trhov, čo znamená, že počet pracovných pozícií vyžadujúcich strednú mieru schopností a zručností sa zníži.

Z dôvodu týchto štrukturálnych zmien je potrebné identifikovať možnosti, ako zlepšiť flexibilitu trhu práce, aby bol schopný rýchlejšie sa prispôsobiť na zmeny potrieb zamestnávateľov. Základné možnosti zvýšenia flexibility trhu:

- a) uľahčenie presunu pracovnej sily vybudovaním vhodnej dopravnej infraštruktúry, najmä dostavaním diaľnice spájajúcej Západ a Východ krajiny, zlepšením prepravných služieb po železnici, a pod.
- b) investovanie do zručností, aby boli ľudia správne pripravení na úspešný pohyb v neustále sa meniacom pracovnom prostredí hojne využívajúcom digitálne technológie,

- c) posilnenie sociálnej ochrany pre ľudí, ktorá má zásadný význam pre ľudí, ktorí prišli v dôsledku štrukturálnych zmien o prácu, aby bol ich prechod medzi pracovnými miestami hladký,
- d) regulácia trhu práce v budúcnosti, keďže nové technológie sú natoľko prevratné, že je potrebný nový pohľad na existujúce právne predpisy, ktoré ho upravujú,
- e) podporenie sociálneho dialógu medzi zástupcami zamestnávateľov, zamestnancov a vlády.

Aby sme mohli zhodnotiť mieru pripravenosti trhu práce na novú éru digitalizácie, musíme vykonať komparáciu s inými krajinami. Pre tieto účely sme využili štúdiu OECD, ktorá metódou dotazníkov skúmala úroveň schopností pracovníkov pri vykonávaní pracovných úloh v súvislosti s informatizáciou. Podľa rovnakých kritérií bol následne dotazník vyhodnotený a dané schopnosti riešiť problémy v pracovnom prostredí bohatom na technológie boli ohodnotené podľa stupnice od úrovne 1 až po úroveň 3 podľa schopností.

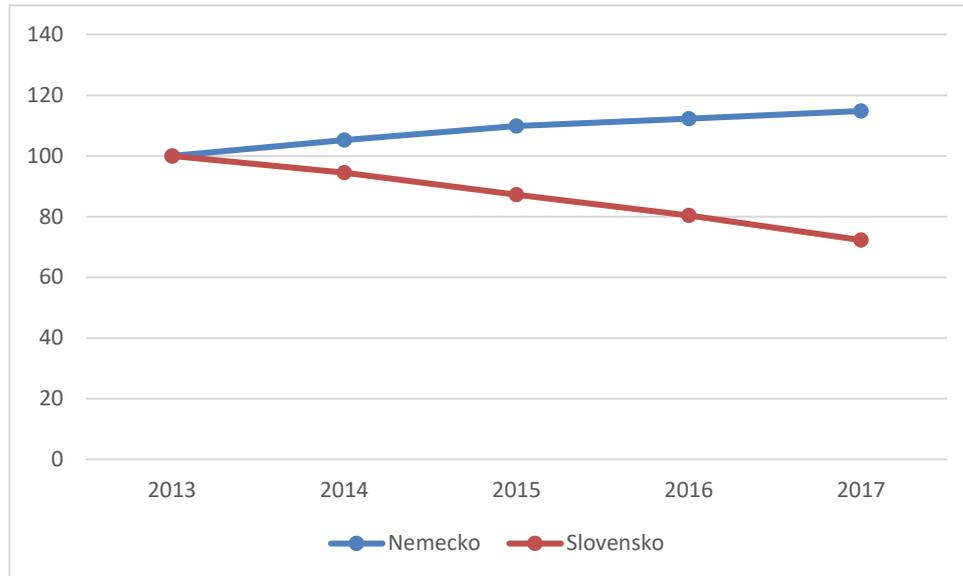

Graf 2: Percentuálny počet pracovníkov so strednými až vysokými schopnosťami pri riešení problémov v pracovných prostrediach bohatých na technológie

Zdroj: vlastné spracovanie podľa dát OECD

Z daného grafu môžeme konštatovať, že na Slovensku je miera schopností pracovníkov riešiť problémy v pracovných prostrediach bohatých na technológie pomerne nízka, čo znamená, že pracovný trh ešte nie je pripravený na prichádzajúcu vlnu digitalizácie. Môžeme vidieť, že Slovensko zaostáva za krajinami Západnej Európy a Škandinávie. Hlavným dôvodom daných výsledkov je pravdepodobne nedostatočné investovanie do vzdelávania a podpory celoživotného vzdelávania.

Inteligentný priemysel vyžaduje vyššiu kvalifikáciu pracovnej sily, avšak situácia v slovenskom školstve je opačná. Terciárne vzdelávanie zaznamenáva dlhodobý klesajúci záujem zo strany absolventov stredných škôl. Komparáciou počtu absolventov vyprodukovaných terciárnym vzdelávaním zistujeme, že v porovnaní s lídrom v zavádzaní Priemyslu 4.0, Nemeckom, dosahujeme opačný trend. Kým v Nemecku každým rokom stúpa počet absolventov vysokých škôl, čím sa zvyšuje úroveň kvalifikácie na trhu práce, na Slovensku počet absolventov stále klesá. V porovnaní s rokom 2013 je počet absolventov vysokých škôl nižší o 28,72%, kým v Nemecku naopak počet absolventov stúpol o 14,79%. Rok 2013 sme vybrali ako bázu.

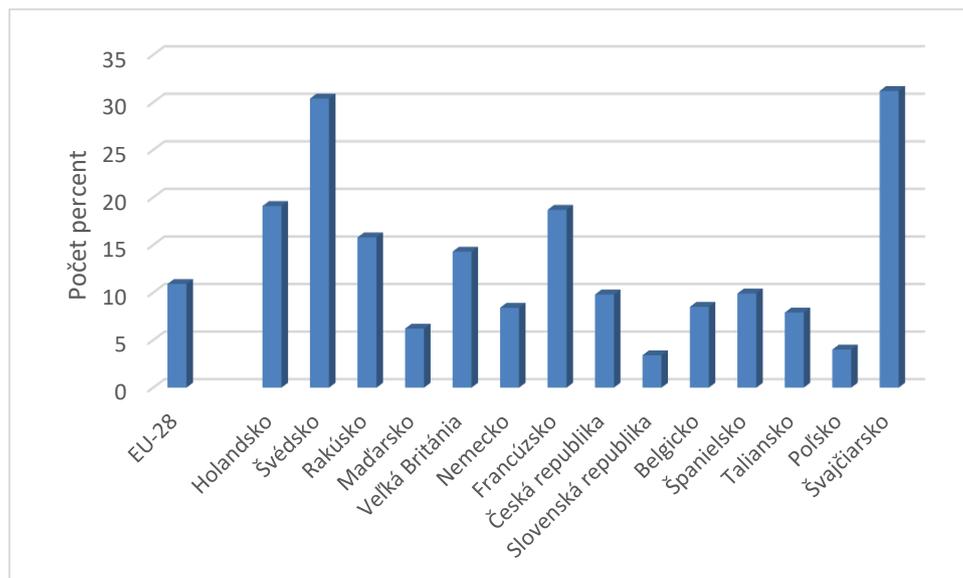

Graf 3: Počet absolventov terciárneho vzdelávania 2013-2017

Zdroj: vlastné spracovanie podľa dát Eurostatu

Tieto výsledky znamenajú, že miera kvalifikácie sa na slovenskom trhu práce každým rokom znižuje, čo je v rozpore s konceptom Inteligentného priemyslu, ktorý naopak vyžaduje zvýšenú úroveň kvalifikácie. V prípade udržania tohto negatívneho trendu môžeme tvrdiť, že pozícia Slovenska na svetových trhoch je v budúcnosti ohrozená a pokiaľ nenastane zmena, môže nastať dokonca zvýšenie miery nezamestnanosti a zníženie životnej úrovne obyvateľstva. Vláda sa daný trend snaží zvrátiť a pristupuje k danej problematike proaktívne, v roku 2018 za účelom reformy vzdelávania Ministerstvo školstva SR vytvorilo expertnú pracovnú skupinu pre terciárne vzdelávanie, ktorá je zložená zo zástupcov rezortov školstva a práce, zamestnávateľov, vysokých škôl, Národnej rady Slovenskej republiky a odborov. Cieľom skupiny je navrhnúť koncepciu vzdelávania, ktorá bude viesť k výrazným štrukturálnym zmenám v terciárnom vzdelávaní, ktoré zabezpečia zosúladenie s potrebami trhu práce. (Ministerstvo školstva SR, 2018).

Dôležitým determinantom pružnosti trhu práce je miera zapojenia ľudí v produktívnom veku do celoživotného vzdelávania. V budúcnosti bude musieť byť kladený väčší dôraz na vzdelávanie aj počas kariérneho života, pričom kľúčom k úspechu bude celoživotné vzdelávanie, rekvalifikácie a pod. Už dnes môžeme badať situáciu, kedy starší ľudia majú problémy s adaptáciou na nové technológie, čo ich znevýhodňuje pri uplatnení sa na trhu práce.

Graf 4: Participácia dospelých vo veku 25-64 rokov na vzdelávaní

Zdroj: vlastné spracovanie podľa dát EU labour force survey

Podľa prieskumu realizovaného EU labour force survey sa na Slovensku za 4 týždne pred uskutočnením dopytovania zapojilo do vzdelávania len 3,4% ľudí vo veku od 25 do 64 rokov, pričom priemerná hodnota v EÚ dosahuje 10,9%. Tento ukazovateľ dokazuje nepripravenosť vzdelávacieho systému a trhu práce na výzvy, ktoré prináša Inteligentný priemysel.

Na základe zistených skutočností navrhujeme reformáciu školského systému so zameraním na systém motivácie absolventov stredných škôl, aby bol opäť nastolený stúpajúci trend študentov terciárneho vzdelávania a tým zvyšovaná kvalifikačná úroveň uchádzačov o zamestnanie. Cieľom reformy by malo byť aj zatriktívnenie celoživotného vzdelávania a jeho propagácia pomocou marketingových kampaní, ktoré by zvýšili povedomie o tejto možnosti u bežných ľudí v pokročilom veku. Ďalším cieľom reformy by mala byť snaha o zosúladenie procesu vzdelávania s potrebami trhu práce. Výrazne zlepšiť situáciu by malo aj zvýšenie investícií do oblasti vzdelávania a taktiež vedy a výskumu. Tento sektor je dlhodobo podfinancovaný, čo sa ukazuje ako jedna z hlavných príčin súčasnej situácie.

ZÁVER

Digitalizácia priemyslu a celého dnešného sveta je témou diskusií mnohých teoretikov, niektorí tvrdia, že ľudstvo stojí na prahu štvrtej priemyselnej revolúcie, avšak nie je tomu tak. Transformácia priemyslu začala už pred niekoľkými rokmi postupnou automatizáciou a stále väčším využívaním informačných technológií pri skoro každej pracovnej činnosti. Pravdou však je, že táto transformácia stále prebieha a vôbec ešte nie je ukončená. Najväčšie technologické zmeny a ich nasadenie ešte len príde.

Dnes je však už jasné, že táto zmena bude mať celospoločenský význam a spôsobí štrukturálne zmeny najmä na trhu práce. Kľúčovým faktorom pri udržaní si konkurencieschopnosti národnej ekonomiky na svetovom trhu je adaptácia a pružné reagovanie na tieto zmeny. K tomu musí prvý krok ústiť z iniciatívy vlády, ktorá musí prispôbiť a novelizovať legislatívu a podmienky na trhu práce. Trh práce je navyše úzko spojený aj so vzdelávacím systémom, takže je nutná reforma aj v tejto oblasti.

Výskumom sme zistili, že aj napriek stratégií vytvorenej Ministerstvom hospodárstva SR sa stále jedná len o teoretický rámec, ktorý je ešte len v procese zavádzania do používania.

Opatrenia obsiahnuté v tejto stratégii tak ešte nestihli zmeniť situáciu v prostredí, ktorá je značne nepriaznivá.

Zistili sme, že odvetvie priemyselnej výroby je kľúčové pre fungovanie slovenskej ekonomiky a s 25% zamestnancov je najväčším odvetvím. Je preto veľmi dôležité, reagovať na všetky technologické trendy pružne, aby bola zachovaná konkurencieschopnosť slovenskej ekonomiky na svetových trhoch.

Miera schopností zamestnancov riešiť problémy na pracoviskách bohato využívajúcich digitalizáciu je v porovnaní s ostatnými krajinami pomerne nízka, čo znamená, že aktuálne pracovný trh nie je plne pripravený na hladkú transformáciu.

Kľúčovým faktorom pri adaptácii je vzdelávanie, ktoré však na Slovensku taktiež nenapreduje žiadaným smerom. Počet absolventov terciárneho vzdelávania každým rokom klesá, čím sa znižuje úroveň kvalifikácie na pracovnom trhu. Tento fakt môže znamenať, že Slovensko nebude schopné ťažiť z nových technológií, ktoré sa postupne zavádzajú, ba naopak môže stratiť významné podiely na svetovom trhu.

So štrukturálnymi zmenami na trhu práce bude pripadať väčšia dôležitosť celoživotnému vzdelávaniu, ktoré však taktiež na Slovensku nefunguje vôbec efektívne a zapája sa doň len 3,4% ľudí v produktívnom veku, čo je približne tretina úrovne priemeru v Európskej únii.

Na základe zistených skutočností môžeme konštatovať, že Slovensko nie je pripravené na Inteligentný priemysel a jeho postupné presadzovanie môže mať negatívny vplyv na slovenskú ekonomiku.

LITERATÚRA

- Bartodziej, C. 2013. *The Concept Industry 4.0*. Wiesbaden: Springer, 2017.
- Cevikcan, E. – Ustundag, A. 2018. *Industry 4.0: Managing The Digital Transformation*. Switzerland: Springer International Publishing, 2018.
- Eurostat. 2017. *Adult learning statistics*. [online] [citované 2019-04-05] Dostupné na: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Adult_learning_statistics#Participation_rate_of_adults_in_learning_in_the_last_12_months>.
- Eurostat. 2017. *Graduates by education level, programme orientation, sex and field of education*. [online] [citované 2019-04-05] Dostupné na: <http://ec.europa.eu/eurostat/product?code=educ_uoe_grad02&language=en&mode=view>.
- Lasi, H. - Fettke, P. - Kemper, HG. et al. 2014. Industry 4.0. In: *Business & Information Systems Engineering*. Wiesbaden: Springer, 2014, s. 239-242.
- Li, X. - Li, D. - Wan, J. et al. 2017. A review of industrial wireless networks in the context of Industry 4.0. In: *Wireless Networks 23: 23*. New York: Springer US, 2017, s. 23-41.
- Ministerstvo práce a sociálnych vecí ČR. 2016. *Iniciativa práce 4.0*. [online] [citované 2019-04-08]. Dostupné na: <https://portal.mpsv.cz/sz/politikazamest/prace_4_0>.
- Ministerstvo školstva SR. 2018. *Ministerka školstva vytvorí pracovnú skupinu pre terciárne vzdelávanie*. [online] [citované 2019-04-04] Dostupné na: <<https://www.minedu.sk/ministerka-skolstva-vytvori-pracovnu-skupinu-pre-terciarne-vzdelavanie/>>.
- Ministerstvo hospodárstva SR. 2016. *Akčný plán inteligentného priemyslu SR*. [online] [citované 2019-04-03] Dostupné na: <<https://www.mhsr.sk/inovacie/strategie-a-politiky/akcny-plan-inteligentneho-priemyslu-sr/>>.
- OECD. 2017. *Technology and Industry Scoreboard 2017: The digital transformation*. Paris: OECD Publishing, 2017.

- Roblek, V. - Meško, M. - Krapež, A. 2016. A Complex View of Industry 4.0. In: *SAGE Open* 6:2. [online] [citované 2019-04-02] Dostupné na: <<https://doi.org/10.1177/2158244016653987>>.
- Ziaei Nafchi, M. - Mohelská, H. 2018. Effects of Industry 4.0 on the Labor Markets of Iran and Japan. In: *Economies* 2018, 6, 39.
- Zezulka, F. – Marcon, P. – Vesely, I. – Sajdl, O. 2016. Industry 4.0 – An Introduction in the phenomenon. In: *IFAC-PapersOnLine* 49: 25. [online] [citované 2019-04-09] Dostupné na: <<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405896316326386?via%3Dihub>>.

Autor:

Bc. Lukáš Veteška

Fakulta managementu Univerzity Komenského v Bratislave

Odbojárov 10, 820 05 Bratislava

Tel.: 00 421 907 667 518

e-mail: lukas.veteska@fm.uniba.sk

POKYNY PRE AUTOROV

1. Články predložené k publikovaniu musia byť zamerané na ekonomickú a manažérsku problematiku.
2. Príspevky sa uverejňujú v slovenskom, českom, ruskom a anglickom jazyku.
3. Podmienkou uverejnenia príspevku je jeho originálnosť (pôvodnosť). Odovzdaním príspevku autor prehlasuje, že príspevok nebol doteraz publikovaný alebo ponúknutý k publikácii inému vydavateľovi.
4. V časopise sa uplatňuje systém anonymného recenzovania (peer-review) pre overenie vedeckej kvalifikácie článkov, každý príspevok je posudzovaný dvoma nezávislými recenzentami. Príspevky boli schválené na publikovanie Vedeckou radou časopisu.
5. Vedecká rada a Redakčná rada časopisu rozhodujú o prijatí príspevku na uverejnenie na základe recenzných posudkov. Vydavateľ si vyhradzuje právo príspevok odmietnuť.
6. Príspevky nie sú honorované. Redakcia si vyhradzuje právo požadovať od autora, po rozhodnutí o prijatí jeho príspevku na uverejnenie, participáciu na nákladoch spojených s realizáciou tlačenej formy časopisu v sume 40,- €.
7. **Autori posielajú príspevky upravené po formálnej stránke podľa „Konceptu príspevku do časopisu“.** Za jazykovú úpravu príspevkov zodpovedajú autori. Tlač časopisu je čiernobiela. Autori uvádzajú v príspevku obrázky, grafy, diagramy v čiernobielych prevedení.
8. Poznámky, ktoré patria pod čiaru sa čísloujú podľa poradia v texte. Tabuľky a ilustrácie (obrázky, schémy, grafy, diagramy) sa čísloujú samostatnými číselnými radmi podľa poradia v texte. Pod každou tabuľkou alebo ilustráciou je potrebné uviesť zdroj, z ktorého autor čerpal údaje. Na tabuľky a ilustrácie musia byť odkazy v texte príspevku.
9. Citácie literatúry sa uvádzajú podľa Metódy prvého údaja a dátumu (ISO 690) v nasledovnom formáte:
Jeden zdroj, jeden autor: (Autor, 2000)
Jeden zdroj, viac autorov: (Autor a kol., 2005)
Viac zdrojov: (Autor1, 2009; Autor2, 2010)
10. V zozname literatúry na konci príspevku sa jednotlivé položky uvádzajú v abecednom poradí (nečísľujú sa). Pre on-line dokumenty je povinný dátum citovania a dostupnosť.
11. Maximálny rozsah príspevku je 15 strán, vrátane príloh a zoznamu literatúry. Formát stránky A4 (210 x 297 mm), okraje: pravý 2,5 cm, ľavý 2,5 cm, horný 3 cm, dolný 2,5 cm. Riadkovanie je jednoduché. Stránky sa nečísľujú.
12. Štruktúra príspevku je uvedená v tabuľke č. 1.

Tabuľka 1: Štruktúra príspevku

Štruktúra	Písmo
NÁZOV PRÍSPEVKU V PÔVODNOM A ANGLICKOM JAZYKU	Times New Roman, veľ. 16 Zarovnanie na stred
Meno a priezvisko autora (ov) – bez titulov	Times New Roman, veľ. 12 Zarovnanie na stred
<i>Abstrakt v anglickom jazyku</i>	Text - Times New Roman, veľ. 10, Italic
<i>Kľúčové slová v anglickom jazyku (5-6 slov)</i>	Times New Roman, veľ. 10, Italic
<i>JEL Classification</i>	Times New Roman, veľ. 10, zarovnanie doľava, Italic. Vid' napr.: https://www.aeaweb.org/econlit/jelCodes.php?view=econlit
ÚVOD CIEĽ A METODIKA VÝSLEDKY A DISKUSIA ZÁVER	Times New Roman, veľ. 14, Bold, všetky písmená veľké Kapitoly číslojte arabskými číslicami
Text príspevku	Times New Roman, veľ. 12 Odsadenie prvého riadku v odseku tabulátorom 1,25 cm
Tabuľka 1: Názov tabuľky Graf 1: Názov grafu Obrázok 1: Názov obrázku	Times New Roman, veľ. 12, Bold Umiestniť nadpis nad tabuľkou, zarovnať vľavo Umiestniť nadpis pod graf, centrovat' Umiestniť nadpis pod obrázok, centrovat' Zdroj umiestniť pod tabuľku, zarovnať vľavo Zdroj umiestniť pod graf, obrázok, centrovat' (Times New Roman, veľ. 10, Italic)
LITERATÚRA	Times New Roman, veľ. 14, Bold, všetky písmená veľké Radit' v abecednom poradí, nečíslovať
Autor: Titul, meno a priezvisko Názov pracoviska Adresa pracoviska Tel.: 0000000000000 e-mail: some@who.com	Times New Roman, veľ. 12 Zarovnať doľava

Autori posielajú príspevky upravené po formálnej stránke podľa „Konceptu príspevku do časopisu“ uverejnenom na internetovej stránke časopisu www.maneko.sk.

Príspevky do čísla 3/2019 prijíma redakcia časopisu do 15. októbra 2019

MANEKO

časopis o ekonomike a manažmente priemyselných podnikov

MANEKO prináša vedecké články, diskusné príspevky a recenzie odborných prác zaoberajúce sa problematikou ekonomiky a manažmentu priemyselných podnikov z oblastí všeobecného manažmentu, finančného manažmentu, manažmentu kvality, environmentálneho manažmentu, manažmentu ľudských zdrojov, manažmentu malých a stredných podnikov, marketingu, controllingu, logistiky, strategického manažmentu podnikov a podobne. Umožňuje publikovanie vedeckých a odborných prác pre cieľovú skupinu vysokoškolských pedagógov a vedeckých pracovníkov, ale zároveň dáva príležitosť pre publikovanie príspevkov aj doktorandom a odborným pracovníkom z podnikovej praxe, verejnej správy a pod.

Vedecký časopis MANEKO (Manažment a ekonomika podniku) vydáva Oddelenie manažmentu chemických a potravinárskych technológií Ústavu manažmentu STU v Bratislave vo Vydavateľstve SPEKTRUM STU Bratislava

Vychádza dvakrát do roka, ročník 11, 2019, č.2

Tlač: ŠEVT, a.s. Bratislava

Adresa redakcie: Oddelenie manažmentu chemických a potravinárskych technológií

ÚM STU, Vazovova 5, 812 43 Bratislava

Za jazykovú úpravu príspevkov zodpovedajú autori

Registračné číslo MK SR EV 2908/09

Dátum vydania periodickej tlače: jún 2019

© Oddelenie manažmentu chemických a potravinárskych technológií Ústavu manažmentu
STU v Bratislave, Bratislava 2019

ISSN 1337-9488 (tlačené vydanie)

ISSN 1338-5127 (elektronické vydanie)